

[Polaris]

А. ОССЕНДОВСКИЙ

МИРНЫЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ

**ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
ТОМ IV**

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCXLVI

Salamandra P.V.V.

Антоний
ОССЕНДОВСКИЙ

МИРНЫЕ
ЗАВОЕВАТЕЛИ

Избранные сочинения
Том IV

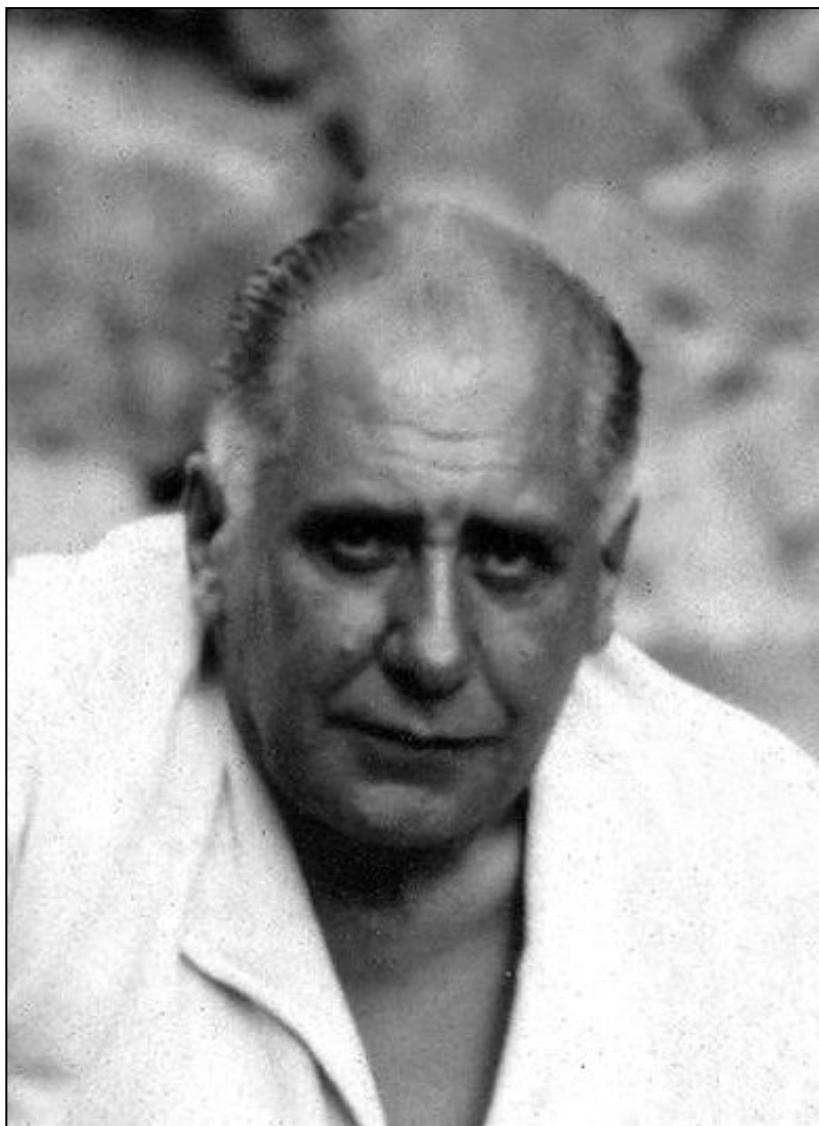
Salamandra P.V.V.

Оссендовский А. Ф.

Мирные завоеватели. Сост., подг. текста и прим. М. Фоменко и А. Шермана (Избранные сочинения. Том IV). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 174 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCXLVI).

Настоящее издание является первым на русском языке собранием избранных сочинений польско-русского писателя, ученого, путешественника и авантюриста Антония Фердинанда Оссендовского (1876-1945).

В четвертый и заключительный том собрания вошла написанная в годы Первой мировой войны скандальная повесть «Мирные завоеватели» о немецком «шпионаже» на Дальнем Востоке, военные рассказы и биографический очерк.

МИРНЫЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ

Маркъ Чертванъ.

МИРНЫЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ.

ПОВѢСТЬ.

МИРНЫЕ ВЫМОГАТЕЛИ

(Необходимое предисловие)

Решение включить в собрание избранных сочинений А. Оссендовского повесть *Мирные завоеватели* сложилось у нас не сразу. С одной стороны, повесть эта представляет несомненный исторический и определенный литературный интерес, с другой — тесно связана с одной из наиболее неприглядных страниц биографии А. Оссендовского. Речь идет о беспрецедентной кампании газетной клеветы, шантажа и вымогательства, развернутой Оссендовским в 1914-1916 гг. против крупнейшего на Дальнем Востоке торгового дома «Кунст и Альберс». Как замечал американский дипломат и историк Д. Кеннан, «в истории журналистики едва ли можно найти другой пример такой ожесточенной и долгой личной вендетты»¹.

Торговый дом «Кунст и Альберс» был основан выходцами из Гамбурга Г. Кунстом (1836-1905) и Г. Альберсом (1838-1911); первый магазин компании был открыт в небольшом деревянном здании во Владивостоке в 1865 г. К 1910-м гг. торговый дом «Кунст и Альберс» стал ведущим торгово-промышленным предприятием Дальнего Востока, располагая десятками отделений в России, Европе и Азии и занимаясь, помимо оптовой и розничной торговли, пароходными сообщениями, банковским делом, страховым агентированием, производством красок и папирос и т. д.; флагманский магазин компании во Владивостоке мог поспорить с лучшими универсальными магазинами мира.

Первая Мировая война, разразившаяся летом 1914 г., предоставила «истинно русским» конкурентам «Кунст и Альберс» прекрасную возможность расправиться с компанией. «Начало войны, — пишет Кеннан, — ознаменовалось активными попытками русских деловых кругов не только искоренить реальное германское коммерческое влияние в России, но и, путем раздувания и эксплуатации военной истерии, дискредитировать и уничтожить тех российских конкурентов, которые были уязвимы к атакам благодаря своим немецким именам или германскому происхождению

¹ Kennan, George F. The Sisson Documents // The Journal of Modern History. 1956. Vol. 28, No. 2 (June). С. 149.

своих предприятий»².

Сигналом к началу кампании травли «Кунст и Альберс» послужила статья «На Дальнем Востоке» некоего Далинского (возможно, один из псевдонимов Оссендовского), опубликованная уже в первые военные недели в петроградской газете «Свет» и немедленно перепечатанная черносотенным дальневосточным «Русским Востоком». Тираж номера «Русского Востока» от 24 августа 1914 г. был выкуплен сотрудниками «Кунст и Альберс», однако статья, с разрешения военного губернатора Приморья, была выпущена отдельной брошюрой³.

«Воюя с внешним врагом, — писал Далинский, — нужно обратить внимание на врагов внутренних, немецких подданных-немцев, в громадном количестве живущих у нас в России и сугубо растаскивающих наше добро... Вся крупная торговля, вся промышленность страны в руках немцев. Немцы всюду и везде в почете, перед ними заискивают, их боятся все...»

Любопытно, что уже эта статья достаточно откровенно указывала на вдохновителей клеветнической кампании: Далинский пылко уверял, что местные власти якобы покровительствовали немцам в ущерб основному дальневосточному конкуренту «Кунст и Альберс» — компании «И. Я. Чурин и Ко.» с головной конторой в Москве.

К травле вскоре подключилось суворинское *Вечернее время* (суворинские издания и до войны, как указывает Кеннан, выступали с нападками на «Кунст и Альберс»). Оссендовский, скрывавшийся под псевдонимом «А. Мзура», в 1914-1916 гг. опубликовал в газете десятки статей, культивируя образ «дальневосточного паука» и обвиняя «Кунст и Альберс» в шпионаже, поддержке германской военной машины, эксплуатации и угнетении русского народа и т. п.

Следует указать, что антигерманские настроения Оссендовского сомнению не подлежат. В годы Первой мировой войны он систематически выступал и с другими германофобскими статьями, в 1915 г. опубликовал также книгу *Великое преступление: Материалы для обвинения Германии и Австрии, их императо-*

² Kennan, там же, с. 146.

³ Агапов В. Л. Военная пропаганда и образ врага во Владивостокской прессе 1914 г. // Дальний Восток России и страны Восточной Азии на кануне и в годы Первой мировой войны: Сборник научных статей. Владивосток, 2016. С. 258-259.

ров, правительства и народа культурным человечеством в нарушении международного права и законов и обычаях войны. Однако не последнюю роль сыграла, видимо, и корысть: анти-германскую публистику охотно печатало то же *Вечернее время* и другие газеты, а компания против «Кунст и Альберс», как выяснилось впоследствии, была инспирирована и щедро оплачена «И. Я. Чурин и Ко.» и лично главой фирмы А. Касьяновым⁴. В атмосфере шпиономании и ненависти к немцам такого рода «патриотическая» пропаганда превратилась для Оссендовского и многих других в выгодную статью дохода, причем деньги писатель получал не только от Касьянова и редакции *Вечернего времени*. Позднее в письме в министерство финансов колчаковского правительства Оссендовский признавался, что в своей «борьбе с германцами во всех отраслях нашей жизни» использовал денежные средства, предоставленные крупнейшим банкиром и предпринимателем Н. Второвым, председателем Центрального военно-промышленного комитета А. Гучковым и «польскими деятелями»⁵.

В первой половине 1915 г. Оссендовский (под псевдонимом Марк Чертван) выпустил повесть *Мирные завоеватели*. По данным Л. Деега, автора подробной истории дальневосточной деятельности «Кунст и Альберс», книга вышла тиражом в 10,000 экз. ценой в 1 руб., а затем был выпущен и отдельный тираж для армии по 30 коп. за экземпляр⁶. Компания «Кунст и Альберс» была прозрачно «зашифрована» в книге как «Артиг и Вейс», а ее руководители А. Даттан и А. Альберс, соответственно, выведены под именами «Вотан» и «Альфред Вейс».

Оссендовский-Чертван, отнеся действие к эпохе русско-японской войны, рисовал широчайшую сеть немецкого шпионажа, охватившую Россию. Компания «Артиг и Вейс» и все ее сотрудники напрямую подчиняются германским военному и военно-

⁴ Как замечает Кеннан, «есть все основания полагать, что не только Оссендовский лично, но также газета (широко подозревавшаяся в волюнтаристской продажности) получали вознаграждение за эти услуги» (там же, с. 146).

⁵ Kennan, *ibid.*, с. 147; Старцев В. И. Немецкие деньги и русская революция: Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2006. С. 31.

⁶ Deeg Lothar. Kunst und Albers Vladivostok: The History of a German Trading Company in the Russian Far East (1864-1924). Vladivostok, 2012. С. 307.

морскому ведомству и снабжают Берлин и Японию разведывательной информацией; ловкий разведчик, капитан Карл Вольф, соблазняет и шантажирует беспомощных русских красавиц и по заданию японцев строит радиотелеграфные станции и даже... искусственный цементный риф, призванный помешать движению русских эскадр. В повести названы и другие, столь же прозрачно зашифрованные германские шпионские гнезда: «Артур Родпель», «Хильманс», «Дангелидер», «Витман-Бауэрнамер», «Димменс» (т. е. компании и торговые дома «Артур Кошель», «Э. Тильманс и Ко.», «И. Лангелитте и Ко.», «Гейтман-Аурнгаммер», «Сименс») и т. д. Все они служат «осведомительными бюро» германской разведки, чья агентурная сеть простирается от польских границ до берегов Тихого океана: «немцы-колонисты, населяющие всю почти пограничную полосу Царства Польского и дальше до Бессарабии и до Балтийского моря <...> инженеры, фабриканты, приказчики различных немецких фирм <...> немецкие колонисты, поселившиеся по Волге <...> на Урале <...> скупщики леса и горных предприятий, а за Уралом, от Кургана до Омска <...> крупные скупщики сибирского масла».

Вслед за тем появилась газетная заметка, где рассказывалось о подготовке к съемкам основанного на *Мирных завоевателях* кинофильма. Скорее всего, сведения о постановке фильма были вымышлены самим Оссендовским и являлись необходимым элементом шантажа. В середине июня и в начале июля Оссендовский направил во Владивосток два анонимных письма; эти документы, сохранившиеся в Национальном архиве США, говорят сами за себя. Приведем соответствующий отрывок из цитированной выше книги историка В. Старцева:

Заказное письмо без даты <...>, отправленное из Петрограда 16 июня (дата штемпеля 29-го почтового отделения), имело адрес: «Владивосток. Торговый дом “Кунст и Альберс”. Господину Альберсу. Лично». Его текст гласил: «Господину Альберсу. Довожу до Вашего сведения и прошу Вас передать другим немецким фирмам во Владивостоке, что туда едет один из редакторов “Вечернего времени” и “Нового времени”, А. Мзура, с большими полномочиями от газет и министерств торговли и промышленности, а также и военного. Цель поездки — провести кампанию против немецких фирм на Дальнем Востоке, особенно против “Кунст и Альберс”. Мзура весь июль проведет в Томске, где будет жить у начальника Горного управления Боголюбского (тайного советника). Мой совет: немедленно

послать к Мзуре Вашего доверенного и заплатить Мзуре за то, чтобы он не писал о немецких фирмах на Дальнем Востоке»¹⁹. Тут мы видим и желание произвести впечатление своим весом и связями, и неприкрытий шкурный интерес, цинизм и расчет. Ведь никто не мешал бы Мзуре, после получения денег, травить немецкие фирмы под другим псевдонимом. <...>

Второе письмо было отправлено в начале июля (судя по нечеткому на фотокопии штемпелю все того же 29-го почтового отделения, 4 июля), но имело дату «Петроград 15 июня 1915 г.». Таким образом, оба письма были составлены одновременно и лишь отправлены с большим интервалом. Адрес и письмо были напечатаны на той же пишущей машинке, но с некоторыми различиями в обращении, чтобы создать впечатление того, что письма написаны разными отправителями. Так, в отличие от первого письма, название фирмы и фамилия адресата стояли в других падежах. Здесь говорилось: «Торговому дому “Кунст и Альберс”» и «Господину Альберс». Если первое письмо начиналось со слов «Господину Альберс», то второе: «Милостивый государь господин Альберс», что тоже должно было убедить получателя, что пишет ему уже другой человек. Текст письма был следующий: «В Петрограде ведется ожесточенная кампания против всех немецких торговых домов в России, независимо от того, принадлежат ли они русским или иностранным подданным. В настоящее время, как Вы усмотрите из газетной вырезки, ставится кинематографическая пьеса, в которой в качестве германских шпионов фигурируете Вы, г. Даттан и некоторые из Ваших служащих, как, например, г. Рель. Одновременно выпускается на рынок, и главным образом на Дальнем Востоке, 10 000 экземпляров книги “Мирные завоеватели”, где Ваш торговый дом выставляется в очень неприглядном свете; так как автор книги человек с большими связями, то книга и пьеса найдут широкое распространение. Сообщая Вам об этом, делаю это для того, чтобы парализовать, насколько можно, результаты травли против таких больших фирм, как Ваша, Артура Коппеля, Сименса, Гейтман-Аурнгаммера. Лангелитье и др. Если Вас интересуют подробности и нужно содействие в этом деле, обратитесь по телеграфу к Штиглицу, Петроград, Литейный пр., 60, кв. 18». <...>

В письмо была вложена следующая газетная вырезка: «В настоящее время готовится к постановке новая большая кинематографическая пьеса “Мирные завоеватели”. Сценарий составлен по

изданной в мае повести Марка Чертвана “Мирные завоеватели”, на днях выходящей вторым изданием. Пьеса, как и самая повесть, написана на основании документов и рисует быт и приемы германских шпионов и шпионскую деятельность крупных немецких фирм на Дальнем Востоке»⁷.

Встретившись с представителями «Кунст и Альберс», Штиглиц предстался секретарем Оссендовского, чьи псевдонимы «Мзура» и «Чертван» тотчас раскрыли. «Вся компания, согласно неожиданно болтливому Штиглицу, была инициирована московскими предпринимателями, которые также обеспечивали необходимую финансовую поддержку. Конфидент Оссендовского объяснил, что фирма должна остановить кампанию в печати не позднее, чем кинофильм выйдет на экраны Дальнего Востока; в противном случае ей грозит погром. Но “Кунст и Альберс” может это предотвратить и содействовать прекращению кампании, выплатив 25,000 рублей Оссендовскому и 1,500 ему, Штиглицу, в качестве посредника»⁸.

Выяснив подоплеку клеветнической кампании, ТД «Кунст и Альберс» подал в суд на Оссендовского, Касьянова и редактора-издателя *Вечернего времени* Б. Суворина⁹, что вызвало скандал в прессе. Однако процесс против вымогателей затягивался — благо те располагали, видимо, влиятельными покровителями, а руководители «Кунст и Альберс» не могли прибыть в Петроград, — и до Февральской революции так и не начался.

Вымыслы Касьянова, Оссендовского и Ко. пали на благодатную почву как в шовинистических «верхах», так и «на мес-

⁷ Старцев, там же, с. 35-37, 227 (прим.).

⁸ Deeg, op. cit., с. 308. В беседе с американским историком С. Харпелем в 1921 г. Оссендовский утверждал, что руководство «Кунст и Альберс» якобы предлагало выплатить ему 200,000 руб. за прекращение кампании.

⁹ РГИА, ф. 857, оп. 1, д. 1490-1498. Цит. по: Колганова А. А., Рейтблат А. И. Оссендовский Антон Мартынович // Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 461. Здесь же авторы со ссылкой на ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 99, л. 575 указывают, что Оссендовский «принимал участие (совместно с И. Ф. Манасевичем-Мануйловым) в шантаже проживавших в Петербурге немецких и австрийских подданных, публикуя сведения о них (если они не откупались) в “Вечернем времени”».

так». С осени 1914 г. начался планомерный разгром «Кунст и Альберс». Хотя проведенные обыски не дали реальных доказательств шпионажа, немецкие и австрийские работники фирмы были сосланы в Сибирь; А. Даттан, дважды побывавший под арестом, был также сослан; в головное предприятие во Владивостоке и крупные филиалы были назначены правительственные инспекторы для надзора за финансами¹⁰ и наконец, с призывом А. Альберса в армию, торговый дом был фактически обезглавлен.

В конце 1916 г. «Чрезвычайная комиссия по борьбе с немецким засильем» пришла к выводу о необходимости ликвидировать «Кунст и Альберс». Несмотря на протесты городской думы Владивостока и городских властей Хабаровска и Никольска-Уссурийского, Совет министров в начале января 1917 г. поддержал решение комиссии, распорядившись назначить временную администрацию для ликвидации компании, чему помешала революция.

Остается рассказать о судьбе реальных прототипов «Вотана» и «Альфреда Вейса» — Адольфа Даттана и Альфреда Альберса.

А. Даттан, соучредитель и распорядитель компании «Кунст и Альберс», активный участник общественной жизни Дальнего Востока, гласный Владивостокской городской думы, почетный мировой судья, консул Германии и пр., родился в 1854 г. в Рудерсдорфе в многодетной семье евангелического пастора. Карьеру начал как бухгалтер в ювелирном магазине брата Г. Альберса, одного из основателей «Кунст и Альберс». Прибыл во Владивосток в 1874 г., в 1880-х гг. принял русское подданство, незадолго до Первой мировой войны был возведен в почетное дворянство.

Характеризуя А. Даттана, Деег пишет, что тот был «амбициозным, самоуверенным и подчас безжалостным дельцом, а также влиятельной фигурой на русском Дальнем Востоке. Безусловно, было бы не слишком разумно вступить в тех краях в конфликт с ним или его компанией. Но уважение, которое внушал некогда Даттан на Дальнем Востоке, основывалось не на страхе перед всемогущим “серым кардиналом” мафиозного типа, каким он изображался в клеветнических статьях петербургской прессы. Репутация Даттана зиждалась на том экономическом и социальном вкладе в регион, который он сумел осуществить на протяже-

¹⁰ Акт государственной историко-культурной экспертизы выявленного объекта культурного наследия «Пятиэтажный склад»... [Владивосток, 30 апреля 2019]. С. 33.

нии четырех десятилетий»¹¹.

С началом войны семья Даттана оказалась расколота. Два его сына находились в Германии, причем один, германский подданный, вызвался добровольцем на западный фронт, а другой, как российский офицер, был арестован (впоследствии был освобожден по болезни и выехал в Швейцарию). Еще два сына, российские подданные, сражались в рядах российской армии. Сын Даттана Александр погиб на фронте в 1916 г., Адольф пропал без вести на французском фронте.

В октябре 1914 и январе 1915 гг. Даттан побывал под арестом и в середине января 1915 г. был выслан под полицейский надзор в деревню Колпашево Томской губернии. Во время гражданской войны арестовывался колчаковской контрразведкой по подозрению в шпионаже в пользу большевиков. В конце осени 1919 г. добрался из Томска во Владивосток, где встретился с А. Альберсом и, передав компаньону все права на имущество торгового дома в России, выехал в Германию. Умер в Наумбурге в 1924 г.

Альфред Альберс, сын сооснователя «Кунст и Альберс» Г. Альберса, родился в Гамбурге в 1877 г. и прожил долгую жизнь. Получил юридическое образование. Вступил в права компаньона фирмы в 1910 г., когда его отец был смертельно болен, и в феврале 1911 г. прибыл с женой во Владивосток; осенью того же года принял русское подданство. В 1915 г. был мобилизован и направлен в резервный батальон; позднее был переведен в Петроград, где состоял при ремонтной мастерской бронедивизиона. В 1918 г. работал в германской комиссии, занимавшейся эвакуацией пленных и интернированных немцев. С прекращением деятельности комиссии выехал через Финляндию в Германию, затем возвратился во Владивосток, где начал восстанавливать разоренную компанию «Кунст и Альберс», постепенно перенося основную деятельность в Китай¹². В 1924 г. покинул Владивосток и вернулся в Германию. Скончался в 1960 г.

¹¹ Deeg, там же, с. 298.

¹² В 1923-25 гг. советские власти отобрали у компании свыше двух десятков зданий, часть из которых сдавали прежним владельцам, а к концу 1920-х гг. обложили «Кунст и Альберс» непосильными налогами. Деятельность фирмы в России завершилась арестом счетов в 1930 г.; китайские отделения «Кунст и Альберс» просуществовали до Второй мировой войны.

Что же касается Оссендовского, то он вскоре перешел от шантажа к подлогу и после Февральской революции, при участии коллеги по *Вечернему времени* Е. Семенова, сфабриковал ряд документов, призванных доказать связи большевистского руководства с германским правительством. Эти бумаги, проданные американскому посланнику Э. Сиссону, получили известность как «документы Сиссона».

Роль Оссендовского в подлоге была разоблачена еще в 1921 г. в забытой брошюре отставного морского офицера и редактора газеты *Дальний Восток* В. Панова¹³. Следует отметить, что и А. Альберс стремился разоблачить Оссендовского в качестве шантажиста и по возвращении в Германию, как установил В. Буря, обратился к знаменитому В. К. Арсеньеву, состоявшему тогда директором Хабаровского краеведческого музея. В письме к Альберсу от 21.05.1925 г. Арсеньев писал:

«Ваше любезное письмо с разрешением воспользоваться материалами об Оссендовском, который шантажировал Вашу фирму в гор. Владивостоке в 1914-1916 г.г. — мною получено. <...> В настоящее время Оссендовский находится в Германии и из германофоба превратился в германофила. Он на всех перекрестках ругает русских и курит фимиам по адресу германского народа. Цена этому фимиаму такая же, как его шантажу Вашей фирмы в прошлом. <...> Господина Оссендовского надо вывести на чистую воду»¹⁴.

Разоблачения, однако, пришлось ждать еще более тридцати лет: лишь в 1956 г. с публикацией работы Д. Кеннана окончательно выяснилась роль Оссендовского в подделке «документов Сиссона» и клеветнической кампании против «Кунст и Альберс».

M. Фоменко, A. Шерман

¹³ Панов В. И. Исторический подлог: Американские подложные документы. Владивосток, 1921. Панов, наряду с некоторыми сотрудниками «Кунст и Альберс» и руководителями компании, фигурировал в «документах Сиссона» как немецкий агент.

¹⁴ ГАХК. Ф. 1660. Оп. 1. Д. 2. Л. 152. См. <https://fantlab.ru/blogarticle28410>.

I

В конце мая 1902 года в гавань большого русского города на Тихоокеанском побережье входил белый японский пассажирский пароход. Он вышел из Восточного Босфора полным ходом и, рассекая высоким носом лазоревые воды залива, быстро приближался к торговой пристани города. На корме парохода стоял стройный, белокурый человек в костюме туриста и внимательным и вместе с тем любопытным взором осматривал берега. Сзади, за кормой парохода, где разевался белый японский флаг с красным солнцем, уже таяла в тумане и в дымке золотистых солнечных лучей высокая груда каменистого острова с маяком, а по обеим сторонам бухты высились горы, местами плоско срезанные и таящие береговые батареи. Стоящий на корме человек осматривал берега и по временам незаметно взглядал в записную книжку, в которой на разных страницах были нанесены какие-то кружки с расходящимися лучами, длинные зигзагообразные линии и квадраты, заполненные маленькими крестиками или неправильной формы кружками.

— А вы, капитан, уже за делом? — спросил, подходя к нему, командир парохода.

Спрощенный медленно оглянулся, спокойным взором смерил с ног до головы маленькую, коренастую фигуру японца и сухо ответил:

— Я был лучшего мнения о скромности японских офицеров. Я попросил бы вас, майор Казаги, забыть, что мы с вами служим общему делу, и знать обо мне лишь то, что на вашем пароходе из Нагасаки до русского порта совершил морской переход новый служащий торгового дома «Артиг и Вейс» Карл Вольф.

С этими словами, не взглянув более на смущенного японца, Вольф еще раз внимательно осмотрел берега, перелистал, взглядываясь в рисунки, всю свою записную книгу, а затем начал вырывать из нее страницу за страницей. Спокойно и методично он изорвал на мелкие клочки эти лист-

ки бумаги и в несколько приемов бросил их за борт.

— Иавари койва! — раздался оклик штурмана, стоящего у носового якоря.

Капитан молча махнул рукой и тотчас же с глухим ворчанием побежала по клюзу якорная цепь.

Начались скучные таможенные обрядности с предъявлением паспортов, осмотром трюмного и шканцевого журналов, а потом таможенники вошли в рубку капитана, где уже стоял ром, а в стеклянной вазе золотился холодный крюшон с кусками свежего сингапурского ананаса.

Пока все это происходило, Вольф упругой походкой, изобликающей в нем или военного или спортсмена, быстро шагал по улице, идущей от пристани к вокзалу, и вскоре свернул на широкую, проходящую вдоль всего залива и через весь город, главную улицу.

Приезжий не торопился. Он шел, внимательно осматривая здания, прохожих, шумную толпу китайских кули со смешными рогульками за спинами и в грязных рыжих шапках на бритых головах. Догнав одного из кули, Вольф с улыбкой прикоснулся к болтающейся сзади китайца и когда тот оскалил, смеясь, крупные желтые зубы, на чистейшем русском языке спросил его:

— Скажи, ходя, где тут магазин «Артиг и Вейс»?

— Ойяха! — воскликнул китаец, тараща на прохожего удивленные глаза. — Капитан не знай «Артиг и Вейс?» Шибко большой купец! Шибко большой магазин! Моя покажи капитану?

Не дожидаясь разрешения, китаец побежал вперед, через каждые пять шагов оглядываясь на идущего за ним Вольфа.

Вскоре они пришли к огромному дому, стоящему на лучшем месте улицы и большими зеркальными окнами выходящему на залив и на раскинувшиеся на другом берегу его лесистые горы, мягкими складками уходящие к заливу Патрокла. Приезжий, кинув китайцу серебряную монету, решительным и смелым шагом вошел в магазин.

Толпа людей наполняла обширное помещение универсальной фирмы, захватившей всю торговлю Тихоокеанского

го побережья России в свои руки. Это можно было сразу заметить по тому обилию и разнообразию товаров, которые видел Вольф, медленно переходящий из отделения в отделение и провожаемый любопытными и вместе с тем несколько тревожными взглядами лощеных приказчиков и клерков, тихо переговаривающихся между собой на немецком языке.

Вольф видел изящные витрины, наполненные футлярами с драгоценностями, духами, редким хрусталем и серебряной посудой; обширное отделение, где приказчики отмеривали различные ткани, выделанные в Германии, или китайские и японские шелка, было переполнено нарядными, несколько пестро и вызывающе одетыми дамами, которые перекидывались шутками и порой очень выразительными взглядами с красивыми и рослыми приказчиками, сдержанно отвечающими им на эти кокетливые взгляды и задорные улыбки; в колониальном отделении широкоплечие, загорелые, как бронза, рыбаки и промысловые охотники закупали большие количества соли, крупы и сахара; здесь же толстый, с благообразным лицом церковного регента и со странно вывернутыми в разные стороны ступнями ног, местный ресторатор Шунин заказывал шоколад, вина и ценные горы фруктов. Вольф зашел в отделение земледельческих орудий, в магазин обуви и готового платья; видел на дворные постройки, где стояли экипажи, лодки и различные принадлежности для спорта; обошел отделение оружия, заглянул в банкирское отделение торгового дома «Артиг и Вейс» и только тогда, когда он вошел в чертежную, где, склонившись над столами и конторками, работали клерки, один из них встал и, подойдя к вошедшему незнакомцу, спросил его:

— Чем можем служить?

— Я прошу провести меня к господину Вотану, — ответил Вольф.

Несмотря на то, что приемные часы у главы фирмы уже закончились, клерк услышал такие повелительные ноты в голосе незнакомца, что молча повернулся и, подойдя к дубовой двери, ведущей в кабинет директора, постучал.

Заслышиав обычное немецкое разрешение войти, клерк подобострастно скользнул в кабинет и, вернувшись через несколько мгновений, сказал незнакомцу:

— Господин Вотан сейчас выйдет!

По лицу Вольфа скользнула гримаса неудовольствия, но он сразу успокоился и, приветливо улыбнувшись, сказал:

— Я подожду.

Господин Вотан, действительно, заставил себя ждать. Лишь минут через двадцать дверь кабинета медленно открылась и в чертежную вошел пожилой, немного уже обрюзгший человек, ленивым и слегка сонным голосом спросивший:

— С кем имею удовольствие говорить?

Не отвечая на вопрос, незнакомец выпрямился по-военному и, поклонившись, сказал:

— Прошу свидания наедине.

Глаза Вотана расширились, и откуда-то из глубины его зрачков метнулось любопытство. Он побегал взглядом по высокой, незнакомой ему фигуре посетителя, поискав чего-то в его глазах, а потом пожал плечами и уже на ходу небрежно бросил:

— Если вам угодно...

II

Вотан тяжело опустился в свое кресло за большим письменным столом, заваленным различными бумагами и счетами, с целой грудой корреспонденции, приходящей отовсюду. На видном месте красовался портрет принца Генриха Пруссского в тяжелой бронзовой раме и с личной размашистостью подписью принца, идущей через всю нижнюю часть его портрета.

Указав рукой на кресло, стоявшее напротив, Вотан вскинул глаза на посетителя и сказал:

— Итак — я вас слушаю!

Севший было незнакомец опять поднялся и спокойным, привычным голосом произнес:

— Согласно предписанию германского морского министерства за № 1748 от 22 Марта настоящего года, имею честь явиться в торговый дом «Артиг и Вейс» в качестве управляющего инженерно-техническим отделением фирмы. Фамилия моя — Вольф Карл, капитан флота его императорского величества императора Вильгельма.

При первых словах капитана, старик Вотан поднялся и внимательно слушал.

Когда посетитель окончил, Вотан, не говоря ни слова, протянул ему руку. Вольф вынул бумажник и, достав из него сложенную вчетверо толстую голубоватую бумагу, украшенную сверху черным германским орлом, подал ее Вотану. Тот быстро пробежал ее и вновь поднял глаза на посетителя.

— Итак — что это значит? — спросил он.

— Правительство считает неудобным непосредственно сноситься с вами по всем интересующим его вопросам в настоящий момент, когда вы, господин Вотан, перестали быть германским агентом, состоящим на службе нашего правительства, и приняли русское подданство, — разделяя каждое слово, внятно и твердо произнес капитан.

— Правительство, кажется, может быть мной довольным? — заметил, криво улыбнувшись, Вотан. — Я сделал свое дело и поставил все... предприятие очень широко.

При этих словах Вотан рассмеялся сухим и почти беззвучным смехом.

По красивому лицу капитана скользнула веселая и несколько лукавая улыбка, и он поклонился.

— Правительство чрезвычайно довольно вами! — сказал он. — Но правительство полагает, что вы будете гораздо свободнее в своей деятельности, когда при вас будет человек, который поддержит непосредственные связи как с Берлином, так и с теми лицами, которые находятся с нами в деловых сношениях. Я провел довольно долгое время в Индии, Китае, а последние три недели я жил в Японии, где у меня отличные и дружеские отношения.

Кстати, — добавил после минутного молчания капитан, — перед отъездом я имел честь откланиваться его высоче-

ству принцу Генриху, который, как вам известно, особенно интересуется Тихим океаном и считает, что ареной будущего международного спора будут именно здешние воды. Его высочеству угодно было приказать мне передать вам его искренний привет и пожелания долгой жизни на пользу нашей дорогой родины.

Вотан вышел из-за стола и протянул обе руки приезжему.

— А я думал, — сказал он, — что в Берлине произошли перемены в правительстве и старого Вотана забыли. Там могут думать, что Вотан только коммерсант, но он, поверьте мне, капитан, и — политик. Вы убедитесь в этом сами. Здесь все подготовлено, все предусмотрено. Я вспоминаю пребывание принца в моем доме и считаю это время счастливейшим в моей жизни.

Через несколько минут в чертежную вышел Вотан вместе с приезжим и, к удивлению клерков, представил им их нового начальника.

Вольф начал знакомиться с каждым, беседуя с ним и спрашивая о его прошлой службе и о делах, которыми он заведует.

В тот же день, после закрытия магазина, в клубе для приказчиков и клерков торгового дома «Артиг и Вейс» шли оживленные разговоры о новом служащем, которого с таким почетом и даже долей тревоги, очень чутко подмеченной служащими, встретил и водил по всему огромному зданию торгового дома сам всемогущий Вотан.

Когда молодые служащие вышли на площадку, где был устроен теннис, и начали игру, неожиданно появился и тот, о ком так много говорилось в этот день среди служащих торгового дома. Он быстро перезнакомился с собиравшимися играть клерками и просил принять его в одну из партий. Вскоре игра началась.

Ловкость, изящные движения и необычайный навык к игре очень всем понравились, и Вольф сразу приобрел особые симпатии у молодежи. Когда его хвалили и расспрашивали, где он научился так мастерски играть, он весело улыбался и, пожимая плечами, говорил:

— Я служил в Лондоне в большом торговом доме и вместе с моими сослуживцами, природными англичанами, я также увлекался этой игрой и проявил в ней известные способности.

Когда в торговом доме замерла вся жизнь и в окнах не виднелось более света, когда лишь китайские сторожа бродили кругом, а по двору ходил дежурный, вооруженный револьвером, и тихо посвистывал двум большим, спущенным с цепи парам, только одно окно в верхнем этаже здания светилось почти до утра.

Там, открыв большой зеленый несгораемый шкаф, стоявший в простенке между двумя окнами чертежной и никогда при клерках не открывавшийся, Вольф вынул три кожаных портфеля и, перенеся их на свой письменный стол, внимательно изучал их содержимое. Он что-то подсчитывал, вносил в свою записную книжку отдельные слова и цифры, а потом, когда побелело небо, а с бухты донеслись гудки снимающихся с якорем пароходов и послышались заунывные крики проснувшихся чаек, Вольф, аккуратно сложив бумаги и чертежи в портфели, запер их в шкаф. Потом он подошел к своему столу и, взяв тетрадь с телеграфными бланками, набросал телеграмму следующего содержания:

«Берлин, цейхгауз, консерватору музея Клейну. Принял магазин. Присланная вам перепись товаров правильна. Все нашел в порядке. По описи можно производить заказы. Вольф».

Только после этого капитан поднялся, расправил грудь и плечи и, тихо насвистывая какую-то фривольную песенку, мельком взглянул в окно, но его холодные глаза беспристрастно скользнули по красивому берегу, залитому нежными лучами восходящего солнца, и не отразили в себе ни восторга, ни того молитвенного чувства, которые охватывают человека, когда он присутствует при радостном рождении дневного светила.

Он спустился по лестнице и по коридору прошел в большую комнату, где стояла приготовленная для него постель. Он быстро раздевся и лег. Потушив электрическую

лампочку, Вольф вздохнул и подумал:

«Вот и кончился первый день моего пребывания здесь, на берегу Тихого океана, где Германии суждено так скоро поднять свой мощный голос. Я послужу этому великому делу».

III

Старый Вотан пришел домой и, усевшись в своем кабинете в глубокое покойное кресло, сердился на себя. Он упрекал себя, что слишком скоро и доверчиво примирился с командированным к нему капитаном и поспешил протянуть ему обе руки, словно он, Вотан, заискивал в приезжем и искал его дружбы и покровительства.

Вольф так, вероятно, и понял порыв старого главноуправляющего торгового дома «Артиг и Вейс», так как Вотан ясно представлял теперь ироническую и хитрую улыбку, скользнувшую по лицу капитана.

— Я становлюсь мнительным! — пожал плечами Вотан. — Разве Вольф — первый немецкий офицер, которого командировало правительство на службу в фирме? Разве не было этого при стариках Вейсе и Артиге?

Вотан взял со стола газету и углубился в чтение, но мысли не улеглись, и тревожное предчувствие какой-то опасности заставило его отложить газету и вновь обдумывать положение. Он тотчас же понял разницу между присылаемыми в фирму офицерами и Вольфом. Одни из них приезжали на практику, изучали русский язык, много путешествовали по Тихоокеанской окраине, служили в отделениях фирмы в Хабаровске, Благовещенске, Николаевске-на-Амуре, Ново-Киевске, Никольске-Уссурийском и в селах, разбросанных в богатой Уссурийской тайге; другие жили недолго, исполняли данные им поручения и уезжали в Германию. Все они, однако, обо всем докладывали ему, Вотану, советовались с ним и чувствовали, что он — глава Торгового Дома и человек, которого лично знали принц Генрих и

министры в Берлине.

Он знал, что эти офицеры снимали карты японских берегов, ездили в качестве приказчиков «Артига и Вейса» в Канаду и Соединенные Штаты, высматривали и изучали и устье реки Св. Лаврентия, и береговые укрепления Штатов, и верфи, строящие военные суда.

Вольф не походил на них. Он ни словом не обмолвился о данных ему поручениях, потребовал, сославшись на инспекторский циркуляр за № 29, разосланный еще с января 1901 года всем тайным агентам германского правительства, предоставления ему секретных документов. В манере и взгляде Вольфа чувствовалась большая сила, и старый Вотан, пока беспричинно, боялся за свою судьбу.

Вотан был богат и давно забыл то время, когда тянул лямку приказчика в железной торговле простодушного немца Мюльферта, и не денежный вопрос тревожил его теперь. Он знал всех в городе, знал всех в огромном kraе, где могли бы поместиться три германских империи, был любезен со всеми сильными и влиятельными, услужлив и то подбострастен, то низкопоклонен, но и нагл. С низшими и нуждающимися в нем Вотан был жесток и беспощаден. Вот почему в его жизнь, наряду с «общим уважением» и почетом, врывалась порой и ненависть, не знавшая границ между дозволенным и недозволенным и горевшая лишь одним желанием мести за обиду, оскорбление и издевательство, совершенные над попавшими в цепкие руки торгового дома людьми. Эти-то враги давно проникли в тайны «универсального магазина Артиг и Вейс» и знали или, вернее, догадывались о деятельности многих приказчиков и конторщиков, служивших у Вотана.

Из конторы раз были похищены торговые книги фирмы и кем-то через несколько дней подкинуты во двор дома Вотана. Тогда же местные власти получили донос, что фирма из года в год несет на многих подрядах убытки, но, несмотря на это, расширяет свое предприятие и возводит новые постройки. Авторы доноса задавали вопрос, чем занимается и для чего существует торговый дом «Артиг и Вейс» при таких условиях.

Был еще один враг у старого Вотана. Он появлялся неизменно к Новому Году и, ухмыляясь, говорил, входя в кабинет Вотана:

— Угодно отсрочить праведную над вами казнь?

Вотан, ни слова не говоря, вынимал заготовленный чек на две тысячи рублей, протягивал его посетителю, смотря на него вопросительным взглядом, а посетитель, маленький широкоплечий человек, держась по-военному, с лицом измятым, словно исполосованным хлыстом, скалил неровные большие зубы, пломбированные золотом, и вынимал бумажник. Достав из него телеграфный бланк, он развертывал его перед глазами злобно смотревшего на него Вотана и хриплым, слегка сипящим голосом читал:

— «Инкоу, Троману, передать во Владивосток “Артиг и Вейс” в цибике чая. Позаботьтесь получить, не останавливаясь перед низкими ценами, подряд на железо в крепостных районах. Бронмейер».

Итак, — хихикал посетитель — телеграмма у меня, и я ее еще, по подлости моей натуры, не использовал. А интересно бы посмотреть на вас у следователя и послушать, что бы вы говорили об отношениях генерала Бронмейера, начальника канцелярии германского военного министра, к поставкам железа торговым домом «Артиг и Вейс». Как вы думаете, господин Вотан?

Но Вотан уже швырял чек на стол, а посетитель, в руки которого неизвестным путем попала злополучная телеграмма, подхватывал его и, хихикая и подергиваясь, уходил, не прощаясь с хозяином и даже не оглядываясь на него.

Вотан даже не знал, как зовут этого шантажирующего его ежегодно человека. О, если бы он знал его имя! Вотан был слишком силен, чтобы смельчак мог скрыться от него. Незнакомец же, получив деньги, бесследно исчезал до следующего года.

Были и другие враги у фирмы и у самого Вотана, и он понимал, что, если Вольф прибыл сюда, как враг, то он сумеет предать его, долголетнего главу фирмы, в руки русского правосудия.

Вотан, сильно взволнованный, встал и выдвинул ящик

письменного стола. Он вынул шкатулку и открыл ее. В пачке старых и пожелтевших писем он отыскал одно, на толстой бумаге, украшенной замысловатым гербом и надписью над ним «*Veritate ornatur*», и начал читать:

«Дорогой мой друг! Я вчера имел продолжительное собеседование с военным министром, а сегодня, по приезде в Берлин имперского канцлера, и с ним. Оба они настаивают на необходимости, чтобы вы приняли русское подданство, так как близится время, когда окажется неудобным и бесполезным иметь во главе вашей фирмы, приносящей такую пользу правительству, германского подданного. Извещая вас об этом, я со своей стороны, памятуя о наших старинных и дружеских отношениях, советую вам поспешить с исполнением вполне разумного и своевременного желания нашего правительства.

Искренне к вам расположенный
граф Теодор Мирбах».

Несколько раз пробежав письмо главы германских консерваторов и самых ярых врагов России, старый Вотан задумался.

— Разве я не исполнил воли правительства? — беззвучно спросил он кого-то, кто должен был все слышать и понять. — Разве я не выполнил всех предписаний Берлина? Видит Бог, что я служу делу верой и правдой...

Размышления его были прерваны стуком в дверь. Вошел очень древний, сгорбленный старик.

— Садитесь, господин Мюльферт! — радостно приветствовал гостя Вотан. — Сам Бог привел вас ко мне! Мне очень нужно поговорить с вами, господин Мюльферт, поговорить по дружбе!

И он начал делиться со своим бывшим хозяином, а теперь приказчиком, тревогами и опасениями, возбужденными приездом Вольфа.

Вотан прочел Мюльферту письмо графа Мирбаха, говорил о своей беззаветной преданности Германии, и каза-

лось, что он оправдывается перед кем-то и просит пожалеть его.

Внимательно слушал его Мюльферт и молчал, обдумывая услышанное. Было уже далеко за полночь, когда старики, окруженные клубами сигарного дыма, пришли к неизбежному решению.

— Надо следить! — шепнул, прощаясь с хозяином, Мюльферт. — Если же Вольф попытается спихнуть вас, мы предадим его.

— Так вы следите за ним, дорогой Мюльферт! — сжимая ему руку, попросил Вотан.

Старик молча кивнул головой и вышел.

IV

Наступило Рождество. Золотой Рог покрылся прочным льдом, окружившим стальные громады трех крейсеров, зимующих на рейде. На верхушках гор, у Орлиного Гнезда, и на полянах, среди золотистого, еще не сбросившего листьев дубового леса, виднелись белые пятна снега, но в городе трещали нелепые, дико мчавшиеся извозчики пролетки и скрипели тяжелые китайские арбы, запряженные шестерками низкорослых лохматых лошадок.

По заливу скользили от Гнилого Угла до адмиральской пристани буера, сверкая на солнце белыми парусами, жадно ловящими свежий ветер, несущий с собой острые и твердые снежные иглы. Все магазины были заперты. Гудели колокола в соборе, перекликались матросы, гуляющие по городу, и взвизгивали китайцы, которых дергали за косы или щелкали по гладко выбритым головам прохожие из простонародья.

У морского собрания стояла толпа. Читали широковещательную афишу, сообщавшую о большом блестящем бале.

Это был единственный большой бал, на котором встречался «весь свет». Вечером к подъезду морского собрания,

ярко освещенного и задрапированного красным сукном, флагами и гирляндами из еловых веток, начали подкатывать собственные экипажи и извозчики пролетки; из них выходили дамы, закутанные в ротонды и мягкие платки. Они шли к подъезду, высоко подобрав юбки и смело показывая ноги в шелковых чулках и изящных туфельках. За ними следовали мужчины в меховых пальто, шубах и военных шинелях.

Клубы пара, сверкающие в лучах электрических фонарей снежинки, бриллианты дам, мерцающие загадочным светом среди меха и шелка, веселые окрики, смех, переругивание кучеров и топот лошадей создавали ту возбуждающую, прянную атмосферу, которая заставляет скорей биться сердце и волноваться непонятным, каким-то острым волнением.

К подъезду на исходе одиннадцатого часа подъехал на извозчике Вольф. Он сбросил пальто на руки подскочившего к нему служителя и подошел к зеркалу.

Он внимательно осмотрел свою стройную фигуру, затянутую в безукоризненный фрак, в петлице которого белела небольшая хризантема. Натягивая перчатку, Вольф вошел в зал.

Было тесно, и пришлось протискиваться в толпе. Цыганки, русалки, испанки, польки, скоморохи, домино, пьеро, пьеретты, китайцы, древние самураи шли сплошной стеной. Кивая головами и смешно перегибаясь, они старались, изменения под масками свои голоса, выпросить билетики для получения призов.

Вольф сунул первой попавшейся маске свои билетики и шел в толпе, кого то высматривая. Наконец, он заметил Вотана, окруженного стаей каких-то наяд с рыбами в волосах и водяными лилиями в складках полупрозрачных плащев из голубой кисеи.

— Старичок, старичок! — визжали они. — Мы тебя знаем!

Начиналась «интрига» и, чтобы отвязаться от назойливых масок, Вотан, по привычке криво улыбнувшись, что обозначало у него всегда признак раздражения, заметил:

— Конечно, вы меня знаете! Вы покупали у меня эту пло-

хую кисею, из которой делают лишь отделку для гробов, а не платья, мои милые!

С визгом и довольно откровенной бранью, толпа наяд разбежалась в разные стороны.

К Вотану подошел Вольф и взял его под руку.

— У меня важное дело к вам! — сказал капитан.

— И даже здесь, на балу, у вас дела? — не удержался от ехидного замечания старик.

— Самое подходящее место! — не замечая язвительного тона Вотана, ответил Вольф. — Сделайте вид, что слушаете забавный анекдот, а я вам все передам.

И, крепко прижав к своему боку руку Вотана, капитан зашептал, улыбаясь и играя глазами:

— Только что меня посетил один человек, заявивший, что война между Россией и Японией неизбежна. Начнет ее нападением своего флота Япония. Нам нужно усилить свою деятельность, так как наше правительство крайне заинтересовано в ослаблении России. Если война с Японией окончится для России неудачно, мы можем быть уверены, что Россия в течение пятидесяти лет не окрепнет, а до того времени наша армия вторгнется за Вислу и совершил победоносный поход.

Улыбаясь и делая вид, что слушает смешной рассказ, Вотан шепнул:

— Вести точные?

— Самые точные! — ответил Вольф. — Привез их мне верный человек вместе с приказом германского посла в Пекине. Приказ этот без номера, но идет под литерой «R» по агентурному отделу посольства. Посол пишет, что мы должны согласовать свою деятельность с деятельностью других немецких торговых домов — «Артура Родпеля», «Хильманса», «Дангелидера» и «Витмана-Бауэрнамера».

— В чьих руках должна быть сосредоточена эта работа? — спросил Вотан.

— В моих! — с громким смехом ответил Вольф и шепнул: — Таков приказ! Но простите, дорогой шеф, мне — недосуг. Я хочу развлечься!

Он, не дожидаясь ответа, оставил сразу потерявшего на-

строение Вотана и подошел к группе молодых флотских офицеров, веселым и шумным кольцом окружавших высоких, стройных брюнеток с большими томными глазами, которых не могли скрыть широкие вырезы масок. Заметив склонившегося перед ними в низком поклоне Вольфа, они немного смутились, но старшая из них сразу взяла себя в руки и сказала:

— А-а! наш чемпион тенниса? Очень рада! Вы танцуете?

— О, да, и даже очень! — ответил Вольф и протянул руку.

— Могу вас просить, Нина Георгиевна?

Нина Георгиевна встала, и пара тотчас же умчалась в вальсе.

— Вы шутите со мной? — спросил Вольф, наклоняясь к уху своей дамы, и лицо его приняло холодное и жестокое выражение. — Вы мне доставляете сведения, годные только для городских сплетниц. Ваши поклонники, вероятно, знают о делах не больше моего извозчика, стоящего у подъезда собрания. Мне таких сведений не нужно! Вы слышите? И помните, что в противном случае я протестую ваши векселя! Пусть тогда ваш муж узнает, для кого вы в его отсутствие добывали деньги...

Нина Георгиевна молчала. Вольф довел ее до ее места и, посадив, подошел к ее сестре.

Вскоре они уже танцевали.

— Ну, что же? — спросил во время фигуры вальса Вольф.

— Мне очень тяжело! — прошептала она.

— Отчего же вам тяжело, Мария Георгиевна? — с насмешкой в голосе спросил ее капитан.

— Ведь это же предательство, в конце концов? — сказала она.

— Предательство? — протянул он, изобразив глубочайшее изумление. — Почему предательство? Я — член общества мира и изучаю статистику вооруженных сил и затрат на них во всех государствах. Мне нужны те сведения, которые государство считает своей тайной. Вот и все! Это с научной целью, быть может, для пользы всего мира.

— Да, может быть... — начала было Мария Георгиевна,

но ее перебил Вольф.

— Какая досада! — сказал он. — Мне предлагаю эти сведения из другого источника, но требуют как раз ту сумму, на какую я поручился за этого славного барона Клейста. Ведь, пожалуй, он слетит со своего места в случае скандала? Как вы думаете?

Мария Георгиевна вздрогнула и сжала руку своего кавалера.

— Бога ради, только не это! Я все сделаю... все... Ждите меня завтра у себя около восьми вечера...

Они быстро закружились в вальсе. Усадив свою даму на место, капитан толкался среди переливающейся из зала в зал публики, улыбался и кланялся знакомым, хлопал по плечу многочисленных приятелей и целовал ручки дам. Его окликали, шутили с ним. Маски то и дело окружали Вольфа и по сверкающим и томным глазам можно было судить, что стройный красивый инженер торгового дома «Артиг и Вейс» пользовался большим успехом среди местных дам.

Старый Вотан следил за ним и со злобой заметил, что Вольф, проживший в городе всего полгода, знал всех, и все питали к нему дружеские и доверчивые чувства.

Но, несмотря на наружное спокойствие и даже фривольный вид, с каким Вольф заигрывал с масками, что-то нашептывал им, от чего они хохотали и иногда смущались; несмотря на то, что он выпил три бокала шампанского и купил бутоньерку цветов, — он кого-то искал глазами. По временам он нетерпеливо стягивал брови, и тогда глаза его становились еще более холодными и беспощадными.

Но та, которую он ожидал, приехала очень поздно. Она вошла в сопровождении своего мужа, низенького сановного старика, лысого и беспомощно волочащего ноги.

Это была высокая, величественно сложенная женщина с царственной головой, украшенной короной медно-красных волос. Глубокие, без блеска, карие глаза смотрели спокойно и властно, а на безмятежном и гордом лице, казалось, никогда не было мелких житейских туч и волнений. И вдруг лицо это сразу сделалось маленьким, заулыбалось подобострастной, смущенной улыбкой, и глаза задернулись

какой-то дымкой и не могли оторваться от того, кто привлекал их к себе с такой силой.

В расступающейся перед ним толпе шел красивый старик, держась прямо и с достоинством, с которым можно лишь родиться. Серебряные мягкие волосы лежали красивой волной на породистой голове, а седые бакенбарды падали на сюртук. Старик, держа под руку Вольфа, говорил ему с приветливой улыбкой:

— Очень, очень благодарю вас, Карл Христофорович, за любезно присланную мне коллекцию этих чудных французских пикантных карточек! Сколько я вам должен?

— О, помилуйте! — возражал с поклоном Вольф. — Я случайно, почти даром, приобрел это в Париже, куда ездил из Лондона по делам фирмы, где я раньше служил. Ведь я — вольная и очень непоседливая птица. Сегодня я — здесь, а завтра — там! Мне будет очень приятно знать, что у вас, которого я так почитаю, останется небольшая обо мне памятка.

Сановный старик крепко пожал руку Вольфу, глазами улыбнулся ему, а затем воскликнул:

— *Mais, mon cher* Вольф! Ведь это же Артемида, божественная Диана-охотница! Идем! Идем!

Красавица, названная Артемидой, поклонилась старику и, пока ее муж лебезил перед ним, она подала руку Вольфу, а он целовал ее долгим поцелуем.

— Довольно! — шепнула она.

— Я пьян! — так же шепотом ответил капитан. — Я пьян вашим видом! Я схожу с ума!

Он взял ее под руку, и они пошли в буфет, где был устроен «бар», Вольф мигнул буфетчику и приказал:

— Шерри-коблер, по моему рецепту!

Пока буфетчик мешал коньяк с различными ликерами и шампанским и прибавлял к этой крепкой смеси вместо льда замороженные сливки и малиновый сироп, Вольф говорил Артемиде:

— Я хочу молиться вам, богиня, но вместе с тем я хочу проклинать вас! Вы отняли у меня покой, сон, способность работать. Мысли мои и желания скованы, а воля моя рас-

селялась, как туман! Зачем вы мучаете меня? Долго ли вы будете играть мною?

Рыжая женщина молча слушала. Она закинула голову и, казалось, упивалась страстным шепотом Вольфа и вздрогнула, когда он схватил ее руку и крепко сжал ее. Она взглянула на него и прочла в его расширившихся зрачках желание и решимость.

— Пить! — сказала она сквозь зубы.

Вольф протянул ей бокал, и она почти сразу вытянула шерри-коблер через соломинку.

— Еще! — приказал капитан.

И, ничего уже не говоря, они пили бокал за бокалом, пока лицо Артемиды не побледнело, а на нем багровым пятном, как свежая рана, выступили губы. Глаза ее пылали, почти жгли.

— Я хочу на мороз! — крикнула она и рассмеялась мелким дразнящим смехом. Она почти бежала, расталкивая гуляющих по залу масок. Добежав до зимнего сада, она открыла дверь и выбежала на веранду, выходящую в сад, террасами спускающейся к морю.

— Вы простудитесь! — крикнул, догнав ее, Вольф.

— Нет! — покачала она головой и стояла в легком плаще, с открытой грудью и плечами, глубоко и возбужденно дыша.

— Мне страшно!... — сказал капитан. Он накинул на плечи Артемиды спустившуюся соболью накидку и, обняв дрожащую от волнения и холода женщину, прижал к груди. — Так вам будет теплее!

Артемида прижалась к нему и, взяв его руки, положила к себе на плечи.

Потом вдруг рванулась и крикнула:

— Хочу чего-нибудь безумного! Слышите?

— Хорошо! — ответил капитан, и, прежде чем она могла опомниться, он схватил ее на руки, поднял, как маленькую девочку, и начал сбегать с горы, вниз к морю.

— Я вас повезу на буере, — говорил он прерывающимся голосом, чувствуя, как все сильнее и теснее прижимается к нему Артемида, с бледным лицом, крепко сжатыми губами

и туманящимися глазами.

Он усадил ее на буер, прикрыл лежащей волчьей шкурой и поднял парус. Свежий ветер подхватил легкое судно, и оно с визгом полозьев, шурша перекидываемым с борта на борт парусом, понеслось по ледяной глади залива. Порой под ними не чувствовалось опоры, так как на неровностях льда или на небольших сугробах ветер подхватывал буер и нес его по воздуху. Вольф правил мастерски и довел, кружка по заливу, буер до того места, где уже портовые ледоколы разбивали лед. Тогда он начал быстро направлять санки обратно и несся с такой быстротой, что летящие снежинки превращались в сплошные белые полосы, мчащиеся куда-то и врезающиеся в землю; в ушах свистел ветер, пронзительно визжали полозья и скрипела мачта с гудящим от натуги парусом, ловящим ветер.

— Еще! Еще! — умоляла Артемида, прижимаясь разгоревшимся лицом к руке Вольфа.

Но он не слушал, и, завернув ее в шкуру, бросился вверх по лестнице, донес ее до бокового подъезда Собрания, усадил в стоящую пролетку и крикнул:

— Вниз по Светланской! Живо!

Через несколько минут они были у дома, где жила Артемида. Они открыли двери, не будя прислугу и, когда вошли в будуар, она хотела зажечь лампу, но Вольф бросился к ней и начал осыпать поцелуями ее губы, глаза, грудь и ноги. Она в изнеможении упала на кушетку и вдруг схватилась за грудь. Вольф сразу успокоился и внимательно смотрел на ту, которую несколько мгновений тому назад сжигал своими поцелуями. Голова Артемиды свесилась с кушетки, и все безжизненное тело ее медленно сползло на землю.

Вольф уверенными шагами прошел в кабинет и оглядел его. Потом он открыл лежащую на столе папку и взглянул на первую сверху бумагу.

Муж Артемиды, видно, почти на полуслове прервал важный доклад и, сложив все секретные бумаги в папку, оставил ее на столе и уехал с женой на бал...

Вольф совершенно спокойно перелистал некоторые бу-

маги, записал несколько цифр и некоторые сведения, затем вошел в будуар, где начал приводить в чувство Артемиду.

— Вам, дорогая, любимая, надо позаботиться о своем здоровье! — говорил он, прощаясь сухим и холодным голосом.

Выходя на улицу, он сел в пролетку и, закрывшись по-лостью, крикнул:

— В Морское Собрание!

Вольф отыскал свою шубу и тотчас же поехал домой.

В своем кабинете он почти до утра писал длинную бумагу, прося предоставить поставку цемента «единственной кредитоспособной и надежной на Дальнем Востоке фирме “Артиг и Вейс”, которая может предложить к тому же цены, не превышающие, вероятно, одобренных строительной комиссией».

Проверив еще раз все цифры в своей бумаге с записанными в доме Артемиды, Вольф написал телеграмму в Берлин Фахгейму:

«Фирма, исполняя предписания, потерпит на поставке цемента восемьдесят шесть тысяч рублей убытка, который прошу восстановить нашей гамбургской конторе».

Когда Вольф закончил свою работу и тщательно вымывал из записной книжки добытые у Артемиды сведения, он слышал, как со звоном бубенчиков, с криками и с пением разъезжались с бала в Собрании запоздавшие, кутящие компании.

V

Полученный торговым домом «Артиг и Вейс» подряд на поставку цемента заставил Вольфа совершить несколько поездок, позволивших ему близко познакомиться с различными городами в Приамурье и в Манчжурии. Особенность интересна была его поездка в Манчжурию в августе 1903 года.

Накануне своего отъезда Вольф пришел к Вотану и спросил:

— Дайте мне письма к вашим знакомым в Манчжурии, я уезжаю!

— Зайдите через полчаса, — ответил Вотан, — все будет приготовлено.

Вольф кивнул головой и вышел в чертежную. Через полчаса его пригласил к себе Вотан и передал ему письма к германскому консулу Мюллеру в Харбине, представителю «Артиг и Вейс» в Порт-Артуре — Велю и японскому купцу Манаки в Инкоу. Спрятав письма в карман сюртука, Вольф пожал старику руку и сказал:

— Нам, кажется, скоро придется сыграть историческую роль, господин Вотан? Время подходит...

— Господин Вольф — с презрительной улыбкой ответил Вотан, — вы, вероятно, еще плохо держались на ногах, когда фирме нашей приходилось играть роль, которую вы имеете исторической.

— Ну да, конечно... — рассеянным голосом протянул Вольф. — Не будем спорить на прощанье!

Они расстались дружелюбно, но, когда за Вольфом закрылась дверь, старый Вотан свободнее вздохнул.

Вольф же более не думал о Вотане. Он ехал на вокзал, и все мысли его были там, где он должен был затаить новое и обширное дело. В дороге он мало выходил из своего купе и почти все время спал.

Приехав в Харбин, Вольф явился к германскому консулу. Прочитав письмо Вотана, толстый Мюллер встретил капитана с распластанными объятиями.

— Для вас, капитан, у меня давно хранится груз, присланный на ваше имя из германского морского штаба.

— А сколько мест? — полюбопытствовал Вольф.

— Двенадцать, — ответил консул.

— Тогда я вам могу сообщить интересную новость, ваше превосходительство, — улыбнулся капитан. — Война Японии с Россией решена...

— Я это знаю, — шепнул и с хитрым видом покачал головой консул. — Знаю... знаю!

— Вы разрешите мне прожить в вашем доме три дня? — спросил Вольф и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Я должен, согласно предписанию, установить в вашем доме радиотелеграф, при помощи которого один из клерков нашего здешнего магазина отсюда будет передавать телеграммы по назначению. Обслуживающие японцев станции будут находиться по обеим сторонам полосы отчуждения Китайской-Восточной железной дороги.

Два дня без отдохна работал Вольф в темной комнате пристройки к дому консула. Ему помогал молодой, несуразный немец, служивший в Харбине у «Артиг и Вейса» и оказавшийся запасным кондуктором германского флота, знающим установку и применение переносных радиотелеграфных станций.

Когда работа была закончена, Вольф в присутствии консула подал сигнал. Ему через несколько секунд ответил кто-то короткой фразой:

— Принято — замолкните до войны!

Вольф с деловитым видом пожал руку консулу и клерку и начал одеваться.

Выходя, он приложил руку к шляпе и сказал:

— Надеюсь, что пост № 15 оправдает доверие правительства!

В голосе Вольфа звучали начальнические ноты, и оба — и консул Мюллер и несуразный клерк Петц — почтительно поклонились, провожая его.

А Вольф, выйдя от консула, пошел вдоль полотна железной дороги, взял за вокзалом извозчика и приказал везти себя в магазин «Артиг и Вейс». Здесь он вызвал управляющего и сказал ему, что в магазин будет прислан груз, который необходимо немедленно отправить Вотану, озабочившись, однако, тем, чтобы, по возможности, таможня вовсе не интересовалась содержимым груза.

После этого Вольф по улице, выходившей на полотно железной дороги, достиг рельс и, перейдя их, зашагал по изрезанной острыми колесами арб дороге, идущей по обширному, заваленному городскими отбросами и навозом полю. Впереди виднелся китайский город Фудзядзянь и уже из-

дали дышал зловонием, дымом, угаром от бобового масла и поджариваемого сырого опиума. Крики грязной толпы, звон медных тазов цирюльников, верещание свиней, которых тут же резали и свежевали, песни народных рассказчиков, визг и циничные выкрикивания пестро одетых женщин, зазывающих прохожих в грязные вертепы, из которых вилась и тяжело опадала струя дыма опиума и гашиша. На уверенно шагающего чужестранца с удивлением смотрели китайцы и перекидывались короткими изумленными вопросами. Вольф, взглядывая на нанесенный в записной книжке план Фудзядзяня, быстро подвигался по лабиринту улиц и кривых, утопающих в грязи закоулков и подошел к длинной одноэтажной фанзе, около дверей которой сидел отличный черный пудель.

Вольф постучал и тотчас же дверь открылась, а на пороге показался маленький, широкоплечий человек с лицом, изрытым оспой и словно исполосованным хлыстом.

— Имею честь кланяться, капитан! — сказал хозяин фанзы.

— Отлично, что вы здесь! — пожимая ему руку, воскликнул Вольф. — Вы должны тотчас же отправиться к Вотану и доставить ему груз, который вы возьмете в здешнем магазине «Артиг и Вейс».

— Между мной и Вотаном установились несколько натянутые отношения... — улыбнулся тот.

— Что было между вами, Нохвицкий? — спросил Вольф.

— Но вы меня не приглашаете к себе!

— Пожалуйста, капитан! — сказал Нохвицкий. — Вы только уж простите меня за мой образ жизни!

— О! — засмеялся Вольф. — Я ко всему привык.

В полусумраке фанзы капитан увидел на длинном «кане», прикрытом ковром, трех японок в очень откровенных костюмах. Они были пьяны, так как перед ними стояли бутылки с ликером и ромом и большая деревянная чашка с орехами и мандаринами. Вольф развалился на «кане», и черноглазая японка с набеленным и нарумяненным лицом фарфоровой куклы протянула ему с тихим воркующим смехом большой стакан рома.

— Н-ну, рассказывайте! — крикнул Вольф.

— История короткая! У меня находится телеграмма, которая доказывает, что Вотан — шпион, и я позволил себе извлечь из этого обстоятельства известный доход, который трачу на этих прелестных «гейш».

— Вы — ловкий! — заметил Вольф. — Вы сумеете помириться с Вотаном. Отдайте ему телеграмму — и конец! Я же вам гарантирую получение такой же суммы, простите, без... шантажа.

Вольф остался ночевать у Нохвицкого, и наутро тот проводил капитана на вокзал. Вольф уехал в Порт-Артур, а Нохвицкий вернулся домой и начал готовиться к поездке к Вотану.

В Порт-Артуре капитан устроил радиотелеграф в доме Веля и возился в разных канцеляриях, где заканчивал счета и принимал заказы на новые партии цемента, красок и железа.

Дня через два в одном из ресторанов собралась небольшая компания.

Здесь были: Вольф, Вель, управляющий порт-артурским отделением «Артиг и Вейса», и японец-доктор, пользующийся большой известностью в городе. Все трое пили черный кофе с ликером и перекидывались короткими фразами, не обращавшими на себя ничьего внимания и кажущимися незначительными.

— Итак, все готово? — спросил японец.

— Мы готовы! — ответил Вольф.

Вель кивнул головой и сказал:

— Все наши отделения к вашим услугам. Мы находимся в отличных сношениях со всеми немецкими фирмами в Китае.

— Так... Отлично! — сказал доктор. — Теперь уже и не долго ждать.

— Майор, — шепнул Вольф, — когда же наверное?

— Новый год несет с собой войну, господа! — ответил серьезным голосом японец.

Потом все трое умолкли и начали любоваться рейдом. Ночь спускалась медленно. Сначала прозрачная, она стано-

вилась все темнее и сумрачнее. На море зажглись белые, красные, зеленые огни на баках и мачтах судов и на пловучих буйках. Вдали, на одиноком утесе, ярко вспыхивал огонь маяка. С какой-то батареи производилось испытание прожектора. Ослепительно яркий сноп лучей бежал по морю, нащупывая каждую волну, каждый рыбачий челнок, запоздавший в море. Иногда вдруг вырисовывался черный остов китайской барки с призрачными, белеющими, как крылья гигантской птицы, парусами. На далеком горизонте оказались неподвижными идущие пароходы, и над ними замерли клубы и полосы черного дыма. Внизу затихал город. Донесились звуки оркестра, и где-то неподалеку тихим голосом пел заунывную песню китаец, а в воздухе шуршали летучие мыши.

Вель и японец чувствовали, что они сливаются с тишиной и ночным покоем природы. Только Вольф думал о другом; он соображал что-то и делал какие-то заметки в записной книжке.

— Вы совсем лишены мечтательности, капитан? — спросил, слегка поморщившись, японец.

— Вовсе нет! — ответил Вольф. — Только я приехал сюда не мечтать, майор. Однако, поздно уже! Мне нужно домой, меня ждут письма и укладка, так как завтра я возвращаюсь.

Они начали прощаться, крепко пожимая друг другу руки.

— Капитан! — сказал японец. — Я имею поручение от нашего морского штаба передать вам книгу с отрывными листами пропусков для пароходов с грузами торгового дома «Артиг и Вейс».

Вольф и Вель опять сели за стол и начали рассматривать тетрадь. Страницы ее представляли большие, в пол-листа писчей бумаги квитанции за № 141-160 и государственным гербом Японии. На квитанциях по-японски и английски было напечатано:

«Приказ: всем командрям военных и дозорных кораблей японского флота, командрям портов и океанских дистанций предписывается, при предъявлении настоящего приказа,

не производя осмотра и не чиня препятствий, пропускать пароходы с грузом торгового дома "Артиг и Вейс" по любому направлению, предупреждая таковые о зонах минных заграждений».

— Вы найдете возможным переслать эти документы Вотану? — спросил Вольф, обращаясь к Велю.

— Да! — ответил тот. — Завтра я отправляю большую партию сукна и шелка и сумею переслать шефу эти ценные пропуски.

Выйдя из ресторана, новые знакомцы разошлись в разные стороны.

VI

Вотан был очень взволнован.

Он получил телеграмму из Берлина за № 923, вызывающую его немедленно прибыть в Германию.

Телеграмма была подписана Гинце, начальником агентурного отделения военного министерства. Никаких подробностей в телеграмме не было и Вотан терялся в догадках, опасаясь интриг Вольфа.

Глава торгового дома «Артиг и Вейс» призвал к себе доверенного бухгалтера и приказал ему в два дня сделать краткий отчет по делам фирмы.

— Дела наши представляются в очень неблагоприятном виде, — заметил бухгалтер. — Желание задавить русскую торговлю принуждало фирму продавать все товары по ценам, явно для фирмы убыточным. Мы закончим год с значительным убытком.

На лице Вотана эти слова не вызвали ни беспокойства, ни удивления.

— По первое сентября вы сведете мне баланс фирмы! — повторил он свое распоряжение. — Я еду в Берлин.

Пока бухгалтерия работала днем и ночью, Вотан писал доклад о деятельности фирмы и об ее исключительном зна-

чении на Тихоокеанском побережье и о пользе, приносимой ею германской торговле и промышленности и германскому делу в Азии. Старик работал упорно и серьезно, обдумывая каждое слово и каждое положение в своем докладе, которым он хотел доказать свою деятельность и предсматрительность. В докладе часто повторялась фраза «когда я состоял на действительной службе Его Величества Императора Германии...»

Вотан написал несколько писем в Берлин: одно из них было Гинце, другое генералу Эммиху, начальнику штаба главной квартиры. В обоих письмах, написанных 21 августа 1903 года, глава торгового дома, кажется, ничего общего с политикой не имеющий, с подробностями, изобличающими большой опыт, описывал общественную и государственную жизнь на Дальнем Востоке и во всей Манчжурии, перечислял количество населения, войск, судов, называл имена разных лиц и прибавлял к ним некоторые определения: «добрый ганноверский немец», «считает себя здесь в чистилище и рвется на нашу дорогую родину», «преданный делу юноша» и т. д.

Во время этой работы, к Вотану явился Нохвицкий. Он вошел вместе со стариком в магазин и шел за ним по лестнице. Когда Вотан входил в свой кабинет, за ним вошел и Нохвицкий.

Он помог старику снять пальто, и тот, думая, что за ним шел служитель, не глядя на него, приказал:

— Позови ко мне главного бухгалтера!

— Сейчас, — ответил Нохвицкий, — но раньше мне надо выяснить мое положение и передать вам важное письмо и поручение.

Вотан, уже шедший к своему столу, резким движением повернулся и едва не вскрикнул, узнав Нохвицкого.

— Вы?.. вы?.. — спросил он. — Опять? Что это значит?

— Я прислан к вам капитаном Вольфом, — сказал, отчеканивая слова, Нохвицкий. — Позвольте мне, однако, представиться: Нохвицкий, Михаил Юрьевич, из... сахалинцев, простите за выражение, но из хорошей семьи, уверяю вас.

— Что вам надо? — сказал, угрюмо взглянув на него, Вотан.

— Прежде всего, вернуть к себе ваше доверие! — начал тот, закуривая папиросу. — А потому — вот-с!..

Нохвицкий подал Вотану злополучную телеграмму.

— Теперь она мне не нужна! — продолжал он. — Мы служим общему делу, потому что, вероятно, и цель у нас с вами общая — деньги-с, презренный металл, смех желтого дьявола, как говорят поэты...

Он хихикал гнусавым, тонким смешком, потирая маленькие тщедушные ручки.

Потом он подал Вотану письмо Вольфа и, когда старик пробежал его, сказал:

— Я привез всякими правдами и неправдами радиотелеграф. Его надо установить в указанном месте. Прошу вас прикомандировать ко мне вашего служащего Теппеля.

— Когда вы отправляетесь? — спросил Вотан, пряча телеграмму и письмо в бумажник. — Завтра? Отлично!.. Все будет готово. До свидания!

Не подавая руки Нохвицкому, Вотан указал ему на дверь и опустился в кресло.

VII

На другой день белый катер торгового дома «Артиг и Вейс» отвалил от пристани и пошел к выходу из Восточно-Босфора. На носу сидел в охотничьем костюме, с ружьем, перекинутым через плечо, Нохвицкий.

Он имел рассеянный и веселый вид. Громко насвистывал какую-то песенку и болтал ногами.

Теппель — длинный, некрасивый немец с красным носом, с постоянно слезящимися глазами, почти не говоривший по-русски — сосредоточенно смотрел на воду и методично выпускал изо рта клубы сигарного дыма. У машины и в кочегарке возились японцы и японец же штурман стоял на руле. Катер миновал Эгершельд, вошел в Босфор и перед ним поднялась из моря черная, изъеденная волнами и временем скала с маяком и белой тучей носящихся вокруг чаек.

После трех часов плавания по спокойному морю, катер подошел к острову Ракорд и, раз только черкнув килем по гальке, вплотную пристал к берегу.

Нохвицкий с Теппелем и японцы быстро приступили к работе. На высоком дубе водрузили мачту и раскинули сеть на соседние деревья, обрубив на них часть ветвей.

Между Теппелем и японским штурманом произошел спор, где укрыть электрическую станцию и аппарат. Немец хотел вырыть ход под деревом и устроить там подземную пещеру, но японец настоял на своем. Он ловко снял с дуба большой кусок коры и затем начал выжигать дерево при помощи паяльной лампы. На другой день к вечеру в дубе образовалось большое дупло, где свободно поместилась вся станция телеграфа. Дупло заделали резиновой материей и куском коры, прикрепив ее к стволу длинными и тонкими гвоздями.

VIII

Вольф не возвращался. На все письма Вотана он отвечал полным молчанием. Ни преданный Вотану Вель, ни приказчики из Харбина не могли ничего сообщить о капитане, который пропал, как камень в море. А между тем, Вольф делал свое дело. Он объездил все станции Китайской Восточной железной дороги, перебывал во всех китайских городах, расположенных поблизости от линии дороги, завел знакомство с китайскими и японскими купцами, получил от них какие-то письма и в свою очередь передал им небольшие, голубого цвета билеты, прося их тщательно прятать эти, по-видимому, ничтожные клочки бумаги.

Вольф возвратился домой неожиданно. Случилось это как раз в тот день, когда старый руководитель фирмы «Артиг и Вейс» собирался на вокзал. Свидание их было коротко и вслило еще большую тревогу в сердце старого Вотана.

— К сожалению, — сказал он, — вы так долго отсутствовали, что я не мог передать вам ведение всех дел нашего

торгового дома.

— Мне это и не надо! — ответил, пренебрежительно пожав плечами, Вольф. — Вы знаете, что меня мало интересуют дела «Артиг и Вейс». Я здесь для иных целей.

И, отвернувшись с прежним рассеянным и пренебрежительным видом, он начал закуривать сигару, глядя в окно.

Старик хотел уже покинуть комнату, но остановился, а затем подошел к капитану.

— Я и опасаюсь, что фирме нашей угрожает большая опасность, если местные власти узнают, каковы те цели, для которых вы находитесь здесь. Фирма и раньше служила осведомительным органом для нужд германского правительства, но теперь деятельность эта становится такой определенной и столь опасной, что я предвижу уже тот день, когда наша фирма будет закрыта по местным законам!

Вольф медленно оглянулся и вскинул глаза на Вотана. В этом взгляде было столько равнодушия, что Вотан махнул рукой и злобно хлопнул за собой дверью.

Для него более не было сомнений, что капитан ведет фирму к гибели и что его интересуют лишь те дела, которые угрожают большой опасностью как фирме, так и самому Вотану, как ни всесилен и влиятелен был он в этом крае.

«Я понимаю еще, — думал, сходя по лестнице, Вотан, — служить родине, осведомлять ее о том, что полезно для ее торговых и промышленных интересов, но служить другому государству, которое, может быть, завтра начнет войну с Россией — это чудовищно! Я не знаю, что думают эти господа в Берлине, давая такие полномочия Вольфу и поручая фирме такие опасные дела?»

Такие мысли тревожили старого Вотана во время всего его путешествия от берегов Тихого океана до Петербурга. Здесь он несколько успокоился. Он посетил германского посла, который, однако, в это время отсутствовал, так как был вызван в Берлин, и Вотана принял его старый знакомый, с которым он когда-то был в служебных и деловых сношениях. Этот старый знакомый был не кто иной, как все знающий в России советник посольства барон фон Луциус. Он сердечно приветствовал входящего в его кабинет

Вотана на неизменном французском языке и, не давая ему вымолвить слова, сказал:

— Вас вызвали в Берлин? знаю, знаю! Там очень нуждаются в вас. Там вы встретитесь с двумя изумительными людьми, с которыми вам придется работать и у себя.

Дипломат, ласково и лукаво улыбаясь, долго говорил о делах, то придавая им характер большой, почти государственной тайны, то описывая их, как светские сплетни, и тогда рассказ его приобретал фривольный тон, полный полунауков, рискованных анекдотов и модного остроумия.

Долго не мог старый Вотан заговорить. Но когда ему это, наконец, удалось, и он спросил о значении Вольфа в военно-политических кругах Берлина, — фон Луциус замахал руками и затараторил:

— Боже мой! Боже мой! Вольф! Да это восходящее светило! Лучший и преданнейший друг принца Генриха и его правая рука! Значение Вольфа? Да оно неограниченно, так как он находится в курсе самых затаенных и самых важных замыслов нашего правительства. Я вам скажу по секрету, что Вольф вместе с бывшими вашими служащими Шмидтом и Аурихом объездил всю Северную Америку и установил там осведомительные агентства, как в английской Канаде, так и во всех важнейших городах и стратегических пунктах Штатов. О таких агентствах даже не могло мечтать наше военное министерство. После того, как Вольф покончит дело в России, ему предстоит поездка в Англию и Францию. В Берлине признали необходимым реорганизовать всю осведомительную службу за границей.

Напрасно Вотан старался доказать, что столь сложная система шпионажа является очень опасной для фирмы, и что не в интересах правительства, чтобы фирма прекратила свое существование, а это неизбежно случится, если Вольф будет продолжать слишком злоупотреблять влиянием и связями торгового дома «Артиг и Вейс», — советник посольства и слушать не хотел.

— Вольф знает, что он делает! — говорил он, улыбаясь. — Он не перетянет струны. Капитан — слишком осторожный и слишком опытный агент.

Потом, словно спохватившись, он пристально взглянул на встревоженного Вотана и сказал:

— Для вас Вольф не страшен. У него нет никаких намерений занять ваше место, господин Вотан. И вы не тревожьтесь!

Старый Вотан смутился. Даже румянец появился на его дряблых щеках и задрожали губы.

— Господин советник! — сказал он. — Вы, конечно, осведомлены, что я более чем обеспеченный человек. Меня уже не могут привлекать ни деньги, ни какие бы то ни было почести. Однако, мне было бы крайне тяжело, если бы фирма перестала существовать во время моего управления делами, и чтобы последние дни фирмы омрачились доказанным и позорным, с точки зрения местных законов, деянием, каким, без сомнения, будет признано шпионство.

— Ну, до этого не дойдет! — засмеялся барон. — Вы слишком сильны там, на берегах Тихого океана! Я ведь знаю! — лукаво смеясь, добавил он и хлопнул своего собеседника по плечу.

Вотан ушел, несколько успокоенный. Известие о том, что Вольф не предназначался для роли его заместителя и что капитан пользуется репутацией необычайно ловкого дипломата и тайного агента, позволяло Вотану надеяться, что все обойдется благополучно и когда Вольф, наконец, покинет Дальний Восток, все войдет в обычную, не такую тревожную и полную опасностей колею.

На другой день Вотан выехал в Берлин. Он старался в пути не думать о делах и развлечься бегущей перед его глазами панорамой лесов и черных, кое-где покрытых озимыми всходами, полей. Он видел бедные деревни западного края с избами, крытыми черной, несколько раз перегнившей соломой, с голодными, жалкими коровами, сонно бродящими по грязным дорогам, бледных, белокурых детей, с испуганным любопытством смотревших на бегущий мимо поезд, — и какое-то странное чувство не то жалости, не то стыда заползло в сердце Вотана. Он думал, что многие сотни германских агентов, на воспитание и образование которых правительство потратило огромные средства и ко-

торым платит и сейчас баснословные оклады, засыпая их наградами и благодарностями, употребляют все ухищрения, весь свой талант изобретательности для того, чтобы в то время, когда на этих черных полях загремят германские пушки, уничтожать серые ряды отцов и братьев этих бледных детей с живущими в глубине их глаз тревогой за завтрашний день и страхом перед подстерегающими их повсюду голодом и бедой.

Впервые в жизни, быть может, подумал об этом Вотан и чувство неловкого смущения, какого-то стыда неприятно щемило сердце. Он вспомнил о том, что в этой стране выросли его дети и что они пользуются теми же правами, как дети граждан этой страны. И сам он, старый Вотан, бывший германский подданный и до настоящего времени верный слуга Германии, был отличен в России и получил все то, о чем едва ли может мечтать природный русский человек. Вспомнил Вотан и о многочисленных своих друзьях в этой стране, и опять чувство стыда вызвало на его лице яркий румянец. Но он тотчас же взял себя в руки и презрительно улыбнулся.

— Поздно теперь! — шепнул он.— Так уж и доживу до конца. Нельзя меняться на склоне жизни!..

А поезд проносился мимо станций, и все дальше и дальше от берегов Тихого океана был старый делец. С каждым часом ближе становилась граница, и невольно скорее и нетерпеливее билось сердце Вотана.

Вот и Эйдкунен.

Германские жандармы, берлинские кондукторы, выкрики официантов и немецкие, не переходившие еще русской границы газеты.

Вотан вдруг почувствовал себя помолодевшим. Он выпрямил свой сгорбленный стан, выше поднял голову, а глаза его засверкали радостнее и оживленнее.

Он сразу позабыл все те сомнения и то чувство стыда перед своей второй родиной, какие мучили его в вагоне по пути к границе.

Вотан понял, что он только немец и что всякое дыхание его, всякая капля крови его ничего не имели общего с

приютившей его страной, раскинувшейся на десятки тысяч верст и оставшейся там, за германской границей, где жили какие-то случайные друзья и ненужные ему люди; с ними у него не было сердечных связей, а лишь холодные деловые отношения, полные какой-то сторожности и смутно сознаваемой готовности к отпору и нападению.

В таком радостном и бодром настроении глава фирмы «Артиг и Вейс» прибыл в Берлин и в тот же день отправился в военное министерство, где имел свидание с Гинце. Этот делающий карьеру дипломат сообщил ему, что он получил назначение в Манчжурию и Китай, куда он отправляется вместе с известным археологом доктором Луженом, которого лично знает и очень уважает имперский канцлер, считающий этого полуученого, полуофициального агента правительства одним из изумительнейших по способностям дипломатов и агитаторов.

В заключение своей первой беседы Гинце сообщил Вотану, что на этой неделе состоится тайное заседание комиссии государственной обороны и в связи с ним заседание в военном министерстве. На оба эти заседания правительство и решило вызвать Вотана, так как многие вопросы будут касаться именно дальневосточных дел.

Через два дня Вотан действительно получил с курьером повестку, приглашающую его на заседание комиссии государственной обороны рейхстага в пятницу.

Заседание было очень многолюдное. Кроме членов комиссии и представителей военного и морского министерств во главе с обоими министрами, в комиссию было приглашено около двадцати человек сведущих лиц.

IX

Заседание началось речью председателя комиссии Шильдмейера. Этот пожилой и преданный правительственно-му большинству депутат сказал пространную речь, смысл которой сводился к следующему.

— Германия приближается к тому моменту, когда ей придется выступить на последнее вооруженное состязание с государствами, которые тормозят и в будущем еще более стеснят ее развитие.

К этим государствам, без сомнения, относятся Россия и Франция, а также Сербия и... Япония. Это первая армия наших врагов, и с ними мы должны покончить счеты в первую очередь. Во враждебном нам лагере, пока с теоретической точки зрения, находятся Англия и Америка.

— Я, конечно, — сказал председатель комиссии, — должен был бы сказать, что нашим торговым интересам больше всего может вредить Англия, но я полагаю, что Великобритания никогда не решится выступить против нас и что она сумеет приискать способы, которые приведут к полному соглашению относительно раздела мировых рынков между Англией и нашим государством. Если это случится, нам нечего опасаться какой бы то ни было конкуренции со стороны Америки, так как против нее мы можем двинуть в каждый данный момент соединенные морские силы англо-германского флота и самостоятельно... Японию. Но, — продолжал оратор, — мы все-таки можем предположить и худший выход из создавшегося весьма сложного мирового положения, а именно тот момент, когда Англия сочтет для себя возможным бросить нам вызов. Но, как я уже сказал, а говорил я это в полном согласии с мнением Его Величества Императора, в первую очередь мы должны рассчитаться с названными мной государствами. Настоящее положение очень для нас выгодно. Россия находится накануне войны с Японией, а потому мы должны всемерно использовать этот исторический момент и содействовать тому, чтобы Россия была ослаблена. Одновременно мы все отлично понимаем, что будет ослаблена на много лет и Япония, но услуги, которые мы ей окажем, сохрания благоприятствующий для нее нейтралитет, позволят нам достигнуть полного доверия Токийского кабинета. Это доверие даст возможность нашим агентам проникнуть повсюду и изучить страну, ее вооруженные силы так же хорошо, как мы изучили Россию, Францию и Англию. Тогда, когда настанет время

вооруженного столкновения с Японией, мы, без сомнения, сумеем использовать все то, что дадут нам наши агенты. Приглашая на сегодняшнее заседание выдающихся германских деятелей из тех стран, с которыми суждено будет столкнуться Германии, комиссия рейхстага сделала это с целью выяснить им всю важность теперешнего положения и необходимость с их стороны содействовать агентурной деятельности агентов морского и военного министерств.

После этой речи, встреченной бурными аплодисментами, поднялся худой, сутулый человек с седой бородкой и длинными растрепанными волосами.

— Август Бебель! — пронесся взволнованный шепот по залу.

Вождь германских социалистов бледной, тонкой рукой откинул несколько прядей волос, упавших на лоб, и слегка прерывающимся, но привычным голосом начал говорить:

— Господа! Только что выслушанную речь нашего председателя, так же как и мои слова, занесет секретариат в журнал № 1175. И потомство когда-нибудь ознакомится с тем, что думали политические деятели нашей страны о той нравственной стороне, которая, как это ни странным вам покажется, должна быть даже в политике. Между тем, необычайное развитие агентурной деятельности чиновников морского и военного министерств, по имеющимся у меня данным, вызывает крайнее неудовольствие и подозрительное отношение к германским гражданам не только в тех странах, которые председателю угодно было поставить в первую категорию наших врагов, но и в Англии и в Америке. Я бы сказал, что Англия особенно озабочена и точно осведомлена о деятельности многих, по-видимому, весьма почтенных лиц, являющихся агентами нашего военного министерства, как, например, пресловутого доктора Пужена, деятельность которого была уже по достоинству оценена правительством Великобритании, выславшим этого агитатора и шпиона из пределов Соединенного Королевства. Я позволяю себе возразить председателю и утверждать, что злейшим нашим врагом в случае, если мы столкнемся с нашими соседями, будет именно Англия. Я обладаю документа-

ми, представляющими секреты военного министерства для всех, кроме членов настоящей комиссии, и подлежащих оглашению лишь в этих стенах. Я близко ознакомился с кредитами, отпускаемыми по статье «В» за №№ 145, 273, 317 и 428. Кредиты эти предоставляются нашим тайным агентам, которые изучают в желательном для военного и морского министерств смысле интересующие нас страны. Среди этих агентов находятся люди неопределенных занятий, но и весьма крупные фирмы, завоевавшие обширные рынки и держащие в руках целые торговые районы. К таким фирмам я причисляю: промышленный банк Креммера в Париже, машиностроительный завод Гросмана и Блюхера в Ливерпуле и его отделения в Лондоне и фирмы Родпеля, Артиг и Вейс, Витман и Бауэрнамер, Туккерт, Хильманс, Дангелидер и др. в России. Я не буду утомлять вашего внимания перечислением всех сумм, отпущеных на поддержание деятельности названных фирм, скажу только, что, по кредиту № 317 от 21 ноября 1902 года, ежегодно терпящая убытки по некоторым своим торговым операциям, вызываемым необходимостью исполнять предписания правительства, фирма «Артиг и Вейс» в этом году получила 948.500 марок субсидии в форме возврата за исполненные, по требованию правительства, и убыточные заказы. Я позволяю себе обратить внимание почтенного собрания, что такая деятельность агентов нашего правительства вызывает лишь крайнее раздражение и недоверие к нам, а это угрожает началом войны европейских государств с Германией, быть может, гораздо раньше того момента, когда мы сочтем себя готовыми принять вызов.

После этих двух речей начались прения, причем Бебелью пришлось остаться в полном одиночестве, и вся комиссия, как один человек, высказалась за необходимость продолжать осведомительную деятельность германских агентов и фирм, находящихся за границей.

Ботан внимательно слушал мнения, высказываемые лицами, стоящими у самого горнила правления Германии. Для него было ясно лишь одно, что Германия заканчивает свои военные приготовления и что близок час, когда завет-

ная мечта императора Вильгельма — испытать свои силы — осуществится.

Вотану не хотелось возвращаться домой, так как мысли его были тревожны и заставляли его что то делать, куда-то спешить. Он быстрыми шагами пошел на улицу «Под Липами» и, проходя мимо статуй, изображающих императоров и великих людей Германии, думал о том, как часто, казалось, гениальные и необычайно смелые планы и предположения этих людей разбивались о случайную, никем не предусмотренную неожиданность. Ему стало страшно.

«Подумать только! — думал Вотан. — Сколько десятков лет весь народ с нечеловеческим, почти стихийным напряжением сил работает над накоплением колоссальных богатств. Как он достигает почти сверхъестественных успехов во всех областях культурной жизни и как мудро, с выдержкой почти государственных людей беспрекословно наблюдает за тем, как расхищаются эти богатства на никому в стране не нужные и, быть может, ведущие к роковой развязке военные приготовления».

Вотану казалось, что Германия, несмотря на усиленный рост промышленности, для произведений которой могло в один прекрасный день не оказаться места во всей стране и ее колониях, еще могла бы в течение двух-трех десятков лет жить, избегая во что бы то ни стало страшного призрака войны, обманчивого и капризного союзника. Однако, по мере того, как жил Вотан в Берлине и как он знакомился с фабриками, с заводами, с которыми поддерживала фирма «Артиг и Вейс» деловые отношения, он все более и более убеждался, что вся Германия готова к войне. На фабриках он видел два рода машин: одни из них готовили товары, а другие стояли, закрытые чехлами или деревянной обшивкой и ждали момента, когда им прикажут выбрасывать то, что нужно для войны.

Вотану сделалось страшно за свою родину. И он еще раз до боли ясно почувствовал, как он любит эту страну, которую покинул юношой и куда теперь по временам возвращался уже стариком и подданным другого государства, стоящего в первом ряду держав, толкаемых к неизбежному ре-

шению — вступить в кровавый спор с Германией.

X

Наступил день совещания при военном министерстве, куда был приглашен и Вотан. Заседание это происходило в начале ноября и началось оно докладом молодого, популярного генерала Фалькенгайна, который резким, привыкшим к приказаниям голосом сообщил цель, для которой приглашены лица с мест. По словам генерала, война России с Японией должна начаться с минуты на минуту, и что японцы ожидают лишь прибытия крейсеров «Кассуги» и «Ниссина» из Красного моря в Индийский океан. Генерал передал собравшимся волю императора Вильгельма. Необходимо всем германцам, где бы они ни находились, оказывать всякое содействие японской армии и флоту, не нарушая лишь нейтралитета вооруженным вмешательством в войну. Цель такого содействия — ослабление России и в то же время истощение Японии. Особенно это предписание касается германских фирм, находящихся на Тихоокеанском побережье как в пределах России, так и в пределах Китая. Японским шпионам необходимо оказывать приют и защиту. Для чего, по заявлению генерала, немецким фирмам на Тихом океане будут выданы особые паспорта, которые они, в случае надобности, передадут скрывающимся в их домах японцам.

Закончив свое заявление, генерал Фалькенгайн просил Вотана высказать свое мнение относительно того, что он знал о силах обоих противников на Тихом океане.

Вотан вынул записную книжку и спокойным уверенным голосом сделал обстоятельный доклад, который доказал, какие точные сведения были в его распоряжении и каких блестящих агентов имело германское правительство в лице торговых домов своих подданных на берегах Тихого океана.

Вотан упомянул, что большой помощью ему в его деятельности являлись более мелкие немецкие фирмы, которые служили также источниками очень важных и порой трудно получаемых сведений, требующих специальной ловкости и даже риска. Так, например, один из служащих торгового дома «Витман и Бауэрнамер» переодевался китайцем и принимал участие, под видом простого рабочего, в постройке новых укреплений, а техник Брюль, служивший в магазине Дангелидера, в качестве слесаря проник на оружейный завод Арисаки и доставил оттуда весьма ценные данные о новой японской артиллерию и о плане обновления запасов орудийных частей и снарядов.

Доклад Вотана был встречен рукоплесканиями. Уверенный тон его и необыкновенная точность цифр и всех сведений, сообщенных главой фирмы «Артиг и Вейс», доказали присутствующим, в каких исключительно надежных руках находится германское дело в чужих и скоро, быть может, враждебных странах. По окончании заседания генерал Фалькенгайн пригласил Вотана проехаться вместе с ним в его автомобиле.

По дороге генерал передал Вотану привет от принца Генриха и от военного министра и, перейдя затем к тем делам, которые были для обоих близки, просил Вотана учредить в Петербурге контору во главе с представителем фирмы, который бы мог в каждый данный момент сноситься непосредственно с германским посольством, не навлекая на себя и на фирму каких-либо подозрений, какие могли бы неизбежно возникнуть при непосредственных и оживленных сношениях между торговым домом и германским посольством.

Кроме того, Фалькенгайн сообщил Вотану, что на Дальний Восток скоро приедет к живущему там германскому коммерческому агенту Салису Швабе, немцу по происхождению, его брат Эдуард Швабе, который долгое время состоял тайным агентом Германии при торговой бирже лондонского Сити.

— Это очень полезный юноша! — сказал Фалькенгайн.
— Он может очень пригодиться как фирме, так и капитану

Вольфу, которого я поручаю вашему особенному вниманию, господин Вотан, так как он очень нужен нашему правительству.

Вотану было неприятно упоминание о Вольфе, и он лишь поклонился, но не сказал ни слова, думая о том, что был бы очень рад, если бы с его горизонта исчез бесследно этот самоуверенный, не в меру деятельный и слишком предпримчивый капитан.

При этом вспомнилось ему гнусное, изрытое оспой и исполосованное лицо Нохвицкого и его наглый и в то же время подобострастный тон и гнусавый смешок, с которым он несколько лет подряд держал его в своих руках, а теперь, в качестве друга и помощника Вольфа, находится с фирмой в деловых отношениях.

XI

Летом 1903 года, в то время, когда капитан Вольф путешествовал по Манчжурии, входя в сношения с германскими консулами и агентами, живущими в разных городах Манчжурии и Китая, когда он вел переговоры с японцами в Порт-Артуре и проявлял изумительную подвижность и деятельность, составившую для него в военных и морских кругах Берлина репутацию выдающегося деятеля, на Дальний Восток стремилась совершенно новая личность. Ей суждено было сыграть известную роль в то время, когда на Дальнем Востоке так неожиданно вспыхнул кровавый спор между двумя соседними державами.

В конце июня 1903 года, в яркий день, когда на верхушках небольших волн ярко вспыхивали и переливались золотистые змейки лучей знойного солнца, в сторону черной, покрытой густым дубовым лесом громады острова Аскольда приближалась большая китайская рыбачья барка. Три мачты ее поддерживали складчатые желтые паруса, тщетно ловившие ветер, изредка проносившийся над сверкающей поверхностью моря. На носу и на корме сидели китайцы.

Их гладко выбритые головы отражали лучи солнца и они равнодушно смотрели на воду и курили длинные «яньтай». Рулевой — высокий рослый китаец в светло-голубом халате и белых башмаках — стоял у руля и внимательно смотрел вперед, ища глазами появляющиеся на горизонте, то белеющие паруса, то дымки еще скрывающиеся за горизонтом пароходов.

Для людей, знающих Китай, личность рулевого не представляла собой загадки. Слишком нежное и благообразное лицо и холеные руки с длинными тонкими пальцами и чистыми, отточенными ногтями свидетельствовали о том, что рулевой большой рыбачьей барки с развевающимися на верхушках мачт кумачовыми драконами не был ни рыбаком, ни купцом. Его можно было бы скорей назвать военным, так как осанка его и спокойный, привыкший отдавать приказания голос резко бросались в глаза. Но слишком тревожный взгляд, которым он окидывал горизонт, и эти нежные, нетрудовые руки говорили о другом.

И наблюдатель не ошибся бы. Рыбачью китайскую барку вел Мый-Ли, известный вождь хунхузов, так часто нападавший на Западную Корею и всегда скрывавшийся в китайском городе Фын-Хуан-Чене. Казалось удивительным, каким образом и для чего хунхузская барка шла в сторону населенных русских берегов, где ей предстояла неминуемая встреча с таможенными и военными пароходами. Всякий набег на прибрежные русские поселения неизбежно должен был окончиться неудачей, так как слишком хорошо была поставлена в этих тревожных местах охрана. Проникнуть в города через леса, из какой-нибудь глухой бухты, как залив Опричника или бухта Находка, было бы делом неразумным и слишком бесцельным.

Вот почему появление самого Мый-Ли в этих водах означало собой предприятие, более обдуманное и руководимое иными соображениями и выгодами, чем те, какими мог руководствоваться хунхузский вожак.

Когда до острова Аскольда оставалось не более десяти морских миль, из трюма на палубу вышел молодой, краснощекий юноша, одетый в щегольской костюм туриста и с

биноклем, висящим на тонком ремне. Он приветствовал небрежным движением руки Мый-Ли, стоявшего на руле, и подобострастно кивавших ему головой матросов, молчаливо куривших свои бесконечно длинные трубки.

— Все в порядке! — сказал Мый-Ли. — Кругом ни одного судна, и я думаю, что мы могли бы войти незамеченными в Амурский или Уссурийский заливы. Быть может, попробовать?

На этот вопрос европеец долго не давал никакого ответа и наконец, растягивая слова, небрежно бросил:

— Нет! Вы высадите меня на берегу, напротив острова Путятина. А сами уйдете в море и вернетесь за мной лишь тогда, когда на берегу вспыхнет большой костер.

Юноша несколько раз прошелся вдоль борта, а затем снова подошел к Мый-Ли и, повернувшись спиной к матросам, передал ему пачку денег, сказав:

— Вы исполнили часть задачи, которую вы приняли на себя. Вот первая плата.

Черные, блестящие глаза Мый-Ли сверкнули и он улыбнулся, оскалив ослепительно белые, как у волка, зубы.

— Тау-си, Тайе!* — сказал он.

Скалы Аскольдова острова сделались совершенно отчетливыми. Высокие, остроконечные, похожие на башни обветренные столбы с растущими на верхушках их одинокими дубами, с глубокими, как морщины на старческом лице, расселинами, заросшими мелким кустарником багульника вперемешку с низкорослым дубняком и тальником; сверкающие серебристыми лентами ручьи, падающие с большой высоты по вырытым водой руслам в темно-красных скалах и целые стаи белых чаек, заунывно кричащих и спорящих из за добычи, — все это было как на ладони. В бинокль европеец различал также несколько домиков, построенных на самом берегу, у прибрежных скал. Белые бурны бились там и, казалось, что они кинутся на эти маленькие избушки, разобьют и унесут их в море. Но Мый-Ли погрозил в их сторону кулаком и сказал, обращаясь к юноше:

* Спасибо, господин (Здесь и далее прим. авт.).

— Там корейцы! Они следят за морем, и не раз люди с наших барок вырезали их до последнего человека. Но все новые и новые приходили сюда корейцы; теперь они вооружены и могут оказать сильное сопротивление. А недавно еще этот остров был неприступным гнездом, где скрывались мы, вольные люди, когда нам тесно становилось в Китае или когда нас слишком угнетали, требуя от нас откупа, правители наших провинций, все эти цзянь-цзюни, фудутуны и дао-таи...

Барка проходила в это время совсем в виду Аскольда.

— Взгляните! — сказал Мый-Ли и протянул руку в сторону острова. — Вот там, на уступе над скалами, виднеются двое корейцев в их глупых белых кофтах. Они смотрят теперь на нас и соображают, куда мы держим путь.

Действительно, две белые точки копошились на небольшой остроконечной горе, поднимающейся над небольшим поселком.

Случайная туча набежала на солнце, потемнело море, и сразу стал свежее ветер. Издалека стали набегать с шумом и плеском волны, увенчанные белоснежными барашками. Качнуло барку, сразу надулись паруса, напряглись все шкоты, согнулись и заскрипели мачты, и ветер заиграл среди снастей и в тугу натянутом полотне парусов. Широконосая барка быстрее понеслась по волнам, и перед собой несла она белый бурун, а за кормой вилась длинная пенистая дорога, обозначая след прошедшего судна. Барка шла быстро. Видневшиеся вдали синеватые очертания берега становились все заметнее и определеннее, и по мере того, как росли волны, то и дело высоко вскидывающие барку, росли и горы, тянувшиеся вдоль всего берега. Барка шла мимо большого острова; на пологом берегу его виднелся лес, а на просеке, спускающейся к самому морю, стоял большой дом.

— Что это такое? — спросил юноша.

— Здесь живет богатый русский человек, — ответил Мый-Ли. — Он разводит на острове коней и оленей, промышляет рыболовством и охотой, а люди его на парусных баркасах доходят до самого Сахалина.

Ветер свежел, и барка быстро подвигалась по ветру в сторону берега, который все резче и яснее выступал из туманной дали, словно поднимаясь из-за волн и плывя на встречу разбойничьей барке.

Мый-Ли подвел свое судно к берегу, у которого высоко вздымались волны и носили на своих верхушках обломки деревьев и занесенные Бог весть откуда доски, бревна и бочки.

На берегу, на опушке леса, у высоких вязов стояла так часто встречающаяся в Уссурийской тайге фанза промыслового китайского охотника.

Когда юноша вышел на берег, из фанзы выбежали трое людей. Один из них шел впереди и, размахивая рукой, кричал:

— Здравствуй, Салис Швабе! Здравствуй, дорогой товарищ! Вот где суждено нам с тобой вновь встретиться!

Юноша, названный именем Салиса Швабе, побежал в сторону приветствующего его человека.

— Милый Вольф, как я рад! — говорил он, крепко пожимая руку капитана. — После того, как мы расстались с тобой в Калькутте, мне казалось, что я никогда больше не встречу тебя и что пути наши разошлись. Как я рад! Как я рад!

— Позволь представить тебе наших сотрудников, — сказал Вольф. — Один из них — инженер Мейергаммер, старший инженер известной конторы Родпеля, а другой — техник фирмы «Артиг и Вейс» — Фосс. Оба они, а с ними и я, поскольку я пригожусь, будем помогать тебе в работе, порученной тебе в здешних местах.

Все они вошли в фанзу. Двое китайских «боев» подали горячую похлебку и консервы, а затем принесли чай и печенье. После обеда между четырьмя людьми, собравшимися в уединенной лесной китайской фанзе, шло продолжительное и важное совещание. Они показывали какие-то записки, внимательно рассматривали карты и чертежи, спорили и делились друг с другом своими мыслями. Когда уже начало смеркаться, совещание окончилось.

Ночь здесь падает быстро. Не прошло еще и часа, как где-

то высоко на небе загорелись звезды. Лес сделался черным и постепенно сливался с густым мраком, сползающим тяжелыми волнами с далеких гор к беспокойному, шумно плещущему морю.

— Пора! — сказал Салис Швабе.

Все встали и, выйдя из фанзы, пошли на берег моря, где зажгли большую кучу хвороста, сложенную у дуплистого засохшего вяза. Огонь быстро охватил сухой бурелом и тогда, когда костер пылал, языки его лизали сухой ствол дерева и ползли все выше и выше, пока не охватили верхушку дерева и пока оно не запыпало гигантским факелом, бросяющим багровые отблески на взволнованное море.

Четверо собравшихся у костра людей смотрели во мрак, плывущий по морю и, когда оттуда раздался далекий, едва слышный окрик, спокойно улыбнулись.

— Мый-Ли, — сказал Мейергаммер, — надежный человек. С ним наша фирма не раз получала разную контрабанду и даже такую, которую вовсе не пропускают пограничные дозоры, как динамит и пироксилин.

Через несколько минут к берегу подошла большая китайская лодка с тремя гребцами, из которых один стоял на корме и кормовым веслом не только помогал передним, но и управлял лодкой.

Когда лодка пристала к берегу, матросы стали вкатывать в нее сложенные в кустах у самого берега бочки и мешки, наполненные цементом. Несколько раз возвращалась лодка и всякий раз уходила к барке, нагруженная почти до верху цементом. Когда последние бочки были погружены, вместе с ними отправились на барку и европейцы.

Почти в полночь барка Мый-Ли, повернувшись носом к югу, пошла мимо острова Аскольда в Амурский залив.

Ночь была темная. Луны не было. По небу плыли облака и даже звезды редко выглядывали из-за них.

Над морем стоял какой-то шум. Плеск волн, их злобное шипение и гудение ветра в парусах барки сливались в один могучий говор моря.

В то время, когда барка пересекала залив Петра Великого, откуда-то издалека прямо на нее метнулся любопыт-

ный белый луч. Он не дошел до нее, но осветил верхушки волн, пошарил по морю и потух.

— Таможенники? — спросил Салис Швабе.

— Миноносец! — шепнул Мый-Ли и тотчас же отдал какое-то приказание.

С мягким шуршанием упали паруса, и китаец побежал на нос барки гасить горевший на высоком штоке сигнальный фонарь.

Когда вторично вспыхнул прожектор, то он не нашупал уже парусов и не мог найти среди волн мачт и глубоко сидевшую барку. Мый-Ли вел к югу свое судно и, пользуясь свежим фордевинтом, шел быстро.

В Амурском заливе, недалеко от урочища Славянки, Мый-Ли ввел свою барку в маленькую, скрытую со стороны моря и суши бухту. На берегах не было ни жилья, ни даже следов пребывания человека. Густые кусты поднимались выше в горы с растущим на них дубовым лесом. Днем барка стояла на якоре, и никто не появлялся на ее палубе, только дежурный матрос, тихо покачиваясь, пускал клубы табачного дыма и заунывно визгливым голосом выкрикивал слова песни. Но ночью картина менялась. Вся команда и четыре европейца были на палубе барки, которая выходила в море и бросала якорь немного правее красного пловучего буйка, обозначавшего фарватер, служивший для прохода всех больших пароходов по Амурскому заливу.

Привязавшись на длинном канате к бую и бросив два якоря, барка тихо покачивалась на волнах, а от нее отходила нагруженная доверху лодка с бочками и мешками цемента. В другой лодке сидели европейцы и следили за работой.

Работа же была несложная. По самой середине фарватера китайцы бросали в воду мешки с цементом и открытые бочки.

Падая на дно, цемент впитывал в себя воду и, постепенно затвердевая, превращался в твердый, как скала, камень. С каждым днем скала эта росла и, поднимаясь со дна все выше и выше, приближалась к поверхности моря. Работа длилась почти две недели. Наконец, Мейергаммер, производивший промеры, радостно улыбнулся и сказал:

— Довольно! Теперь, когда надо будет, достаточно десятка мешков, и посреди фарватера неожиданно появится подводный камень, который может причинить много хлопот и неприятностей всем тем, кто не знает о существовании его.

После этого разговора, в пустынной бухте барка Мый-Ли скрывалась и днем и ночью, очевидно, ожидая каких-то событий.

Сам Мый-Ли, европейцы и даже равнодушные китайцы, составлявшие команду барки, видимо, томились в бездействии. Они молча, с раздраженным видом, смотрели на воду и на прибрежные кусты, пили чай, курили и ходили вдоль борта, злобно сплевывая в воду.

— Однако! — сказал однажды Салис Швабе. — Это уж слишком! Ты не знаешь ли, Вольф, кто должен прибыть сюда для проверки наших работ?

— Не знаю! — ответил капитан. — Мне лично не удалось побывать в Японии перед тем, как встретиться с тобой. Я лишь послал пространное донесение с одним из приказчиков торгового дома «Артиг и Вейс» нашему послу в Токио, а уж он от себя, по предписанию из Берлина, должен был снести с морским министерством Японии.

— Это становится неудобным! — в свою очередь заявили Мейергаммер и Фосс. — Хотя фирмы наши и осведомлены о нашей командировке и получили соответственное приказание от германского посла в Пекине, но государственные дела — одно, а дела фирмы — другое и тоже имеют большое значение, тем более, что они тесно связаны с делами германской агентуры на этой окраине.

— У меня, например, — продолжал Мейергаммер, — со дня на день должны начаться работы по постройке узкоколейной дороги в крепостном районе. Работами должен руководить я, и правительство поручило фирме Родпель очень внимательно наблюдать за ходом работ по этому подряду. Если же я не буду ко времени на работах, то ими станет руководить другое лицо, которое, конечно, не будет столь опытно в смысле наблюдательности, как я. Что ж делать?

Никто не мог ничего ответить на этот вполне, казалось, справедливый вопрос. Все думали почти то же. У всех бы-

ли свои заботы и свои дела, и долгое молчание со стороны японского правительства раздражало и волновало Салиса Швабе, Вольфа и обоих инженеров.

Дни тянулись скучно и однообразно. По ночам не спали, раздраженно думая о том, что они позабыты и никто не заботится ни о них, ни о важных работах, законченных ими.

Однако, они ошиблись. Тот, кто должен был прибыть к ним, давно уже был в пути. Он вышел на эскадренном миноносце № 17 из Нагасаки и спустился к югу, после чего шел мимо берегов Ляодунского полуострова и Корейского побережья, в некоторых местах подходя к берегу и осматривая то таинственные знаки, нанесенные белой краской на прибрежных утесах, то неизвестно кем поставленные сигнальные вехи. Иногда он спускал шлюпки и подходил к самому берегу, где его встречали японцы или китайские рыбаки и о чем-то шептались с ним. Так путешествуя, он постепенно приближался к южной части Амурского залива и был уже близко от урочища Славянка и той бухты, где укрылась барка Мый-Ли.

Пришел он в бухту ночью. Миноносец № 17, покрытый по бортам окрашенным в цвет дерева брезентом, с необыкновенными мачтами и беспомощно висящими на них палубами совершенно не напоминал собой тех мрачных, глубоко сидящих и острых, как лезвие ножа, судов, которые в начавшееся делаться уже тревожным время бороздили Японское море по всем направлениям от Цусимы и до Татарского пролива. Когда он вошел в бухту, на барке все спали, даже дежурный матрос; он расположился среди пустых бочек и кругов канатов и мирно уснул. Даже трубка выпала из его рта. Коса его черной змеи извивалась по палубе, а по ней, никем не тревожимые, ползали пауки и огромные тысяченожки, охотящиеся за ними.

Часовой вскочил, как ужаленный, когда о борт барки мягко ударился неслышно подошедший с потушеными огнями и с глушителями на трубах миноносец.

На палубу барки вбежали японские матросы, и один из них крикнул:

— Позвать хозяев!

Но в трюме уже слышали этот окрик, и вскоре один за другим вышли Вольф, Салис Швабе и их помощники. Одновременно по перекинутому трапу на барку взошел низенький, приземистый мужчина с редкими седеющими бакенбардами и грубым, но энергичным лицом.

— Кто из вас капитан германской службы — Карл Вольф?
— спросил он глухим голосом.

Вольф вышел вперед и поднял шляпу.

— Я — капитан флота его императорского величества императора Германии! — ответил он. — С кем имею честь говорить?

Прибывший черными выразительными глазами скользнул по фигуре капитана, правый угол его губ поднялся кверху, что сразу придало его лицу какое-то зловещее выражение, совершенно не похожее на улыбку.

— Адмирал Уриу! — прикладывая по-военному руку к фуражке, бросил прибывший. — Мне бы хотелось немедленно осмотреть исполненные вами работы.

— Мы готовы! — ответил Вольф.

— В таком случае, прошу вас! — сказал Уриу, указывая на миноносец. — Кроме того, я имею предписание доставить вас и господина Салиса Швабе в один из корейских портов.

— Совершенно верно! — ответил Салис Швабе. — Нам неудобно было бы явиться не по железной дороге в наш город. Это могло бы вызвать подозрение...

Но адмирала Уриу, вероятно, мало интересовали те соображения, которыми руководствовались эти люди. Он молча пошел на миноносец, а Салис Швабе позвал Мый-Ли и расплатился с ним. Пожимая ему руку, Салис Швабе сказал:

— Мый-Ли, вы доставите обоих инженеров к берегу у острова Путятина, и с того часа вы свободны.

Через несколько минут миноносец так же неслышно отошел и, слившись с мраком, плывшим над бухтой, вышел в море.

Через несколько часов после этого вдоль корейского берега, стараясь скрываться в бухтах, медленно подвигалось

к югу судно с какими-то странно болтающимися парусами и тремя большими трубами, какие всегда бывают на миноносцах.

Это был миноносец № 17, на котором адмирал Уриу совершил осмотр приготовлений, предшествовавших вспыхнувшей через пять месяцев после этого войне.

Во многих бухтах адмирал Уриу имел свидание с китайскими рыбаками или японскими купцами, которые устраивали радиотелеграфные станции и подготавливали запасы мин.

Недалеко от Дальнего в небольшой бухте работала целая флотилия японских рыбаков. Когда судно, скрывавшее под своей странной наружной оболочкой один из лучших миноносцев, вошло в эту бухту и проходило мимо сампанов и барок с рыбаками, то люди, бывшие на них, вытягивались по-военному и молча приветствовали стоявшую у передней мачты угрюмую, коренастую фигуру адмирала.

Бухта эта лежала на пути от Дальнего до Порт-Артура, и только весной 1903 года ее заарендовали японские рыбопромышленники Касухи и Одара, имевшие большие магазины в северной части Японии и вывозившие сушеную рыбу в Китай.

Лишь только начался улов рыбы, в арендованную японцами бухту прибыли четыре парохода, доставившие на своих бортах целую флотилию рыбачьих членоков.

На берегах бухты сразу выросли шалаши и временные дома, и работа закипела. С утра бросали сети и вылавливали рыбу, которую тут же развесивали, солили и вялили. Когда же вечерело и над водой появлялась та непрозрачная, обманчивая дымка, которая скрывает очертания предметов и делает туманной даль, с сампанов в воду по спущенным лестницам сходили люди в костюмах водолазов. Происходило это всегда у выхода из бухты, ближе к тому месту, где обычно проходили большие торговые и военные корабли.

Долго работали водолазы, пока об этом не узнали власти. Однажды в бухту неожиданно после заката солнца влетел русский миноносец. Он бросил якорь у входа в бухту и спустил шлюпку.

Офицер начал допрашивать промышленников, зачем понадобились водолазы, но получил вполне успокоительный ответ. Ему сказали, что водолазы заняты ловлей трепангов, устриц и морской капусты.

Смотритель промыслов, старый, хитрый японец Терраши-Тогу сказал:

— Я должен заметить, что, конечно, это незаконно, так как ловля трепангов и устриц при помощи водолазов совершенно опустошает море. Но что поделать? Мы в чужой стране и при том в стране, которая сама не умеет использовать своих богатств. Пусть другие хоть этим воспользуются. Вы меня, конечно, поймете!

Говоря это, японец хихикал и подобострастно втягивал в себя воздух и, в конце концов, увидев, что ему поверили, рассказал, что водолазы недавно добыли большую устричную раковину и, что так редко случается в этих северных водах, нашли в ней довольно крупную жемчужину. Старик сбежал в шалаш и принес жемчужину величиной в горошину, красивого серо-стального цвета, отсвечивающую нежными сине-зелеными огнями.

В этой именно бухте миноносец № 17 провел несколько дней, причем адмирал Уриу вместе с Вольфом осматривал некоторые места, на которых стояли сампаны и где всякую ночь спускались в воду водолазы.

Потом с миноносца темной ночью перевезли с большой осторожностью какие-то большие круглые предметы с цепями, заканчивающимися небольшими якорями. Их опустили в воду, и они скрылись в пучине до тех пор, пока им не суждено было вновь появиться и принять участие в той кровавой бойне, свидетельницей которой должны были сделаться эти тихие воды.

В октябре уже ни одного сампана не было в бухте, и заброшенные и пустые стояли шалаши, а неубранная рыба гнила на берегу.

XII

Из Берлина Вотан ехал, значительно успокоенный. Прием, оказанный ему в министерствах и приглашение на важное заседание комиссии, куда правительством допускались лишь наиболее доверенные лица, доказывали старому Вотану, что ему нет повода опасаться за свою часть.

Когда он откланивался у военного министра, тот горячо пожал ему руку и сказал:

— Многоуважаемый господин Вотан! Ваша доблестная служба отлично известна правительству Германии и ее императору. Его Величество, осведомленный о пребывании вашем в Берлине, лишь за недостатком времени не мог вас принять, но он поручил мне высказать вам его благодарность и уверенность, что и впредь германцы, принявшие подданство другого государства, никогда не перестанут быть германцами в лучшем значении этого слова. Из всех тех совещаний, участником которых вы изволили быть, вы, конечно, поняли, что ближайшая задача Германии — ослабить при помощи внешних сил Россию раньше, чем вспыхнет у нас война с этой огромной страной. Мы надеемся, поэтому, что вы сделаете все зависящее от вас, используете все свои силы, все связи и все свое влияние, чтобы помочь японской армии и флоту достигнуть того результата, который прежде всего необходим и полезен для Германии.

После этих слов Вотан понял, что задача так обширна и что как ему, так и Вольфу, достаточно работы, и каждый из них, не мешая друг другу, может быть полезным своей родине, какой Вотан считал, конечно, Германию.

В гостиницу, за десять минут перед тем, как Вотан собирался выехать на вокзал, прибыл чиновник военного министерства и доставил на имя Вотана большой пакет. Глава фирмы «Артиг и Вейс» нашел внутри бумагу, сплошь исписанную названиями различных товаров и количеством мест, отправленных по железной дороге. Вероятно, Вотан не понял бы назначения этой бумаги, если бы не чиновник, услужливо пояснивший значение ее и рассеявший недоу-.

мение Вотана.

— Это — тайная инструкция военного министерства! — объяснил он. — По прибытии к себе, вы будьте добры смыть водой написанное и быстро высушить бумагу у горящей печки. Тогда на бумаге выступят буквы, и вы прочтете тот шифр, которым надлежит сноситься во время важных событий с германским послом в Пекине и с консулом в Харбине, а в копии и с военным министерством.

Когда Вотан прибыл на вокзал, то к удивлению своему он встретил Гинце, с улыбкой заявившего ему, что они будут попутчиками до самого Харбина, так как он получил срочную командировку к послу в Пекине. Тут же он познакомил Вотана со своим спутником, высоким, худым, как вяленая рыба, с бронзовым, почти черным от загара лицом, человеком, на горбатом носу которого сверкали огромные круглые очки в роговой оправе, а за ними тревожно бегали близорукие, слегка наивные глаза.

— Доктор Пужен — господин Вотан! — представил их друг другу Гинце. — Познакомьтесь, господа!..

От Берлина и до самого Харбина Вотан ехал в обществе этих двух чиновников.

Пужен с циничной откровенностью заявил Вотану, что мир сделается для него вскоре тесен.

— Подумайте только! — говорил он со смехом, пуская густые клубы дыма. — Я был в Лондоне. Я завел там такую кутерьму, что германофобы взбесились. При помощи наших агентов я усилил германофильское движение и внес раздор в среду германофобов. Пользуясь своей напоминающей французскую фамилией, я прочел ряд лекций о необходимости объединения Германии с Англией и Францией и скандинавскими государствами и вооруженное выступление этого нового союза, при поддержке Австрии и Италии, против России. Я с необычайной убедительностью умею доказывать отсталость культурного развития славян и одновременно ту огромную опасность, которую они представляют для Европы. Я уверилскую часть английского общества в том, что его величество Кайзер, проповедуя желтую опасность, имел в виду вовсе не Китай и Японию, пер-

вые культурные заботы которой волей-неволей удержат ее от агрессивных выступлений против Европы, но что Кайзер говорил о России, облекая лишь в осторожную форму свою вполне правильную мысль. Но мне, к несчастью, всегда приходится иметь дело с какими-то незрелыми людьми. И в этом случае какой-то глупый агент послал мне слишком прозрачное письмо; оно было перехвачено лондонскими констеблями, а я немедленно получил очень настойчивое приглашение попутешествовать по континенту. Англичане злопамятны, а потому, когда я появился в Индии и, хотя в Бомбей и Калькутту я не заезжал, а орудовал лишь в дикой земле Даков, где я убеждал их поднять восстание, обещая им поддержку Германии, благо в водах Бенгальского залива в это время стояли четыре наших крейсера, английские колониальные власти проведали про меня и уже совершенно откровенно посадили меня на первый попавшийся пароход, отправляющийся в Европу. После этого я принимал участие в учреждении германских тайных бюро в Соединенных Штатах, а потом старался посеять вражду между турками и балканскими славянами, но в обоих случаях неосторожность моих сотрудников выдавала меня с головой и мне приходилось возвращаться в Берлин, несмотря на все мои природные способности к интригам большого размаха и порой к весьма смелым предприятиям. Теперь мне остается Тихоокеанское побережье. Русские, китайцы и японцы, быть может, не так скоро увидят во мне того самого доктора Пужена, который так хорошо известен англичанам. Но посмотрим!

Громко расхочатавшись, доктор Пужен откинулся на спинку дивана и из-за выпуклых стекол его очков смотрели наглые близорукие глаза.

Интересное наблюдение сделал Вотан по пути из Берлина на берега Тихого океана.

Ехали они с поездом, шедшим на Варшаву, и, начиная от самой границы, в их вагон начали входить сначала немцы-колонисты, населяющие всю почти пограничную полосу Царства Польского и дальше до Бессарабии и до Балтийского моря, потом в вагоне начали появляться инженеры,

фабриканты, приказчики различных немецких фирм, — и так продолжалось почти до самого Петербурга. Всем им Гинце передавал небольшие пакеты в конвертах, без всякого обозначения, от кого и кому они принадлежали.

— Что это за люди? — спросил однажды Вотан.

— Все наши! — таинственно улыбнувшись, ответил Гинце.

В Петербурге в честь гостей был устроен завтрак в германском посольстве, где их принимали с чрезвычайным почетом и любезностью. По окончании завтрака, когда Гинце и Пужен в кабинете посла курили сигары, фон Луциус взял под руку Вотана и провел его в большой зал, где, куря, они долго ходили, как объяснил барон, для «необходимого моциона». Потом они долго стояли у окна и смотрели на оживленное движение на улице, и в это время фон Луциус как бы вскользь сказал:

— Прошлый раз, когда мы с вами виделись, я, кажется, недостаточно ясно высказал вам одно свое соображение. Оно касается необходимости для фирмы «Артиг и Вейс» учредить в Петербурге контору здешнего представителя фирмы. Конечно, я понимаю, что странно иметь своего представителя в Петербурге фирме, которая ведет торговлю исключительно германскими товарами. Но, после совещания с послом, мы пришли к заключению, что это все-таки необходимо. Как для фирмы, так и для посольства будет гораздо проще и безопаснее вести переписку о вещах, не подлежащих оглашению, через третье лицо, и таким посредником я бы позволил себе предложить хорошо известного посольству служащего одного из здешних банков, господина Фрица Вильбрандта. Все, что вам угодно будет сообщить посольству исключительно для его сведения и для передачи в Берлин, вы все это сделаете через господина Вильбрандта, которому мы вполне доверяем. Конечно, расход по содержанию петербургской конторы и представителя «Артиг и Вейс» правительство, в лице посольства, примет на себя.

Вотан молча поклонился, так как понимал, что это предписание исходило свыше. Старый и хитрый делец смутно

постигал, что фирма все больше и больше попадает в сети политиков и что лишь счастливый случай может спасти ее, а с нею вместе и его, Вотана, от неминуемой опасности, если местным властям удастся проникнуть в тайны торгового дома «Артиг и Вейс».

Когда Вотан вместе с советником посольства вошли в кабинет посла, они увидели доктора Пужена, который, вытянувшись во весь свой рост, размахивал руками и громко ораторствовал. Он говорил:

— Вот в этой записной книжке условным шрифтом записаны все эти «Артиги и Вейсы», «Родпели», «Витман-Бауэрнамеры», «Дангелидеры», «Димменсы», «Муккерты» и прочие фирмы, которые являются осведомительными бюро германского правительства и его союзников. Здесь записано все, что о них знают в Берлине, оценка их деятельности и то, чего они стоят. Здесь же лишь мне известными знаками названы новые агенты, которые или производят смотр существующим агентурой или сами несут тайную разведочную службу. Вот, например, знаменитый капитан Вольф, а вот...

— Позвольте! — раздался вдруг голос, и из-за стола послал поднялся незамеченный до того Вотаном пожилой, сутулый господин в золотых очках. — Позвольте! Вы сказали — Вольф? Капитан Вольф? Морской инженер?

— Да, кажется! — нетерпеливо ответил Пужен. — Вам это лучше объяснит господин Вотан, который находится с ним в весьма тесных сношениях.

— Вы — господин Вотан? — спросил, подходя к старику, незнакомец. — Позвольте представиться: Каттнер — переводчик...

Он отвел в сторону Вотана и начал расспрашивать его о капитане Вольфе. Вотану почудились в голосе Каттнера ненависть и злорадство к Вольфу, и незнакомец сразу сделался ему симпатичен.

Он рассказал все, что знал о Вольфе, а Каттнер прошептал:

— Страшный человек...

Вотану неудобно было расспрашивать Каттнера, а тот мол-

чал, не скрывая сильного волнения, охватившего его.

На другой день Вотан и его спутники направились дальше.

Опять начались посещения их вагона немцами.

По мере приближения к Уралу, начали появляться немецкие колонисты, поселившиеся по Волге; они тоже о чем-то совещались с Гинце и Пуженом и получали такие же анонимные конверты и уходили таинственные, полные сознания собственного достоинства.

На Урале появились скупщики леса и горных предприятий, а за Уралом, от Кургана до Омска, вместе с Гинце, ехали крупные скупщики сибирского масла и совещались долго и серьезно.

В Иркутске Гинце неожиданно изменил свое решение и объявил Вотану, что остается вместе с Пуженом в этой «восточной столице» Сибири и лишь через несколько дней проедет в Манчжурию.

Дальше Вотан ехал один. В Харбине он принял своего представителя, а также консула Мюллера, которые сообщили ему, что японцы энергично готовятся к войне и что у них все уже готово, хотя никто с противной стороны не подозревает даже о близящемся дне войны.

XIII

Зима того года не была суровой. Выпали глубокие снега, которые покрыли верхушки отрогов Сихотэ-Алиня и лежали белыми пятнами в оврагах Уссурийских степей. Морозы стояли небольшие, но, несмотря на это, в реках и на горах снег не сходил всю зиму, и в тайге промысловым охотникам было раздолье, так как след зверя легко было находить. В этот год Уссурийская тайга и горные долины кишмя кишили целыми артелями промысловых охотников.

Вернувшийся в начале декабря домой Вотан не застал Вольфа. Ему сказали, что Вольф живет уже несколько дней в городе, но сейчас находится на охоте.

За время отсутствия Вотана в городе произошли немаловажные события, имевшие большое влияние на последующие дела.

Когда Вольф вместе с Салисом Швабе прибыли в город, то они прежде всего заехали в дом старшего Швабе, исполнившего должность английского коммерческого агента и жившего уединенно на одной из боковых улиц второго яруса города. Когда капитан и молодой Салис Швабе рассказали старшему брату о своих приключениях, тот в раздражении встал и сказал:

— Вы не забывайте, что я представитель Великобритании и что мне нельзя принимать участие в такой явно шпионской деятельности! Я считаю неудобным, чтобы мой брат, состоящий агентом страны, которая не сегодня-завтра начнет войну с Россией, жил в одном со мной доме!

С этого дня молодой Салис Швабе нанял для себя небольшой особняк недалеко от японского квартала и поселился в нем, а вместе с ним поселился и Нохвицкий, очень обрадовавшийся приезду обоих знакомых. Он очень быстро подружился с ними и немедленно перезнакомился со всем городом. Ловкий, отлично воспитанный, Нохвицкий скоро вошел в самые влиятельные дома города, где его приглашали давать уроки английского и французского языков, которыми он в совершенстве владел.

В то время, когда Нохвицкий занимался преподавательской деятельностью, он жил с Салисом Швабе, хозяйничая в его холостой квартире, куда довольно бесцеремонно приглашал целые толпы японских гейш, живших в маленьких, словно из картона сделанных домиках, тянувшихся по обеим сторонам так называемой Японской улицы. Он говорил с ними на их щебечущем и воркующем говоре и очень весело проводил время, пока младший Салис Швабе и капитан Вольф уезжали на охоту.

А оба друга, захватив с собой большой запас патронов и своих собак, уезжали на манчжурсскую границу, где среди необозримых полей и степных зарослей дубняка охотились за фазанами. Они останавливались в какой-нибудь однокой фанзе, около которой китайское семейство разводи-

ло хлеб и овощи на пространстве нескольких квадратных саженей, целый день копошась на аккуратно и тщательно разделанных грядках, а в зимнее время в небольшом сарае, крытом гаоляном, делали из вязкой глины кирпичи и возили их на железнодорожную станцию.

Здесь, в одинокой фанзе, на теплом кане, Вольф и Швабе только ночевали. Целый день до позднего вечера бродили они по полям и стреляли фазанов. Их мешки были переполнены этими красивыми, сверкающими на солнце всеми цветами радуги птицами. Утомившись почти до полного бессилия, они медленно плелись в фанзу и, наскоро поклонившись, ложились спать. Если какой-нибудь посторонний зритель наблюдал бы за обоими охотниками, то, он, конечно, понял бы, что они ждут чего-то и только от скуки развлекаются охотой.

Однако, прошло более недели, прежде чем по долине речки Ушогоу начал подыматься в гору небольшой отряд китайских всадников. Впереди ехал Мый-Ли. Он внимательно осматривался по сторонам и, заметив стоящую в стороне покинутую и полуразрушенную кумирню, какую обыкновенно строят китайские рабочие вблизи от своего жилья, он подъехал и здесь, под глиняной чашечкой с остатками сгнившей чумизы, нашел небольшую записку. Прочитав ее, он повернул весь отряд к югу и рысью начал пересекать степь. К вечеру он был уже вместе со своими всадниками у фанзы, где устроили свой лагерь Вольф и Салис Швабе.

Здесь состоялось совещание между обоими европейцами и Мый-Ли, приведшим с собой вождей хунхузских шаек. Они совещались о том, как установить возможно быстрое сообщение для передачи всякого рода известий от одного поселка до другого, от границы до Фын-Хуан-Чена и Лядуна.

После этого совещания, в ту же ночь, несмотря на усталость, Вольф с молодым Салисом Швабе отправились домой.

Встреча капитана с Вотаном была очень сердечная, и старик совершенно успокоился.

Он пригласил на другой день к себе Вольфа и передал все то, что слышал и видел в Берлине. Вольф с любопытством

слушал и, когда узнал, что Вотан привез с собой тайное предписание и шифр германского военного министерства, попросил показать его. Они вместе с Вотаном смыли написанное и стали сушить бумагу перед горящим камином.

Первой появилась строчка: «Тайный шрифт Д. Е. А.», а затем одна за другой еще четыре строчки.

Оба внимательно изучали этот шифр, повторили его несколько раз, много раз писали его на клочках бумаги, а затем все это бросили в камин и тогда только начали говорить о делах посторонних: о заказах фирмы, о городских новостях, об охоте и о дорожных впечатлениях.

Праздники Рождества Христова в городе прошли в тот год как-то незаметно.

По берегам Тихого океана уже веяла кровавыми крылами военная тревога.

Никто не знал, откуда идут зловещие вести, кто распространяет такие упорные и в то же время достоверные слухи, которые шли впереди событий и о чем узнавали лишь несколько дней спустя.

Распространилась весть о том, что навстречу эскадре адмирала Рейценштейна, шедшей из Порт-Артура во Владивосток, попалась японская эскадра. Быстрая перегруппировка японских броненосцев, усиленное сигнализирование и тот боевой порядок, в который перестроились японские суда, убедили команду русских крейсеров в том, что японцы готовят на них нападение. Хотя от наместника не было никаких распоряжений и никаких сведений по этому поводу, адмирал приказал приготовить орудия и при первом выстреле принять бой. Русские крейсера шли, ожидая нападения японцев. Но эскадра медленно повернула на другой курс и удалилась к югу.

Об этом в городе узнали в тот же день, хотя официальное и секретное донесение о странном и подозрительном поведении японцев адмирал мог сделать лишь через 52 часа.

Такие тревожные вести нарушали спокойное течение жизни города, и приходящие из Японии сообщения о боевых приготовлениях заставляли думать, что, хотя не было

никаких известных широкой публике причин, но война казалась неизбежной.

Прошел Новый Год. Эскадра адмирала Рейценштейна ушла обратно, и на некоторое время слухи о войне прекратились. Начавшие было уезжать из города японцы снова возвратились, и все были убеждены, что неизвестные тренировки, бывшие между Россией и Японией, по-видимому, улеглись и что на берегах Тихого океана войне на этот раз не суждено было разыграться.

XIV

24 Января 1904 года в доме Вотана был семейный праздник. В богато убранных редчайшими японскими и китайскими вещами и старинной, из черного дерева мебелью комнатах собралось много гостей. Кроме служащих торгового дома, а также управляющих других немецких фирм, работающих на Дальнем Востоке, было много лиц местной администрации. Молодежь танцевала и усиленно флиртовала, что было в такой моде на русской окраине, зараженной этим недугом двадцатого века от иностранных пришельцев, искусившихся уже в этом во время пребывания своего в английских и французских колониях в Китае и Индии.

Старики играли в карты, а кто не играл и не танцевал, тот в кабинете хозяина рассматривал редкие китайские и японские альбомы, коллекцию ваз *«cloisonné»*, относящихся к началу XIV столетия, и древние рукописи китайских бонз. Дамы любовались редкими вышивками, которые с любовью собирал Вотан, большой знаток и ценитель этого рода искусства буддийского Востока.

Веселящий все молодое общество Вольф рассказывал какой-то смешной анекдот, когда к нему подошел бой-лакей и шепнул ему что-то на ухо. Вольф немедленно покинул зал.

Он вернулся через несколько минут. Вид его обращал на себя внимание. Вольф побледнел, а глаза его горели необыкновенным блеском. Он тяжело дышал и долго не мог произнести ни слова, хотя к нему обращались дамы, засыпая его вопросами.

Наконец он несколько успокоился и небрежно бросил:

— Я думаю, господа, что на этих днях вспыхнет война! Мне сообщил об этом только что приехавший из Китая коммивояжер.

Опять налетела та тяжелая волнующая тревога, которая владела всеми на Дальнем Востоке в течение долгих месяцев. Тревога необъяснимая, приходящая неведомо откуда и идущая дальше неизвестными путями, не имеющая ни причин, ни объяснений.

А Вольф быстро прошел в комнату, где играли в карты, и громко кашлянул.

Тотчас же, словно по команде, от столов встали Вотан, Салис Швабе, представитель фирмы «Родпель» и несколько старших служащих торгового дома «Артиг и Вейс» и вышли в соседнюю комнату.

Не обращая на себя внимания, Вольф небрежно закурил сигару и последовал за ними. Он подошел к группе, ждущей его и, отчеканивая каждое слово, внятно прошептал:

— Сегодня в шесть часов вечера адмирал Уриу с отрядом миноносцев пошел к Порт-Артуру. 26 января он нападет на русские суда, стоящие на рейде, несмотря на то, что объявления войны не последовало.

26 января кровавого 1904 года неприятельские миноносцы неожиданно напали на русские суда, стоявшие на рейде Порт-Артурской крепости.

Сведения Вольфа, капитана германского флота и заведующего техническим отделением фирмы «Артиг и Вейс», были точны и не нуждались ни в каких дополнениях.

Вольф оставался в доме Вотана до тех пор, пока все гости не разошлись. После этого он вместе с хозяином вошел в кабинет и, вынув из кармана книжку с телеграфными бланками, написал:

«Пекин, германское посольство. Высылаемый вам груз

в количестве двух машин стоит в порту. Отправка неизвестна. Своевременно сообщим. Артиг и Вейс».

— Первое применение нашего шифра! — засмеялся Вольф.

— Для чего вам понадобилось проделать это впервые в моем доме? — спросил Вотан, с опасением и нескрываемой злобой смотря на капитана.

— Очень просто! — опять засмеялся Вольф. — Я хочу, чтобы вы были соучастником в этом выгодном предприятии, милейший господин Вотан.

И с этими словами Вольф нажал пуговку электрического звонка. Он передал телеграмму вошедшему лакею вместе с деньгами и сказал:

— Сдай телеграмму... от господина Вотана...

Вотан побледнел. Он начинал понимать игру Вольфа, и теперь уже перед ним непосредственно всталася смертельная опасность, которой подвергал его этот агент германского правительства. Вольфу нечего было терять, потому что никто его не связывал ни со здешними людьми, ни со старой фирмой, такочно и цепко укрепившейся на безграничном просторе русского Дальнего Востока.

— Не находите ли вы, капитан, — сказал, умышленно подчеркивая слово «капитан», Вотан, — не думаете ли вы, что отправка телеграммы столь прозрачного смысла является большим риском... не для вас, конечно, но для меня?

— Это для меня неинтересно! — небрежным тоном бросил Вольф. — Кроме того, я могу вас успокоить, господин Вотан. Первый раз, а, может быть, и второй раз это наверное пройдет незамеченным. Что же касается следующих телеграмм, то это уж будет зависеть от вас, как лучше и безопаснее использовать остроумный шифр, присланный нам правительством. Что касается меня, то я уже не буду пользоваться им, так как я, с вашего разрешения, уезжаю. Вы же можете использовать своего представителя в Петербурге, господина Фрица Вильбрандта.

Попрощавшись со стариком, Вольф пешком отправился по главной улице, потом свернул в сторону и, поднявшись в гору, дошел до дома, где жили молодой Салис Шва-

бе и подружившийся с ним Нохвицкий.

В доме шел пир. Нохвицкий играл на фортепиано и напевал фривольные французские шансонетки, а Салис Швабе, развалившись в глубоком кресле, хохотал, смотря, как две молодые раскрашенные японки старались подражать канкану, что у них выходило очень забавно, так как они смешно ковыляли и переваливались на своих толстых и кривых ногах.

Японки были пьяны. Они звонко хохотали и переливали смех настоящим птичьим щебетанием, доступным лишь горлу жительниц Ниппона.

Тут же бегал черный шпиц и громко лаял, прыгая через подставляемую ему Салисом Швабе ногу.

— Шалуны, шалуны!.. — воскликнул, останавливаясь на пороге комнаты, Вольф. — В то время, как к берегам Ляодуна идет для нападения флотилия японских миноносцев, когда с каждой минутой приближается важный исторический момент, вы забавляетесь вином, музыкой и женщиными!..

Одна из японок, маленькая, черноглазая девушка, гибкая и ускользающая, как кошка, подошла и положила на губы Вольфа маленькую ручку, украшенную тяжелыми перстнями.

— Иди!.. — шепнула она.

Вольф покраснел и махнул рукой.

— Последний раз! — воскликнул он. — А там в путь!

Пир продолжался...

XV

День 26 января 1904 года никогда не изгладится из памяти тех, кто жил в то тревожное время на берегах Тихого океана.

Гул взорвавшихся мин на рейде Порт-Артура, где стояли не ожидавшие нападения русские броненосцы и крейсера, громким отзвуком пронесся от мыса Ляотешань до Вла-

дивостока, Татарского пролива и устья Амура. Об этой вести, волнуясь и негодуя, рассуждали в городах и больших селах. О том же передавали друг другу встречавшиеся в тайге промысловые охотники и говорили под шум ветра и гудение парусов рыбаки на больших баркасах.

Город, где находился главный магазин фирмы «Артиг и Вейс», узнал об этой злополучной новости рано утром 26 января. Передавали появляющиеся откуда-то слухи о серьезных потерях русского флота и об опасности, угрожающей Порт-Артуру.

Толпы людей ходили весь день и до поздней ночи по улицам города, взбирались на самые высокие горы и смотрели вдаль, разыскивая в море огни ожидавшейся неприятельской эскадры. Прозвучали слова Манифеста о войне. Появились приказы военных властей. В толпе сновали клерки и приказчики фирмы «Артиг и Вейс», внимательно слушали, зорко смотрели и по временам по секрету передавали то тому, то другому из знакомых о свежих и нерадостных новостях, только что полученных тем или другим важным лицом в городе.

Потом все то, что слышали и видели эти пронырливые люди, они передавали сидевшему в чертежной торгового дома «Артиг и Вейс» Вольфу и злорадно посмеивались над впечатлением, произведенным пускаемыми ими ложными известиями.

— Будьте мудры, как змии! — тоном проповедника, смеясь, говорил им Вольф. — Пусть каждый из вас принесет Германию в этот важный исторический момент, когда два естественных врага нашей родины взаимно ослабляют друг друга, возможно большую пользу. Но будьте осторожны и осмотрительны! Если погибнет один из вас, ничто от этого не изменится. Но если вы по неосторожности и неосмотрительности предадите все дело наше — это будет непоправимая ошибка! Таков мой завет вам, а затем, друзья, — до свиданья! Завтра меня уже не будет в городе!..

На другой день с утренним поездом, битком набитым пассажирами, Вольф уезжал в Манчжурию.

XVI

В Харбине он сразу нырнул в водоворот военной жизни.

У консула Мюллера было устроено заседание, на котором присутствовал харбинский представитель фирмы «Артиг и Вейс» Брандт, управляющие отделениями фирм «Артур Родпель», «Хильманс», «Дангелидер» и «Витман-Бауэрнамер». Здесь же присутствовал вездесущий Гинце, загадочный, полный достоинства дипломат, умеющий так ласково и понятливо смотреть в лицо собеседника, и беспокойный, вечно торопящийся куда-то, что-то обдумывающий и порывисто теребящий свои редкие волосы доктор Пужен.

Все они говорили Вольфу о тех связях, которые установлены ими, и о тех источниках, откуда они будут черпать важные и точные сведения.

Требовательный Вольф ничего не мог возразить и только радостно улыбался, а осторожный, видавший виды Гинце даже захлопал в ладоши и проговорил:

— Подумать только, что такая организация у Германии существует везде и в Старом и в Новом свете!

— Это все пока приготовления... — задумчивым голосом произнес Вольф. — Посмотрим, что произойдет тогда, когда Германия непосредственно будет нуждаться в услугах своих преданных агентов.

После этого совещания, Вольф прожил несколько дней в Харбине, где он толкался на вокзале, присматриваясь к прибывающим в город войскам. А войск шло много. Приходили длинные вереницы воинских поездов. Из дверей, из окон вагонов выглядывали бородатые лица запасных. Топали и ржали лошади, а во время хода поезда громыхали и звенели орудия и зарядные ящики. Кроме Вольфа, смотрели на эти поезда десятки глаз, приставленных следить за тем, что делается на линии единственной железной дороги, связывающей далекую Тихоокеанскую окраину с сердцем России.

Гинце на другой же день через Сан-Син уехал куда-то и в конце концов очутился в Пекине, откуда оживленно переписывался как со старым Вотаном, так и с Велем и Брандтом.

Пужен вместе с Вольфом из Харбина отправился в Мукден и Ляоян. Здесь они имели свидание с китайскими купцами и с переодетыми японцами, которые укрывались в разных притонах и выслеживали все то, что потом передавали дальше радиотелеграфные станции, раскинутые вблизи железной дороги.

В Ляояне Вольф получил письмо от Вотана. Письмо показалось подозрительным капитану. Он внимательно разглядывал конверт и, хотя не заметил на нем никаких следов осмотра, однако, простой серый конверт с адресом, написанным размашистым почерком, совершенно не похожим на почерк Вотана или Мюльферта, часто писавшего от имени главы торгового дома «Артиг и Вейс» секретные и конфиденциальные письма, заставил его задуматься. Вольф спрятал письмо в карман и домой не пошел. По узкому, грязному переулку он поднялся в гору и вышел на площадь, где обыкновенно происходили казни и где высилась построенная из красного полированного дерева часовня Бога Мести. Здесь капитан начал внимательно озираться, но вскоре успокоился. Никто за ним не шел и не следил. Китайцы сидели у своих домов и равнодушно смотрели на проходившего европейца, которых так много они видели постоянно в этом богатом торговом городе.

Зайдя за кумирню, капитан вскрыл письмо и прочел его. Старый Вотан, не подписывая письма, но ставя в левом углу букву «D», перечеркнутую два раза, писал, что им получена телеграмма от германского посла в Пекине за № 110. Телеграмма эта предписывала фирме «Артиг и Вейс» сообщить всем германским фирмам, работающим на Дальнем Востоке и имеющим друг с другом постоянные тесные сношения, а также всем агентам, прибывающим из Германии, что военное и морское министерства в Берлине предписывают особенно ревностно и тщательно помогать японским властям в их старании быть подробно осведомленными о

действиях и намерениях противника.

Вольф высоко поднял брови.

Послать такое письмо по почте без всяких предосторожностей значило — выдать его с головой.

Правда, Вотан послал письмо на условную фамилию и на конверте стояло имя Клейна, однако, получатель письма неминуемо мог попасть в руки властей. Рассматривая внимательно письмо, Вольф заметил на бумаге какие-то подозрительные следы и понял, что кто-то, по-видимому, пытался проявить на бумаге какой-нибудь скрытый текст, написанный секретными чернилами. Этот человек и заменил конверт Вотана этим серым конвертом с размашистым почерком.

«Вотан хотел меня предать!» — мелькнула в голове у капитана мысль, и он понял, что ему угрожает большая опасность.

Прежде, чем пойти домой, капитан зашел к знакомому китайцу и вызвал туда Пужена. Тот немедленно отправился в гостиницу, где остановился капитан, и увидел нескольких лиц, очень откровенно ожидавших кого-то у входа в дом.

Узнав об этом, Вольф вышел от китайца и, попрощавшись с Пуженом, долго кружил по Ляояну и только тогда, когда стемнело, он пришел на окраину, где тянулся длинный ряд высоких домов, битком набитых китайцами. Здесь были тайные игорные притоны, квартиры, населенные женщинами, где всякую ночь происходили кровавые расправы между посетителями, дешевые кухмистерские, харчевни и гостиницы. Из окон и из-под ворот на улицу вместе с дымом и запахом перегорелого бобового масла неслись крики, брань, заунывные песни и женские визгливые голоса. Кто-то пиликал на «ля-хутя» — однострунной китайской скрипке, а ее рыдающим звукам вторил глубокий бас, который нараспев рассказывал историю прежних героев, их деяния и великие заслуги перед Пэ-Синем*. В этом рассказе было столько ненависти к поработившим народ богачам и к чуже-

* Китаем.

земцам, отрывающим от тела древней страны героических богов и божественных богыханов лучшие части, распространяющих европейские обычаи, ослабляющие душу и тепло жителей Китая, — что Вольф невольно представил себе этого рассказчика.

Он должен быть сильным, широкоплечим человеком, с горящими глазами, с тонкими и нежными руками. Где-нибудь на груди или на плече у него вложена синяя птица, эмблема отваги, и говорит он таким же звонким и самоуверенным голосом, каким говорит Мый-Ли, спокойно ведущий свою разбойничью барку по бушующим волнам Японского моря. Но размышлять об этом долго не приходилось. Нужно было устраиваться на ночлег.

У ворот, сгорбившись, сидел седой китаец со сморщенным, как печеное яблоко, лицом и с жалкой седой косичкой, беспомощно болтающейся на изорванном халате.

— Где здесь у вас «хойми»?* — спросил Вольф, прикасаясь к плечу китайца.

— Во дворе налево!.. дверь вниз!.. — ответил старик, не без удивления смотря на европейца.

На дворе, по грязи, среди куч наваленного кирпича, кусков штукатурки и всяких отбросов толкались китайцы, о чем-то оживленно разговаривающие, размахивающие руками и заметно волнующиеся. С трудом протискавшись сквозь толпу, капитан подошел к двери, ведущей в ночлежку. Надо было пройти по двум скользким, обмерзшим ступеням, прежде чем открыть дверь. На Вольфа пахнуло зловонным паром, в котором смешались запахи человеческого тела, варящегося уксуса с грибами и дубовыми наростами, от чего разъедало глаза и нос, сладковатого угаря от пролившегося в огонь масла и жарящейся свинины с черемшой**. Откуда-то, словно из подземелья, доносились крики, напоминающие прибой волн. Это были голоса многих людей, проводивших ночь в этой «хойми» на окраине Ляояна, ко-

* Ночлежный дом.

** Дикий чеснок.

торому вскоре суждено было быть свидетелем одной из наиболее кровавых страниц в истории человечества.

Вольф толкнул вторые двери и очутился в обширном подвале со сводчатыми потолком и могучими столбами, сложенными из крупных камней и поддерживающими огромное здание, переполненное разношерстным и многочисленным населением большого города. В потолок были ввернуты крючья, и на них висели бумажные фонари из разноцветной бумаги, украшенные грубыми рисунками и черными надписями; они тускло освещали проход между двумя рядами не то открытых гробов, не то шкафов. Это были нары, шедшие от земли до потолка в три яруса и разделенные перегородками с таким расчетом, чтобы каждый человек мог находиться в особом отделении.

На нарах лежали толстые циновки; стены и потолок, склоненные из досок, были оклеены пестрыми картинами религиозного или эротического содержания. Тут же на красной бумаге крупными черными буквами были напечатаны особые объявления о том, что больные «черной болезнью»* не могли оставаться в помещении «хойми» и должны были покидать до захода солнца городские ворота. У самой стены на особой скамеечке стояла небольшая масляная лампа, запас трубок и медный сосуд с опиумом.

Когда Вольф вошел, многие отделения на нарах были уже заняты, и в них, словно в подземелье, где-то глубоко светились огоньки ламп.

Некоторые из посетителей сидели на нарах у своих отделений, из маленьких чайников наливали чай и прихлебывали его, жуя черную, вязкую пастилу. Вольф подал подошедшему к нему китайцу, содержащему nocturnal, серебряную монету и приказал дать ему помещение для ночлега.

Китаец хитро улыбнулся.

— Капитан** хочет, — сказал он, — посмотреть, как носят бедные китайцы? Шанго!..

* Чума.

** Капитаном китайцы называют всех богатых.

— Ты угадал, тайе!* — ответил Вольф.

Китаец привел его в конец «хойми», где были отделения для более зажиточных ночлежников. Здесь нары шли только в два яруса, и в каждом отделении можно было даже сидеть. Китаец указал Вольфу на свободное место.

Вольф потребовал чаю и, напившись, лег навзничь и стал курить папиросу. Напротив его отделения, через проход, лежал старый, толстый китаец. У него была одышка, и он шумно и тяжело переводил дыхание, с трудом переворачиваясь с боку на бок. Возле его головы горела под стеклянным колпачком маленькая лампа, и толстый китаец, умыв пальцами шарик смолистого опиума, натыкал его на тонкую костяную палочку и медленно плавил над огнем, поворачивая то одной, то другой стороной. По временам опиум вспыхивал синим огнем и распространял сладкий дурманящий дым, плывущий в воздухе извилистыми тяжелыми струями. Тогда старик торопливо вкладывал шарик в толстую бамбуковую трубку и делал несколько глубоких затяжек, после которых он откидывался на нары и долго лежал без движения, уставившись глазами в потолок и медленно маленькими кольцами выпуская дым. Потом он снова, кряхтя и вздыхая, поворачивался на бок и снова приготовлял ядовитое курево, все более и более дымящее и наполняющее подвал «хойми» клубами сладкого, медленно опадающего дыма. Вскоре голова китайца грузно упала на нары, а желтая, безжизненная рука выронила трубку. Тогда к курильщику подбежал хозяин, с любопытством заглянул ему в лицо, положил руку на висок, послушал, а затем, лукаво улыбаясь, подошел к Вольфу и, указывая на уснувшего китайца своими черными бегающими глазами, шепнул:

— Пусть смотрит капитан! Это Сяо-Нан, самый богатый купец в Ляояне. Раз в неделю он приходит в мою «хойми» и так спит до утра, а потом, днем, снова дела... И так на целую неделю. Сяо-Нан приходит отдохнуть ко мне, забыться...

* Господин, хозяин.

Словоохотливый китаец прервал свой рассказ, так как в это время в ночлежке появился новый посетитель. Это был высокий, широкоплечий китаец со смелым лицом и горящими глазами. Он взглянул на хозяина «хойми», и тот немедленно бросился к нему навстречу и начал его устраивать в соседнем с Вольфом отделении. Вольф поднялся и сел на краю нар. Вновь пришедший также сидел, медленно расстегивая на себе черный халат и тихо звяня двумя толстыми серебряными браслетами на правой руке.

Вольф невольно улыбнулся. Он был уверен, что видит рядом с собой того рассказчика, чей голос он слышал, стоя перед воротами дома.

Он заговорил с китайцем. Тот охотно вступил в беседу и, не таясь, рассказал ему, что он народный рассказчик и что действует он по поручению других лиц, гораздо более могущественных, чем он, так как его сила лишь в любви к обиженному Пэ-Синю.

Они разговорились, так как Вольф умел вызывать людей на откровенность.

Китаец, назвавшийся Фай-Цзынем, с пылкостью, свойственной южанам, начал говорить о том, как радуются китайцы, что между двумя соседними с ними государствами вспыхнула война, потому что она повлечет за собою раньше или позже другую большую войну. В то время, как чужеземцы, проливая кровь, будут ослабевать, Китай будет усиливаться, и тогда настанет день, когда все шестьсот миллионов людей, населяющих древний Пэ-Синь, подымутся и сметут с лица земли все те народы, которые попытаются остановить его могучее пробуждение. Фай-Цзынь рассказал Вольфу, что уже теперь агитаторы набирают несметные полчища бездомных и безработных бедняков, переселяют их в пустынные места, где они образуют общину мужчин, целые города, над которыми витает возбужденная тревога, желание мести и деятельности. Отсюда, из этих «городов мужчин», когда понадобится, китайцы бросят миллионы воинов, мстительных, не знающих боязни и пощады. Тот будет победителем, кто сумеет привлечь на свою сторону эти бесчисленные орды людей, которые живут, «сжав сердце»,

но в глубине души лелеют мечту о великом кровавом деле.

Когда говорил китаец, Вольф не мог удержаться от печальной улыбки.

— Как все однообразно на земле! — подумал он. — Разве что-нибудь иное думают о будущем своего народа в Германии? Разве наш план чем-нибудь отличается от плана этого Фай-Цзыня и пославших его?..

Какая-то усталость и мгновенное разочарование тяжелым камнем упали на мозг капитана. Он инстинктивно понимал, что все то, из-за чего он рисковал своей жизнью и чем наносил, быть может, непоправимый вред той стране и тому народу, среди которого он жил, все это давно применяется всеми людьми, и нет в этом ничего нового и, главное, необыкновенного.

— Система! — пожав плечами, проворчал Вольф. — Система... а потому вещь скучная, как скучен старый Вотан, всю свою жизнь проживший в подчинении этой системе!

Закурив папиросу, Вольф улегся на толстой циновке, укрылся пальто и затих, стараясь заснуть. Ночь он провел в полузабытье и, когда некоторые посетители рано утром начали покидать «хойми», наполненную дымом и испарениями нескольких десятков человеческих тел, — вместе с ними вышел на улицу и Вольф. Он с удовольствием втягивал в себя свежий морозный воздух и чувствовал, как постепенно спадает с него та предательская усталость и разочарование, которые внезапно напали на него вчера, когда он слушал излияния Фай-Цзыня.

В тот же день, вместе с караваном, везущим гаолян и бобовое масло в Фын-Хуан-Чен, капитан отправился на юг, и в Ляояне, где совсем уже было открыли след загадочного Клейна, получающего предписания о шпионаже от кого-то, кто метил свои письма перечеркнутой дважды буквой «D», след этот вдруг потерялся, подобно тому, как теряется след скачущей лошади, которую искусный всадник пустил вплавь по реке.

Вольф старательно избегал Ляояна. Но он объезжал все пункты, где находились отделения или агенты торгового дома «Артиг и Вейс» и других немецких фирм, получившие

последний циркуляр германского посла в Пекине.

XVII

Веселый, жизнерадостный, как всегда, Вольф приехал в город в вагоне первого класса. Знакомый начальник станции приветливо козырнул ему, и извозчик, который всегда возил инженера фирмы «Артиг и Вейс» подал пролетку и с гиком и звоном колокольчиков помчал его к зданию торгового дома.

Вольфа никто не ожидал в магазине, а потому появление его было встречено выражением бурной радости и недоумения. Его обнимали, расспрашивали, водили то в одну, то в другую комнату. Вольф говорил о всяких пустяках, рассказывал об интересных подрядах, которые он получил, и об огромных запасах хлеба и фуражи, закупленных им в Манчжурии. Рассказывая обо всем этом с веселой беззаботной улыбкой, Вольф заметил, однако, перемену, происшедшую в торговом доме во время его отсутствия.

Появились новые лица.

Несколько незнакомых приказчиков отпускали товар покупателям, и в кассе сидел человек, которого Вольф никогда раньше не видел в магазине.

— Я вижу, что у вас какие-то новости? — спросил капитан.

— Да! — пренебрежительно вскинув плечи, произнес рыжий, веснушчатый Бергер. — Старый Вотан сошел с ума! Он нанимает русских служащих. В магазине нельзя откровенно разговаривать. Остается только нам клуб и теннис, куда мы никого из этих русских господ, понятно, не пускаем.

— Та-ак!.. — протянул Вольф. — Это важная перемена, но я думаю, что Вотан не сошел с ума...

Вольф еще раз скользнул внимательным взглядом по лицам обступивших его немецких приказчиков, и тотчас же бросились ему в глаза их беспокойные взгляды и застыв-

шия загадочные улыбки людей, скрывающих важную тайну.

Вольф быстро поднялся в техническое отделение и постучал в дверь Вотана.

Не ожидая ответа, он вошел.

— А-а!.. — протянул старик, подымаясь из-за стола. — Господин Вольф? Однако, вас нельзя считать особенно исправным служащим нашего торгового дома.

— Оставьте неуместные шутки! — резким голосом оборвал его капитан. — По какому праву позволили вы себе наем русских служащих? Это может погубить все дело!

Холодные глаза Вольфа метали искры. Он облокотился на стол и, перегнувшись через него, смотрел в глаза старику.

Вотан сел и откинулся в кресле. На лице его выражение глубокой ненависти мало-помалу сменялось презрительной улыбкой.

— Молоды вы, господин Вольф, учить меня... — ответил, щуря глаза, старик.

— Я вас спрашиваю в силу того циркуляра, который был представлен вам мной при моем сюда прибытии! — холодным тоном ответил Вольф. — Я требую от вас объяснений. В противном случае мне придется немедленно известить о вашем поведении берлинское правительство.

— Хорошо! — ответил Вотан. — Я вам покажу документ, на основании которого я произвел действительно серьезную реформу во внутренней жизни торгового дома, но потом я позволю задать и вам один небольшой вопрос...

Говоря это, Вотан открыл ящик стола, вынул большой лист бумаги и протянул его Вольфу.

Капитан опустился в кресло и начал внимательно читать поданную ему бумагу, оказавшуюся именным приказом, данным военным министром 3 января 1904 года торговому дому «Артиг и Вейс» в лице его представителя — Вотана. В приказе говорилось о том, что прусское военное министерство получило сведения, будто деятельность некоторых германских фирм обратила на себя внимание русских властей. Так как это может совершенно разрушить все пла-

ны и задачи германского правительства, то фирме «Артиг и Вейс» предписывается немедленно увеличить кадры служащих русскими подданными. А в тех отделениях фирмы, значение которых для осведомительной деятельности и для исполнения поручений германского правительства ничтожно, рекомендуется поставить даже во главе их русских же подданных. При этом, однако, военное министерство указывало, что управляющий торгового дома «Артиг и Вейс» должен озабочиться тем, чтобы вновь приглашенные русские служащие отнюдь не могли проникнуть в тайную деятельность фирмы, так как этой деятельностью очень дорожит прусское военное министерство.

Вольф прочитал бумагу, аккуратно сложил ее вчетверо и возвратил Вотану.

— Отлично! — сказал он. — Вы поступили правильно!

— Не сомневаюсь! — ответил, хитро улыбаясь, Вотан. — А теперь позвольте спросить вас? Не думаете ли вы, капитан, что ваше вызывающее и по меньшей мере... нелюбезное ко мне отношение, хотя вы знаете мое положение в крае и в берлинских политических кругах, может вызвать с моей стороны резкий отпор? Отпор этот я мог бы проявить в разных формах, но одна из них наиболее доступна и действительна. Это — донос...

Глухое молчание воцарилось в комнате.

Двое этих людей, между которыми, несмотря на все страения в Берлине, шла глухая борьба, требующая неизбежной и решительной развязки, поняли, что развязка эта необходима. И теперь глаза старого Вотана, видевшего и слышавшего столько тайн, хитростей и предательств за свою долгую жизнь, встретились с холодными и смелыми глазами Вольфа, и оба они не моргнули. Молча приняли они вызов и поняли, что борьба началась.

После долгого и тяжелого молчания Вольф медленно поднялся, еще раз пристально взглянул в глаза Вотана и отчеканил:

— Донос — отличная вещь, господин Вотан! Я одобряю ваш план...

Сказав это, он быстро повернулся и вышел.

XVIII

На берегах Тихого океана и дальше, в лесах и горах Стального Китая, там где в узких долинах стоят древние, полуразрушенные храмы, окруженные лесами вязов и дубов, где в великолепных, раскинувшихся на десятки верст садах медленно рассыпаются сложенные из мрамора и гранита мавзолеи над могилами древних Мингов и легендарных вождей китайцев, отбивавших некогда полчища «пришельцев с моря», — теперь повсюду гремели орудия, доносились отголоски кровопролитных боев и стоны раненых и умирающих. Над вспененными волнами Тихого океана, который видел ужаснейшую из трагедий человечества, и над плодородными равнинами Манчжурии, где мирные китайцы еще вчера возделывали свои поля, сажая во взрыхленную землю пшеницу, гаолян и бобы, — там с воем и грохотом проносились снаряды и падал на землю стальной и свинцовый дождь.

С напряжением смотрел весь мир на встречу неожиданных противников, а на Дальнем Востоке каждый день и каждый час приносили ряд известий, то радостных, наполнивших сердца гордостью, то тревожных и печальных. От оставшихся одинокими солдатских жен и до высших администраторов края, — все были взволнованы и обеспокоены, и только в клубе торгового дома «Артиг и Вейс», где собирались приказчики и клерки не только этой фирмы, но и от «Родпеля», «Хильманса», «Дангелидера» и других немецких гнезд, откуда выползли змеи предательства и шпионства, царило бесшабашное веселье. Здесь радовались всякой неудаче России и подсчитывали происходящие от войны выгоды для Германии.

Вольф, ранее часто бывавший в клубе, теперь перестал посещать его. Случай наблюдения за Клейном в Ляояне и сведения, полученные прусским военным министерством, сильно обеспокоили осторожного, хотя и привыкшего жить на вулкане капитана. Он все чаще и чаще появлялся в русских домах, принимал участие в митингах и раз даже про-

чел лекцию о Японии, причем старался выставить в невыгодном свете душевые качества японского народа и нарушение его армией международных законов.

Однако, Вольф знал все, что делается в городе, даже больше — он знал все, что делается вдоль линии дороги от Хабаровска до Харбина, но никто не знал, каким образом получает он такие точные сведения.

Делалось же это просто. Инженер фирмы «Артиг и Вейс» имел ежедневно свидания то с Салисом Швабе, то с Нохвицким. Катаясь верхом, гуляя, сидя в ресторане или театре, они перекидывались во время разговора на вид ничего не значащими словами, хотя они были полны для них остального интереса и глубокого смысла. После этих разговоров Вольф не раз тотчас же ехал к Вотану, и они вместе с ним писали телеграммы германскому посольству в Пекине, харбинскому консулу Мюллеру, Фрицу Вильбрандту в Петербург и разным лицам в Берлин о том, что в их адрес посланы две машины или, что одна машина возвращена таможней, а другая находится в пути к адресату; иногда телеграфировали, что ими по железной дороге отправлено шесть ящиков мелкого товара и два — крупного. Эти понятные слова, такие естественные для торгового дома, ведущего обширные дела почти со всеми важнейшими городами не только Тихоокеанского побережья, но и Европы, не могли, конечно, возбудить чьего-либо подозрения. Однако, слова эти всегда обозначали количество вышедших или вернувшихся военных кораблей и перевозимых по железной дороге пехотных или артиллерийских частей.

Всякий раз, после отправки таких телеграмм, Вотан с ненавистью спрашивал, зачем капитану понадобилось писать их на его бумаге и посыпать их на телеграф с его лакеем. Совершенно одинаковым тоном и одними и теми же словами Вольф неизменно отвечал:

— Донос — отличная вещь, господин Вотан! Я одобрил ваши намерения и я отлично помню об этом. Если мне суждено быть повешенным, то мне будет приятно знать, что мы будем висеть рядом...

Вольф сухо смеялся и перед самым лицом Вотана пальцами производил очень выразительные движения, от чего у Вотана по спине бежал неприятный, колющий холодок.

Вотан не раз уже задумывался над тем, что настало время избавиться от капитана. Он долго совещался с Мюльфертом и, наконец, оба друга порешили при первом рискованном поступке Вольфа донести об этом властям.

Сделать это было нетрудно. В одном из домов Вотана жил крупный чиновник, которому достаточно было намекнуть о роли Вольфа на Дальнем Востоке, чтобы тотчас же были приняты меры, как любил выражаться чиновник, к «изъятию» Вольфа «из обращения». Однако, Вольф предвидел это и вел себя крайне осторожно. Он даже перестал встречаться с Салисом Швабе и Нохвицким и целыми днями сидел в своем служебном кабинете, где составлял сметы по заказам торгового дома или писал большую статью о преувеличенных вооружениях культурных государств, которые, по мнению автора, были совершенно не нужны, так как цель войны, состоящая в улучшении благосостояния народов, не существовала. Наука и техника, как доказывал Вольф, давно уже находятся на такой степени развития, что позволяют мирным путем достигнуть полного благополучия не только отдельных личностей, но и целых обществ и государств. Работа эта, по-видимому, очень увлекала капитана, так как в окнах его кабинета можно было видеть до поздней ночи свет. Окруженный книгами и вырезками из газет, капитан германского флота рисовал гигантскую картину великого мира, созданного могучей силой науки и техники.

Вотан, при помощи Мюльферта, установил строгое наблюдение за капитаном, но все это ни к чему не привело, так как поведение Вольфа не внушало никаких подозрений, а само обращение его с главой торгового дома сделалось крайне предупредительным и даже заискивающим.

Вотана это тревожило и печалило, так как он видел, что ускользают поводы отделаться от Вольфа.

Но случай, казалось, помог ему.

Был уже февраль. Главная контора торгового дома «Артиг и Вейс» спешно составляла годичный отчет, и Вотан с утра и до позднего вечера был очень занят. Кроме конторской работы, ему приходилось много разъезжать, получать большие подряды и заказы и вести борьбу с русскими фирмами, которым старый Вотан всеми способами старался помешать укрепиться на русской окраине.

Однажды, когда он только что вернулся из Хабаровска, ему подали телеграмму. Вотан прочитал ее и даже покраснел от радости, а потом начал злорадно потирать руки.

Он позвонил к чиновнику, жившему в его доме, и сказал ему:

— Это вы у телефона, Павел Павлович? У меня к вам большое и важное дело... Я очень надеюсь на ваше содействие и, кроме того, полагаю, что то, что я вам передам, может оказать благотворное влияние на вашу служебную карьеру. Нет! Нет!.. Я вам после об этом скажу: по телефону неудобно... Я буду у вас около десяти часов вечера.

Отойдя от телефона, Вотан еще раз пробежал телеграмму. Тайный советник Гинце из Пекина телеграфировал торговому дому «Артиг и Вейс» следующее:

«Инженер торгового дома, Вольф, необходим для свидания с крупным заказчиком в урочище «Славянка», где фирма уже производила летом работы».

Вотан вызвал к себе немедленно Вольфа и передал ему телеграмму.

— Я тоже получил эту телеграмму, — задумчивым голосом произнес капитан. — Я не совсем понимаю, в чем тут дело, но догадываюсь, что оно очень важное и спешное, а потому я завтра же выезжаю.

Глаза Вотана блеснули.

«Завтра? — подумал он. — Завтра ты будешь там, откуда тебя не спасет ни Гинце, ни сам всесильный прусский военный министр...»

Ровно в девять часов Вотан ехал к чиновнику. Чувство мстительной злобы подсказало ему мысль заехать к Вольфу и еще раз посмотреть на этого человека, испортившего ему столько крови и постоянно раздражавшего его, а те-

перь такого безопасного для него и завтра уже не существующего.

Подъезжая к дому, где жил Вольф, Вотан улыбнулся, увидев свет в окнах квартиры, и подумал, что капитан перед отъездом или заводит порядки в своих бумагах и записных книжках, или же пишет свой большой труд о значении техники и науки в вопросах мира.

Он позвонил у подъезда.

Ему открыл дверь бой, одетый во все белое и с черной косой, обмотанной вокруг гладко выбритой головы.

— Капитана нет дома! — сказал он желавшему войти в переднюю Вотану. — Капитан уехал!.. совсем уехал!

Вотан едва не упал. Он понял, что Вольф предупредил его и теперь, убедившись в намерениях Вотана предать его, предпримет, конечно, ряд таких шагов, которые безусловно погубят Вотана, а с ним вместе и могущественную фирму, какой был торговый дом «Артиг и Вейс», державший в своих цепких лапах, как гигантский паук, всю огромную окраину и овладевший всеми нитями местной жизни. Приниженный и угнетенный, вернулся Вотан к себе. Он долго обдумывал положение, но не мог остановиться на каком-нибудь плане действий.

— Надо подождать возрвщения Вольфа, — шепнул он, — и тогда сразу же разделаться с ним!

А в это время в квартире Салиса Швабе за чайным столом сидели трое людей. Салис Швабе и Нохвицкий хохотали до упаду, глядя на сидевшего за столом китайца, который нелепо скалил зубы и щурял светлые, холодные глаза.

— Когда в китайских войсках будут германские инструкторы, то они все будут похожи на вас, дорогой Вольф! — говорил румяный, пухлый Швабе.

А Нохвицкий, протягивая капитану рюмку коньяка и подавая на блюдечке ломтики лимона, густо посыпанного сахаром, хохотал и говорил:

— У вас вид по меньшей мере цзянь-цзюня!

Когда Вотан мучился и терзался, предчувствуя враждебное выступление капитана, Вольф уже выезжал из города и по берегу Амурского залива начал подвигаться в сторону

урочища «Славянка».

Он благополучно прибыл в китайский поселок на реке Суй-Фун, впадающей в Амурский залив, и отсюда совершил экскурсию в ту бухту, где истекшим летом стояла барка хунхузского вожака Мый-Ли. Прожив в деревне два дня, капитан получил с отыскавшим его, незнакомым ему китайцем коротенькую записку, в которой неизвестный корреспондент писал:

«Завтра. Ночь. Море. Знакомый».

И действительно, на следующую ночь стоявший на мысе, глубоко уходящем в море, Вольф заметил на горизонте сверкнувший огонек. Он вспыхнул лишь на одно мгновение и потух, нырнув в темноту. До чуткого слуха капитана донесся равномерный стук тихо работавшей машины, и все явственнее и явственнее становился шум тяжелой холодной воды, рассекаемой острым носом подходящего к берегу судна. Вскоре во мраке начали клубиться черные призраки, сначала мягкие и бесформенные, а затем все более и более отчетливые и определенные. На клочке просветлевшего неба зачернели мачты и верхняя рея на гроте, гигантские трубы, над которыми на нижней поверхности глушителя играли багровые отсветы горящего в топках угля. Призрак, оказавшийся большим военным судном, остановился. Посышался короткий боцманский свисток, лязг цепи и визжание блока, по которому спускался трап. Вскоре к берегу подошла шестивесельная шлюпка. На берег вышел человек, одетый в толстое меховое пальто, и подошел к капитану.

Тот пристально взглянул в лицо прибывшего и вскрикнул от изумления.

— Адмирал Уриу? Здесь?.. В это время?..

— Я веду, — ответил Уриу, — четыре крейсера и буду бомбардировать ваш город. Я оставлю вам запас цемента и двадцать человек команды при паровом катере и двух шлюпках, а вы докончите на рейде ту работу, которая так удачно была произведена вами и Салисом Швабе летом. Помните, что пока я буду бомбардировать город, здесь должна вырасти неожиданно, словно по приказанию волшебника, скала.

Пусть будет скрыта она под волнами вечно встревоженного моря, но пусть она будет верной союзницей нашей!

— Слушаю! — коротко ответил Вольф и добавил: — По окончании работы я вновь буду просить вас доставить меня в какой-нибудь порт, так как мне невозможно болееозвращаться в город. Мне угрожает большая опасность...

После этого разговора в бухту вскоре вошел паровой катер, ведя на буксире два больших восьмивесельных вельбота с двадцатью матросами. Вскоре вблизи берега один за другим прошли четыре крейсера отряда адмирала Уриу. Они шли с потушенными огнями и подкрадывались к городу тихим, почти неслышным ходом. Вся команда была на местах, а в боевой рубке головного судна адмирал Уриу уже составлял план бомбардировки города и с кормы его судна сигнальщик красным фонарем передавал его распоряжения.

Чуть только занялась заря, Вольф начал работать. Матросы бесшумно опускали в воду мешки с цементом, перемешанным с мелким камнем, и тогда, когда до поверхности воды оставалось только около сажени, Вольф прекратил работу. Почти одновременно с этим его приказанием откуда-то издалека по поверхности моря докатился глухой удар. Вольф понял, что адмирал Уриу открыл огонь по городу. Один за другим раздавались выстрелы, но город молчал. Вскоре стрельба прекратилась, и из-за мыса, скрывающего изгиб залива, полным ходом вышли стрелявшие по городу крейсера и, уклоняясь к северу от обычного рейда, остановились против «Славянки» и приняли на борт два вельбота и паровой катер, а с ними вместе капитана германского флота, инженера Вольфа, служившего в торговом доме «Артиг и Вейс».

Сделавшие набег крейсера полным ходом направились к югу, к арене грядущих важных событий.

XIX

Оставшись один, старый Вотан постепенно успокаивался. Никто больше не раздражал его и ничто не тревожило. По-прежнему все письма приходили только на его имя и каждое утро находил он всю переписку на своем столе. Здесь были письма от разных фирм, коммерческих посредников и коммивояжеров, но тут же попадались и письма, написанные на особой толстой бумаге и содержащие различные вопросы о машинах, количестве рабочих и о сроках отправки заказанных грузов. Эти письма пользовались особым вниманием Вотана и, сидя в своем рабочем кабинете, он часто подолгу разглядывал на свет эти толстые листы бумаги и находил на одних три условные точки в правом углу, на других — букву *S*. или *K*, то случайно зачеркнутую в третьей строке букву *A*, то, по-видимому, по ошибке вписанное и совершенно ненужное слово. По этим признакам Вотан узнавал, кто был автором письма. Большинство писем приходило с меткой «*S*». Вотан знал, что это морской штаб интересуется тем, что делается на берегах Тихого океана.

Через неделю после исчезновения Вольфа, Вотан получил очень странное письмо. К нему писал переводчик посольства в Петербурге, Каттнер, тот самый, которого видел Вотан у посла.

Каттнер просил передать письмо заведующему техническим отделом фирмы «Артиг и Вейс» Вольфу, и добавлял, что извиняется перед Вотаном за беспокойство, но должен, наконец, так или иначе покончить с негодяем, каким он считает и открыто называет Вольфа, — чудовище, неспособное чувствовать любовь и благодарность. Старый Вотан долго вертел в руках письмо Каттнера к Вольфу, и желание узнатъ, что пишет его врагу этот обиженный и ненавидящий Вольфа человек, охватывало его с непреодолимой силой.

«Вольф сбежал, — думал Вотан, — и здесь ему никогда уже не удастся появиться в какой бы то ни было роли. Уж я позабочусь об этом! Как я могу доставить это письмо Вольфу?»

На этот вопрос старик не хотел искать ответа; руки его сами собой разорвали конверт и вынули письмо Каттнера к капитану.

Вотан надел очки и углубился в чтение.

«Капитан! — писал Каттнер. — Вы отняли у меня жену и разбили мою жизнь. Я примирился с этим, так как знал, что жене моей отомстит за меня судьба, связавшая ее с вами — человеком без сердца и чести! Однако, мне никогда не приходило на ум, что мне же придется защищать эту неразумную, несчастную женщину от вас. Я случайно узнал из переписки посольства, что, вы, с целью отделаться от моей жены и вашей любовницы, подстроили в Нанси обыск в ее квартире, пользуясь услугами германского агента Блюта. Луиза арестована и улики так тяжки, что ей, конечно, угрожает казнь. Между тем, вы можете ее спасти и вы знаете, как нужно это сделать. Я узнал через наше парижское посольство, что следствие продлится еще очень долго, так как французские власти нашупывают широкую шпионскую организацию, надеясь на ловкость своих агентов и на признание Луизы. Однако, я уверен, что Луиза ничего не скажет. Она думает — и Блют ей, впрочем, успел сказать об этом — что вы во Франции и скрываетесь. Спешите спасти несчастную женщину. В этом ваш долг! Если же у вас хватит низости таким образом отделаться от полюбившей вас женщины и вы позволите, чтобы она погибла, я клянусь вам, что найду вас и отомщу.

Каттнер».

Читая это письмо, Вотан даже похолодел.

Он чутьем опытного человека и раньше угадывал жестокость и безнравственность Вольфа и, хотя в душе руководителя торгового дома «Артиг и Вейс» не было и признаков идеализма, он все-таки чувствовал отвращение к этому человеку-машине и страх перед ним. Он не мог побороть своих чувств, несмотря на явную для себя выгоду и бе-

зопасность от добрых отношений с капитаном, и так и остался врагом бежавшего из России Вольфа.

Вскоре на лице старика появилась холодная и злорадная улыбка. Он подошел к столу и под подписью Каттнера сделал приписку:

«Прошу Ваше Превосходительство передать пришедшее в адрес служащего торгового дома «Артиг и Вейс» Вольфа письмо, копия которого остается у меня в делах».

Переписав письмо Каттнера, Вотан запечатал его в конверт и надписал на нем адрес германского посла в Пекине.

В то же время он отправил письмо Каттнеру, в котором выражал ему свое сочувствие и возмущался низостью поступка Вольфа.

Вскоре Вотан забыл о письме, так как у него было много работы.

В городе чувствовался недостаток в различных товарах. Привоза не было. Коммерческие суда давно уже не рисковали заходить в Японское море, а по железным дорогам почти не перевозили грузов. На все товары поднял цены и Вотан, но длилось это недолго. Через несколько дней он уже понизил цены, несмотря на то, что другие торговые дома вели между собой переговоры о необходимости повышения расценок. Это вызвало сильное волнение среди купцов и произвело отличное впечатление на общество, в котором своим человеком был старый Вотан и служащие торгового дома «Артиг и Вейс».

Вотан загадочно улыбался. Он знал, что в это время мимо Лядуна шел пароход «Альфред Фосс», а к северу от Гонконга догонял его другой пароход «Эльза», и что оба они уже предъявили японским сторожевым судам те синие пропускные билеты, которые прислал из Порт-Артура Вель в тюках мануфактуры. Пароходы везли грузы торгового дома «Артиг и Вейс», и японские миноносцы и крейсера по беспроволочному телеграфу сообщали друг другу о пропуске этих пароходов.

И много раз за время войны приходили нагруженные различными товарами пароходы для фирмы «Артиг и Вейс» так, как будто в водах Тихого океана не случилось ничего

особенного.

Вотан ликовал. Он получал отовсюду благодарность за предусмотрительность и за умение снабдить город всем необходимым.

Одно лишь волновало Вотана. Все чаще и чаще получал он письма с метками и условными знаками и простые и понятные телеграммы с различными запросами, и все чаще и чаще приходилось ему посыпать ответы об отправленных машинах и возвращенных ему обратно за ненадобностью. Много лет занимался Вотан осведомлением берлинского правительства о том, что делается на берегах Тихого океана, от шумного международного Фриско до Нагасаки, Сайгона, Гонконга и Сахалина, но никогда не приходилось ему все время ходить на краю бездны, которую открыло перед ним военное министерство Германии, желавшее все знать и все сообщать воюющей с Россией державе, так усердно обслуживаемой Берлином, подготавливающим удары и неудачи для обоих противников. Однако, прекратить свою деятельность старый Вотан уже не мог, и случайное замедление в ответе на телеграммы немедленно же вызывало повторение с непременной прибавкой двух слов: «Фирма неаккуратна».

Вотан не раз, получив такую телеграмму, беспокойно ходил по кабинету и посыпал по адресу берлинских генералов весьма нелестные эпитеты. Стариk никогда не думал, что ему придется дожить до того времени, когда его безопасная, отлично оплачиваемая и, как он любил выражаться, почти «научная» деятельность потребует от него риска честью и даже жизнью.

Время шло. На море и на суше бесновалась кровавая буря. Много жизней прервалось внезапно и нелепо, много вдов и сирот осталось в обеих странах. Не раз вспоминал Вотан испуганные глаза тех полуголодных покинутых детей, которые врезались ему в память при его проезде в Германию.

«Что с ними теперь?» — спрашивал он себя, но приносили новую телеграмму и вновь начинал трепетать Вотан за свою жизнь и за свое положение.

Наступила весна 1905 года, и пришел день 14 мая.

Это был теплый солнечный день, полный какого-то весеннего задора и света и, казалось, сама природа не сумела бы на этот радостный день набросить мрачную тень. Однако, это был один из самых кровавых, самых черных дней, какие знала история человечества.

Первым вестником этого дня был Нохвицкий. Он редко бывал у Вотана и не любил без необходимости видеться с ним, так как старик смотрел на него враждебно, а его презрительные улыбки задевали Нохвицкого. Вотан, при виде Нохвицкого, мрачно взглянул на него и снял очки.

— Что? — бросил он, смотря куда-то в сторону.

— Ваш служащий, посетивший сегодня остров, где нами установлен беспроволочный телеграф, привез важные известия, — почти шепотом произнес Нохвицкий. — Сегодня в Цусимском проливе произошел бой между эскадрой генерала Рожественского и японским флотом...

Голос Нохвицкого дрогнул. Несмотря на полную потерю каких-либо возвышенных чувств и на совершенное равнодушие ко всему тому, что не касалось его мелкой, ничтожной личности предателя и шантажиста, какое-то неприятное, тяжелое и оскорбительное чувство сжимало ему сердце, не позволяло быть, по обыкновению, развязно наглым и мешало гнусаво хихикать.

Заинтересованный известием, Вотан поднялся и дрожащими руками начал надевать очки.

— Бой? И что же?.. — так же шепотом спросил он.

— Адмирал Рожественский разбит, — сказал, вставая, Нохвицкий.

Вдруг он выпрямился и злобно, так, как никогда не глядел на людей, взглянул в лицо Вотана. Он заметил блеск радости в глазах управляющего торгового дома «Артиг и Вейс». Что-то забытое, давно уснувшее, лежащее глубоко на дне сердца Нохвицкого вдруг проснулось, и он, стуча маленьkim костлявым кулаком по краю письменного стола Вотана, шипящим, рвущимся голосом сказал:

— Ну! попадешься ты мне когда-нибудь...

Не взглянув на удивленного этой неожиданной выходкой Вотана, Нохвицкий быстро вышел из кабинета и, спускаясь по лестнице, грозил кому-то кулаком и грязно ругался.

На другой день весть, сообщенная Нохвицким накануне, сделалась уже печальным вчерашним днем.

Люди ходили подавленные. Великое, тяжелое несчастье упало на них и согнуло до самой земли. Все невольно смотрели туда, где, клубясь над морем, уходили к югу облака, и где прекратились сразу, так трагически и так жестоко, тысячи жизней людей, преодолевших небывалые препятствия и переживших тяжкие лишения дальнего, опасного плавания.

Никто ни о чем не расспрашивал. Оставался факт. Факт этот был так понятен и вместе с тем так кошмарно тяжел, что, казалось, не хватит сил пережить его, если перед глазами встанет все событие, которое видели и скрыли в своей пучине свинцовые волны Цусимы.

XX

Угроза Нохвицкого, как это ни странно, взволновала Вотана. Он глубоко презирал Нохвицкого и постигал всю ничтожность этого человека, бесповоротно падшего. Но Вотан постигал также и то, что он сделал большую ошибку, что он предал себя, может быть, больше чем тогда, когда тайная телеграмма прусского генерала попала в руки этого неизвестного человека.

Своей прорвавшейся радостью по поводу поражения в Цусиме русской эскадры, Вотан совершенно неожиданно разбудил дремлющее благородное чувство любви к отечеству, чувство, еще не умершее в Нохвицком.

Если за две тысячи рублей Нохвицкий соглашался не выдавать опасную тайну Вотана и торгового дома «Артиг и Вейс», то Вотан понимал, что он или вовсе не согласится забыть эту непроизвольно появившуюся у него улыбку злого

радства, или потребует за нее слишком дорогую плату.

Оставить Нохвицкого таить в своем сердце вспыхнувшее в нем чувство, способное заставить его прибегнуть к мести, Вотан боялся. Он призвал Мюльферта и, посовещавшись с ним, отправил одного из своих приказчиков, Клюрге, в дом молодого Салиса Швабе, поручив ему убедить Нохвицкого, с которым тот был знаком, прийти и поговорить с Вотаном относительно открывшейся в торговом доме вакансии штатного коммивояжера.

Нохвицкий принял парламентера очень холодно и поручил ему передать Вотану, чтобы тот помнил, что он сказал ему, уходя из его кабинета.

Вотану приходилось действовать иным путем. Он имел длительный разговор с жившим в его доме крупным чиновником, после чего немного успокоился.

Успокоение Вотана объяснялось полной уверенностью, что Нохвицкий вскоре будет для него безопасен; знакомый чиновник передал ему, что за Нохвицким установлен очень строгий надзор, который уже дал некоторые неопровергимые доказательства связи его с другим человеком, навлекшим на себя подозрение властей.

Человек этот был молодой Салис Швабе. Брат английского коммерческого агента, пользующегося репутацией великобританского дипломата и человека независимого и богатого, молодой Салис Швабе был очень неосторожен. Он собирал различные сведения и, не стесняясь, заносил их в свою записную книгу и имел эти сведения при себе. Ничего поэтому не стоило подкупить лакея, бойкого молодого китайца, который, вскоре после свидания с вызвавшим его к себе Вотаном, принес ему записную книжку своего хозяина и, получив за нее вознаграждение, ушел молчаливый, улыбающийся непроницаемой улыбкой.

Для обоих братьев Швабе наступили тяжелые дни. Полетели телеграммы в Лондон и Петербург. В конце концов великобританское правительство сделало очень строгое включение своему коммерческому агенту и, признав его слишком бес tactным для того, чтобы занимать ответственный пост в чужой стране, отзвало его в Лондон. На первом анг-

лийском пароходе, пришедшем в порт из Америки, оба брата покинули гостеприимный русский берег.

Оставалось лишь задержать Нохвицкого, и Вотан с минуты на минуту ожидал известия об этом. Но Нохвицкий как в воду канул; он пропал так же бесследно, как пропадал тогда, когда обладал телеграммой, предающей в руки правоудия фирму «Артиг и Вейс» и ее руководителя. Но Вотан знал, что Нохвицкий должен появиться так же неожиданно, как появлялся раньше, но что в этот раз его появление будет угрожать непосредственной опасностью Вотану. Старик пенял на себя, что не мог обуздить своей радости и что поступил, как неосторожный юноша. Это раздражало и тревожило старика, и он не знал, что предпринять и как спастись от врага, готовящего ему неотразимый и неожиданный удар, в чем Вотан ни минуты не сомневался.

XXI

Тревожно жил город в то знойное лето и дождливую, гнилую осень. Много потрясающих событий пронеслось над городом. Имена Мукдена и Ляояна, кровавая эпопея Порт-Артура и мрачная драма, разыгравшаяся в водах Цусимской теснине — все это тяжелым бременем легло на чувства и умы жителей Тихоокеанского побережья. Как-то незаметно скользили среди них другие события, пришедшие из России и казавшиеся мелкими и случайными среди вихря, потрясающего огромную окраину.

Старый Вотан также недостаточно внимательно следил за тем, что происходило вокруг и что доносилось далеким откликом из-за Урала, где происходили бурные октябрьские дни, глубоко взолновавшие людское море. Вотан боялся за себя. Он просыпался с мыслью, что сегодня нападет на него Нохвицкий, этот неизвестно откуда взявшийся враг, заставивший бояться могущественного Вотана впервые в жизни.

И враг этот бросил вызов.

Двадцать шестого октября в магазин «Артиг и Вейс» вошел толстый китаец и передал одному из приказчиков письмо, прося вручить его Ботану. Сам же он, повернувшись в магазине, незаметно вышел, и никто не обратил на это обычное событие никакого внимания. Каково же было удивление приказчиков, когда в магазине появился сам управляющий и начал расспрашивать о китайце, принесшем письмо. Много жестоких упреков посыпалось на голову оторопевших и испуганных приказчиков. Они с трепетом смотрели на красное от гнева лицо и дрожащие губы Ботана.

Причина гнева и тревоги старого управляющего торгового дома «Артиг и Вейс» была понятна.

Китаец доставил ему письмо от Нохвицкого, писавшего, что он бесповоротно решил разоблачить деятельность фирмы и назвать лиц, принимающих участие в шпионской и осведомительной деятельности в пользу Германии и иностранных держав несмотря на то, что они пользовались гостеприимством и покровительством России. Нохвицкий в письме своем заявлял, что не остановится ни перед чем и что выдаст даже самого себя, если понадобится, но не позволит, чтобы в России более существовала германская торговая фирма, не только служащая враждебным государствам, но радующаяся несчастью вскормившей ее страны.

Письмо заканчивалось словами:

«Ждите меня!»

И Ботан ждал.

Ждать, однако, ему пришлось недолго. Двадцать восьмого октября к нему по телефону позвонил важный чиновник, живший в его доме и, не называя себя, сказал:

— Я должен предупредить вас, что к нам поступило заявление Нохвицкого, который указывает на весьма компрометирующую вас деятельность вашего универсального магазина и перечисляет места и обстоятельства, при которых происходили события, могущие послужить во вред вам и фирме. Самое важное из всего этого, однако, заявление Нохвицкого, что он, одновременно с донесением нам, делает такое же сообщение и другим учреждениям и лицам.

«Началось!..» — подумал старик, и сердце в нем упало.

— Что же делать?..

Вопрос этот, заданный робким, нерешительным голосом, с головой выдавал всегда самоуверенного и важного Вотана.

Это почувствовал чиновник и после долгого молчания ответил вопросом:

— А скажите, вы очень опасаетесь этих разоблачений?

В старом Вотане, испытанном в боях с жизненными обстоятельствами, вдруг поднялось чувство самозащиты.

«Мы еще поборемся!» — подумал он, и тотчас же голос его приобрел прежний уверенный тон и убедительность.

Старик заговорил:

— Вы знаете, — сказал он, — что от злого человека не убережешься, а Нохвицкий не только злой человек, но и недовольный мною, так как я не принял его на службу торгового дома «Артиг и Вейс».

— Однако, — продолжал чиновник, — имейте в виду, что мы принуждены будем обратить внимание на поданное нам заявление Нохвицкого.

— Конечно! — прежним бодрым голосом ответил Вотан.

— Я сам вас прошу об этом. Это нужно выяснить и раз на всегда прекратить все эти нелепые слухи о какой-то особенной роли нашего магазина.

На этом разговор прекратился, и Вотан начал действовать. Прежде всего, он уничтожил черновики всех телеграмм, посыпавшихся им в Берлин, а затем позвонил в контору. Ему откликнулся один из молодых приказчиков. Вотан приказал ему позвать к телефону Мюльферта.

Когда старик подошел к телефону, между ним и Вотаном произошел следующий разговор:

— Слушайте, Мюльферт, и ничего не отвечайте! — начал Вотан. — Вы найдете в левом ящике моего стола ключ, откроете им железный ящик, где найдете ключ от зеленого несгораемого шкафа, стоящего между двумя окнами. Вы повернете ключ четырнадцать раз, поставивши сигнальный круг последовательно на буквы, составляющие слово «Эльфрида». Из шкафа вы вынете два кожаных портфеля

и постараешься незаметно принести их домой. Я же за ними пришлю к вам своего человека!

Мюльферт в точности исполнил все, что приказал ему сделать Вотан. Но, когда он сходил с лестницы в магазин, от его опытного глаза не ускользнули двое пытливо смотревших на него покупателей. Мюльферт не решился выходить на улицу с таинственными портфелями, опасаясь ареста, и, поговорив с кем-то в магазине, вернулся назад и запер сверток в шкаф.

Поздно вечером, когда магазин закрылся, Вотан узнал о том, что произошло в магазине и что так встревожило Мюльферта.

Целую ночь Вотан не спал.

Потушив огонь в кабинете, он сидел и обдумывал положение. Если бы кто-нибудь мог тайно проникнуть к старику и видеть его, тот понял бы, какая усиленная и в то же время систематическая и холодная работа происходила в голове Вотана.

Он поднялся с кресла лишь тогда, когда сквозь неплотно задвинутые занавеси в кабинет проникли первые отблески начинающегося дня и когда по улице проехала, глухо гремя своими деревянными колесами, китайская грузовая арба с пронзительно кричащим на лошадей и щелкающим бичом китайцем.

На лице Вотана играла спокойная и решительная улыбка.

Он позвонил и передал еще полуодетому и заспанному лакею конверт, приказав тотчас же снести его по адресу.

XXII

Письмо, обдуманное Вотаном в ночь на двадцать девятое октября, получил странный человек.

Он жил на самой окраине города, там где уже начинались глиняные постройки корейцев и где избегали жить русские жители города.

Это был маленький старичок, черный от загара, с густой щеткой седых и жестких, как щетина, волос, сливавшихся с бородой и с бровями. Из-под густых, нависших кустами бровей смотрели серые, зоркие глаза, какие бывают только у моряков.

И, действительно, Лаврентий Волков был моряком. Скорее не моряком, а пиратом. Но это было давно, тогда, когда еще многие из почтенных граждан описываемого города занимались таинственным промыслом, позволившим им впоследствии построить дома, приобрести леса, рудники и пароходы.

Лаврентий Волков, лет тридцать пять назад, на обыкновенной китайской трехмачтовой барже ходил по морю и ходил отлично. Его судно знали в Аляске и на Камчатке, а с китайцами в Чифу он вел оживленную торговлю. Правда, иногда в море Волков бросал в пучину зашитых в парус, с привязанным к ногам камнем, то одного, то двух матросов, у которых почему-то оказывались простреленными грудь или голова, а много дыр от пуль и длинные белые щели виднелись в разных местах бортов черной баржи.

Теперь Волков позабыл свое бурное прошлое и занимался мирным делом.

На главной улице, в конце ее, ближе к казармам, он держал ларек и торговал яблоками, мандаринами, орехами, квасом и папиросами. Здесь же у него всегда был в надежном месте запрятан большой запас бутылок с водкой и ромом, и это давало ему хороший доход.

Таким образом, Волков жил, не ропща на судьбу. Он был всегда желанным гостем в домах всех старых обитателей города. Все они знали Волкова и его прошлую жизнь. И Волков знал о них также всю подноготную, и они все жили мирно, уважая и как-то трогательно любя друг друга.

Волков, прочитав письмо Вотана, нахмурился и сказал посланному:

— Передай, что сам зайду!

Через час он был уже у Вотана, и они долго шептались, сидя в кабинете старика, причем Волков пил стакан за стаканом нагретый ром, в который он бросал крупный фран-

цузский чернослив, вытаскивая его своими толстыми и грязными пальцами из большой банки. Когда Волков прошался и уже собирался выйти от старика, он сказал, как то криво улыбнувшись:

— Времена неспокойные — все можно устроить! Авось, что-нибудь и подвернется такое, что подсобит?..

Волков угадал. Такие события случились.

Было это тридцатого октября и началось с самого утра.

Откуда-то стали появляться на улицах толпы рабочих и людей, которых в обычное время никто не видал в городе. Они прятались в разных трущобах и лишь в летнюю пору или поздней осенью выходили в бесконечную Уссурийскую тайгу на «промысел». Они выслеживали китайцев и корейцев, которые в горных ущельях дикого Сихотэ-Алиня искали золото или чудодейственные корни женьшения и, нагруженные этой добычей, брали домой, не подозревая о притаившихся и ждущих их людях. А эти люди были опаснее и кровожаднее, чем пестрый лесной хищник «ламаза»*. Ни перед чем не останавливались эти хищники, и попав-ший им в руки простоватый «манза»**, с простреленным за-тылком или перерезанным горлом, долго плыл по бурным и пустынным водам Дауби-Хе или Сучана, прежде чем из-битый о камни труп его не принимал в свои безграницные объятия океан.

Другие из появившихся теперь на городских улицах людей обычно проводили ночи в харчевнях, пропивая то, что тяжелым, почти нечеловеческим трудом зарабатывали они в порту, где грузили и разгружали суда и барки, таскали уголь и камни для набережной.

Все гуще и смелее становились эти толпы. Они постепенно превращались в огромные скопища возбужденных и жадно поглядывавших на богатые дома и магазины людей. Из толпы громче и чаще раздавались крики ненависти и мести.

* Тигр.

** Китаец.

Потом пришли новые люди. Те знали, зачем они пришли, и тотчас же в беспорядочной и шумящей толпе появилось решение.

Люди разделились на отряды и пошли в разные части города.

Главная улица опустела и, когда узнавший о сбое Волков почти бегом направился к своему ларю, он никого уже не встретил ни в этой части города, ни на главной улице. Но, когда он собирался пойти на поиски ушедшей куда-то толпы, из-за высокого дома магазина «Дангелидера» взметнулся кверху столб черного дыма, а вслед за этим стали вскидываться легкие, словно улетающие к облакам и расплывающиеся в воздухе языки пламени. Словно по сигналу, такие же столбы дыма и пламени появились в китайской и японской слободах и на старом базаре, на самом берегу залива.

«Жгут город! — подумал Волков. — Теперь все можно сделать...»

Бросив ключи жене, он крикнул ей:

— Запирай ларь!

Волков побежал на Китайскую улицу.

Там он сразу нырнул в человеческое море. Пьяные, возбужденные возможностью разгрома люди кричали, бегали от дома к дому, избивали китайцев, с торжествующим криком поджигали легкие постройки и складывали целые костры из мебели, циновок и картин в двухэтажных каменных домах, где ютились китайские харчевни и ночлежки —«хойми».

Вскоре вся китайская и японская улицы представляли собой две сплошные стены огня. С треском и свистом носились в воздухе головни, горящая бумага и обрывки легких тканей. Жалобно выли собаки и пронзительно, заунывно мяукали кошки. С криком и причитаниями убегали по идущим к главной улице переулкам китайцы, волоча за собой женщин и детей и неся на плечах древних стариков с длинными и тонкими седыми усами. А толпа при свисте и вое пламени бесновалась и радовалась.

— Отомстили желтым! — кричали в толпе.

По улицам с грохотом, тревожными свистками, дрожащими в воздухе звуками рожков и звоном пронесся пожарный обоз. Его задержали в одном месте, где только что занялся большой деревянный дом китайского банкира и ростовщика Хо-Зана, но в это время над деревянными бараками базара заплясало, забилось пламя, и пожарные помчались в ту сторону.

Издалека слышались сигналы у казарм и вахтенные звонки на тревогу.

Толпа врывалась в дома, выносила разные вещи и тут же разбивала и разносila их в щепки, осколки и жалкие обрывки. Грабежа не было. Была жажда разрушения и смутно постигаемой мести.

А из черных кротовых нор, из мрачных логовищ, где ютились отверженные, забитые судьбой и жизнью люди, выходили новые и новые толпы. Их тотчас же охватывал вихрь возбуждения и зловещего веселья, среди треска и свиста пламени, звона лопающихся от огня стекол и грохота обваливающихся железных балок и разрушающихся стен.

Люди перекликались, сбивались в толпы, как стаи хищников, подбадривали, возбуждали друг друга и шли дальше, среди дыма, обжигаемые пробивающимся отовсюду пламенем...

Куда и зачем шли они — никто не знал.

Знали лишь люди, принесшие решение и ведущие толпу на какое-то темное, кровавое дело, кому-то нужное и давно задуманное.

Когда толпа, разгоряченная произведенным разгромом, растекалась по боковым улицам, сбегая к морю и устремляясь к Гнилому Углу и к Матросской Слободке, недалеко от торгового дома «Артиг и Вейс» толпа остановилась, так как здесь знакомый всем этим людям лавочник Волков вдруг крикнул:

— А «Артиг и Вейс»? Разве они мало пили нашей крови?!

— Бей! О-о-го!! — завопила толпа.

С разных мест послышались те грозные завывания, после которых всегда вздымался черный дым и из окон на-

чинали вырываться горячие языки пламени. Все громче и громче становились крики, и толпа, разбежавшись по нескольким улицам, примыкавшим к огромному участку, принадлежащему торговому дому, со всех сторон начала подбираться к боковым флигелям и складам. Никому не известные, загадочные личности, в нахлобученных на глаза шапках, изношенных сапогах и рваных полуушубках и пальто, шли впереди.

Волков был повсюду.

Размахивая руками, он объяснял что-то группе матросов с зимовавших в порту пароходов и часто повторял:

— «Артиг и Вейс»! Он продает товары так, как хочет. Когда у русских купцов много товаров, он топит их, продавая с убытком товары по дешевой цене. Когда же нет товаров, он с нас три шкуры дерет! Знаю я «Артига и Вейса»! Проклятые немцы!..

Так же красноречиво и убежденно толковал он с мрачными, угрюю молчавшими людьми, собравшимися вблизи магазина торгового дома, и говорил им:

— Ни одного русского на хорошее место не примет Вотан! Все немцы, да немцы!

Там, где в сторону складов уже пробиралась ватага портовых оборванцев, Волков шептал:

— Вали, ребята! Там много всякого добра сложено!

После этих разговоров, в одном углу участка, занимаемого торговым домом «Артиг и Вейс», громче завыла толпа, раздался звон разбиваемых стекол и глухое гудение железа, а вслед за этим вспыхнул пожар в длинном амбаре, где был сложен бумажный товар.

Волков был теперь спокоен. Он выбежал на главную улицу и, вскочив на первого попавшегося извозчика, поехал к Вотану.

Войдя в кабинет к старику, Волков сказал:

— Дело сделано! Уезжайте до вечера!

Когда Вотан ехал лесной дорогой в сторону ближайшей дачной местности, над городом носились клубы черного дыма, снизу озаренные багровым отлеском пожара.

Странное и мрачное зрелище представлял собой город.

Уходящий террасами в горы, он казался горящим амфитеатром.

Снизу с гавани можно было видеть, как вспыхивали один за другим дома, как проваливались крыши, разбрасывая кругом головни и куски раскаленного железа, как рушились стены и из окон еще не горящих домов внезапно вырывался наружу красным тяжелым потоком огонь.

Толпа с каждой минутой росла. Рассеянная в одном месте, она тотчас же собиралась в другом, и уже не было удержу жадности и жестокости.

Один за другим загорались магазины и лавки. Люди с треском разбивали двери и окна и выбрасывали из домов с дикими криками и громким смехом дорогие ткани, дамсия шляпы, фарфоровую и хрустальную посуду.

Все это падало на землю, разбивалось и превращалось в грязные обрывки и обломки под ногами подвижной, тревожно двигающейся толпы. Она не знала, еще что ей делать и за что приняться.

И опять помог Лаврентий Волков.

Он крикнул:

— Вина!

Толпа громче заревела, завизжала, и тотчас же бутылки и целые ящики с вином начали появляться на улице. Тут же отбивали о тумбы горлышки бутылок и тут же с хриплым смехом и гоготанием пили вино. Кое-где начались драки, пошли в ход кулаки и пустые бутылки, и во многих местах на осколках стекла виднелась уже кровь.

Волков бежал в сторону магазина «Артиг и Вейс». Все пристройки и флигеля торгового дома были уже в огне.

Никто не пытался даже тушить горевших зданий. Для всех было понятно, что работа бесцельна, так как огонь охватывал уже почти весь город.

Волков вбежал в магазин и увидел здесь, как из витрин и шкафов обезумевшие люди вытаскивали серебряные и золотые вещи, медную посуду, самовары, готовое платье и сапоги.

Толпа подростков тащила ящики с шампанским и выбрасывала их в окна.

В глубине магазина, сквозь запертые двери, уже прорывался дым и чувствовалось приближение огня. Вскоре одна из стен задымилась, и на ней начали вспыхивать синеватые, дымящие огоньки. Пламя прорвалось в главное помещение магазина. Волков посмотрел вокруг, потом схватил стоящую на столе большую жестянку с бензином и швырнул ее в пламя. С громким гулом взорвался бензин, и тотчас же длинные и легкие языки огня начали прорываться у потолка. Когда загорелась деревянная лестница, ведущая во второй этаж, где была чертежная и кабинет Ботана, и где находились таинственные несгораемые шкафы, так тщательно охраняемые главой торгового дома «Артиг и Вейс» и капитаном Вольфом, Волков успокоился и выбежал на улицу.

Странную картину увидел он перед домом универсального магазина. Сотни людей, сидя на земле, пили шампанское, откидывая назад головы с красными лицами и наливавшиеся кровью глазами. Пьяные и громко горланящие не-простойные песни погромщики перекидывались пустыми бутылками и разбегались только тогда, когда приближалась полиция. Но слишком слабы были силы полиции, занятой спасением погибающих в огне жителей и помогающей пожарной команде отстаивать еще не загоревшиеся дома. Погромщики в течение нескольких часов были хозяевами города, и когда наступил вечер, — на улице, у дома «Артиг и Вейс», не было уже ни одного человека. Сотни пустых и разбитых бутылок валялись вдоль панели впереди мешку с разбитыми ящиками, разорванным бархатом, дамскими шляпами, бумагой и истоптанными коврами. На небе ярко пылало зарево, освещая весь город и бухту. Черным казался лес на противоположном берегу залива. На верхушках дубов играли то желтые, то красные отблески огня.

Заунывно и тревожно гудел набат. Раздавался треск и грохот горящих и обрушающихся зданий.

Издалека доносились гудки паровозов, подвозящих воду, и сигнальные рожки.

В это время к пылающему магазину торгового дома «Артиг и Вейс», подъехал Ботан.

Его напрасно искали весь день. Несмотря на то, что он безвыездно жил в городе, в этот злополучный для города день, старый Вотан отсутствовал. Теперь, увидев разгромленный магазин, он тотчас же отправился к местным властям и требовал составить протокол о произошедшем поджоге и гибели торгового дома и всех его товаров.

Вотан, настаивая на этом, плакал. Дрожащим голосом он доказывал необходимость уплаты всех убытков фирмы, в которую вложены германские капиталы. Слезы и горе почтенного деятеля, пользовавшегося известностью и влиянием среди высшего общества окраины, подействовали. Протокол был составлен, и Вотан, тщательно сложив бумагу, спрятал ее в бумажник. На его лице играла едва уловимая, но торжествующая улыбка.

«Спасен! — думал Вотан.— В пламени погибли все улицы, какие могли бы быть найдены против меня!»

Чувства злорадства и насмешки над Вольфом вновь овладели стариком.

Старый Вотан отправился на вокзал и отсюда послал телеграмму Вильбрандту — представителю фирмы «Артиг и Вейс» в Петербурге, извещая его о разгроме торгового дома «Артиг и Вейс» и о необходимости получить немедленную ссуду от «хозяина». Тут же была приписка с просьбой передать привет советнику, барону Гельмуту фон Луциусу.

Телеграмма эта была послана 31-го октября в десять часов вечера, а на другой день пришел ответ, что «хозяин» вносит немедленно необходимую сумму, а господин фон Луциус шлет свой привет.

XXIII

После разгрома города долго стояли черные закоптевые дома, глядя пустыми окнами, как слепцы, на улицы, заваленные обломками кирпичей, упавшими балками и кучами обгорелых досок и бревен. Медленно отстраивался город.

Многие фирмы исчезли. Многие сократили свои дела. В торговле настал большой застой. Совершенно неожиданно для всех торговому дому «Артиг и Вейс» были доставлены в начале ноября товары. Как прошли грузы в это время, когда так трудно было найти свободные пароходы, и откуда доставали они их — так и осталось тайной, хотя капитаны этих пароходов, один голландец и два американца, насмешливо улыбались, когда их расспрашивали об этом и молча пускали густые клубы дыма. Они одни только знали, что в конторках их кают лежат голубые пропуски, доставленные Вотану Вольфом. Они знали также, что они грузились товарами для «Артиг и Вейс» в Нагасаки.

Один только торговый дом «Артиг и Вейс», казалось, нисколько не пострадал от войны. Торговые дела фирмы процветали. У немецкой фирмы на долгое время исчезли конкуренты, а потому Вотан сразу назначил высокие цены и радостно потирал руки, предвидя блестящие дивиденды.

Вскоре началась постройка нового здания, и еще не успели зажить нанесенные войной раны, еще не обсохли слезы вдов и сирот, когда на главной улице города окнами на залив выросло огромное здание, украшенное дорогой облицовкой и сверкающее зеркальными окнами. Над фронтоном красовалась золотая надпись:

«Торговый дом «Артиг и Вейс»».

По-прежнему старый Вотан сидел в своем кабинете, с той только разницей, что теперь он не боялся ни происков капитана Вольфа, ни мести так внезапно обидевшегося на него Нохвицкого, так как не было уже зеленого несгораемого шкафа в простенке между двумя окнами чертежной, исчезли портфели с секретными бумагами и копировальные книги с телеграммами об отправляемых куда-то и получаемых «машинах».

Так же гордо выступали белокурые немцы, очень похожие на лейтенантов с улицы «Под Липами» в Берлине, так же презрительно смотрели они на немногочисленных загнанных русских служащих и так же вели оживленную переписку с знакомыми и родственниками в Германии. По-прежнему отделения фирмы «Артиг и Вейс», как гнезда опасных

паразитов, процветали в городах и селах Тихоокеанского побережья.

Все было новое в новом здании торгового дома: и стены, и мебель, и товары.

Оставалось лишь одно старое и незыблемое: преданность Германии и тайная служба германскому военному и морскому министерству.

Это составляло одну из главных задач универсального торгового дома «Артиг и Вейс».

XXIV

С того кровавого года, когда капитан Вольф в доме Вотана впервые предсказал кровопролитную войну, свирепым шквалом налетевшую на русскую окраину на Дальнем Востоке, прошло семь лет.

Затерлись следы бывших событий, постепенно залечились раны, иссякли слезы.

Россия, стряхнув с себя кошмар прежних дней, поняв все свои ошибки и напрягши силы для исправления их, встретилась лицом к лицу с вековым врагом.

Этим врагом была Германия.

Только что начались июньские трения 1914-го года, вызвавшие затем пожар европейской войны. В торговый дом «Артиг и Вейс» явился, как и тогда, накануне войны 1904 года, вестник грядущих событий.

Это был уже знакомый Вотану советник министерства иностранных дел в Берлине, Гинце, первый кандидат на пост германского посла в Пекине. Гинце с деловым видом предупредил Вотана, что он должен сделать самый тщательный выбор тех служащих, которые в случае войны, когда будут высыпаться из России германские подданные, позволили бы фирме иметь на всех наблюдательных пунктах преданных людей.

Гинце сообщил, что операции германского флота коснутся французских колоний в Азии и что, быть может, берега

Японского моря также увидят победоносные вымпелы германских кораблей.

Будущий германский посланник метеором пролетел по Дальнему Востоку и внезапно скрылся. Когда вспыхнула война, он появился на норвежском пароходе, который шел к берегам Китая. Тогда, когда с борта норвежского парохода советник министерства Гинце высадился на китайский берег, он гордо поднял голову и сказал встретившим его чинам посольства:

— По приказу его величества Императора, мне поручено управление посольством!

Деятельность Гинце, бывшего сначала руководителем тайных агентств за границей, а затем одним из советников министерства иностранных дел в Берлине и руководителем всей обширной сети германских шпионов и доносчиков, была оценена по достоинству, и Гинце сделал карьеру.

В то же время, другой участник эпопеи, происходившей на берегах Тихого океана, — Вольф, уже в чине полковника главного морского штаба и начальника отдела осведомления и международной статистики, также не оставался без дела.

В жаркий июльский день 1914 года в Петербурге, по Морской улице, шла шумная манифестация. Несли знамена и плакаты, призывающие к защите Сербии и Черногории, пели гимны и молитвы. Чувствовалось, что какая-то стихийная сила владеет этими людьми, и что сила эта ширится и крепнет, вздымаясь могучей волной над возмущенным народным морем.

Бледные лица и сверкающие глаза говорили о том глубоком чувстве, которое охватывало манифестантов. Это не была выходка молодежи, легко воспламеняющейся и жаждной до шумного выражения своих симпатий или вражды. В толпе виднелись почтенные старики, сановные чиновники, члены Государственной Думы, дамы из общества и те люди, которые в иное время считали для себя невозможным произнести на улице слишком громкое слово и смеяться с толпой.

У окна большой гостиницы стоял иностранец и, при-

шурив глаза, злорадно улыбался, смотря на огромную толпу манифестантов.

Что-то поразило его, однако, в этой толпе, и он, быстро надев соломенную шляпу и перекинув через руку легкое пальто, вышел на улицу. Стоя у подъезда модной гостиницы, он окинул взглядом серое, мрачное здание, находящееся напротив и увенчанное двумя тяжелыми конями и головами рабами, держащими их под уздцы. Здание это напоминало средневековую крепость, а узкие и высокие окна походили на бойницы.

Вышедший из гостиницы иностранец смешался с толпой и с любопытством разглядывал напряженные нервные лица и полные решимости взгляды. Он слышал разговоры и понял, какое чувство владело этими людьми.

Толпа, между тем, медленно подвигалась мимо гостиницы и, свернув на площадь, где высилось величественное здание Исаакиевского собора, должна была пройти мимо германского посольства. Все взоры устремились на это сложенное из крупных кусков гранита и украшенное эмблемой грубой силы здание.

Ни одного враждебного крика, ни одного угрожающего движения не было произнесено и сделано в толпе. Однако, по горящим взглядам и по судорожному подергиванию лиц, можно было судить о негодовании, охватившем славянскую толпу холодного и чопорного Петербурга, где нашелся горячий отклик на страдание сербских братьев, которых с беспримерной жестокостью и преступной наглостью пыталась раздавить верная союзница Германии — Австрия.

В окнах посольства не было видно людей. Подъезд, скрытый между круглыми, сложенными будто из бочек колоннами, был заперт. Однако, из-за стоящей в одном окне вазы внимательно и зорко следил за происходящим один человек. Его улыбающееся, красное, лоснящееся лицо поворачивалось во все стороны и отыскивало знакомых в этой толпе негодующих людей. Человек что-то шептал и записывал знакомые имена в свою книжку.

Когда толпа прошла дальше к Сенату, из подъезда посольства вышел любимец петербургского «света», советник

германского посольства барон Гельмут фон Луциус, и быстро догнал манифестацию. Он смешался с толпой и начал внимательно слушать. Его зоркие глазки отыскивали высокую, знакомую фигуру иностранца в соломенной шляпе и светлом летнем костюме. Догнав его, советник подхватил его под локоть и шепнул:

— Каково, полковник?.. Pardon, мистер Клан...

Тот посмотрел на советника, улыбнулся ему одними только глазами и шепнул:

— Пожалуй, скоро жарко будет?

Вскоре они вышли из толпы и долго гуляли по набережной, тихо разговаривая и куря.

Разговор их был, по-видимому, очень интересен; оба они от души смеялись, потирали руки и обнимали друг друга.

Вдруг Клан поморщился и сразу остановился.

— Пойдемте назад!.. — сказал он. — Идет переводчик нашего посольства, Каттнер. Я избегаю встречаться с этим стариком...

Фон Луциус улыбнулся и ущипнул полковника за руку.

— Знаю... знаю!.. — сказал он. — Об интрижке вашей с его женой говорил мне Каттнер. Я все знаю, дорогой Вольф, все знаю... мистер Клан!

— Было дело... — проворчал Вольф. — Однако, пойдемте домой, я считаю ненужным, чтобы он меня видел в Петербурге...

Они повернули назад и быстро пошли по набережной в сторону Сената, все более и более удаляясь от Каттнера, медленно плетущегося усталой походкой и грустно смотрящего на Неву, покрытую барками, снующими пароходами и яликами. Старик не заметил издали прогуливающегося барона Луциуса и Вольфа, и чутье не подсказало ему, что враг был в сотне шагов от него.

Когда оба друга увидели серое, циклопическое здание германского посольства, его неуклюжие, безобразные колонны и словно тюремные окна, фон Луциус указал рукой на огромных коней и стоящих возле них голых рабов.

— Эмблема Германии! — улыбнулся барон. — Здесь никто не догадывается, но я видел одобренный кайзером проект

с надписью: «Лошади — силы, помогающие развитию Германии, а рядом — нагие, грубые и сильные мужчины — славянские рабы».

Несмотря на то, что Вольф довольно часто и тревожно оглядывался, отыскивая глазами сгорбленную фигуру Каттнера, он не мог удержаться от смеха.

— Зло придумано! — воскликнул он. — Когда же мы увидим посла?

— Я думаю, что мы его застанем у себя, — ответил фон Луциус и с пренебрежительной улыбкой добавил: — Устарел наш посол, очень устарел!.. Не такому дипломату надо было бы быть здесь в эти дни!

Они вошли в дом посольства и поднялись в кабинет посла. Старый дипломат, действительно, был дома. Он ходил мелкими, торопливыми шагами из угла в угол кабинета и, видимо, сильно волновался.

— Наконец то и вы! — воскликнул он, увидев входящих Вольфа и Луциуса. — Я получил шифрованную телеграмму. Война неизбежна! Нам предписано предпринять шаги...

— Разрешите доложить, граф! — сказал Вольф. — Я всего несколько дней тому назад был в Берлине, и там в военных кругах открыто говорили о войне с Россией. Еще в мае фабриканты получили предписание приготовиться к выполнению военных заказов. В мае же мне было поручено съездить в Данию и вести переговоры с представителями скандинавской печати. Это необходимо для поддержания престижа Германии в случае как удачи, так и неудачи, и для подогревания симпатий к немцам, которые слишком глубоко внедрились в организмы всех государств и, как выражается имперский канцлер, «исторжение» нас оттуда не может не быть опасным для нашего существования. Я виделся в Копенгагене со Свеном Гедином и, гарантировав ему крупную субсидию от нашего правительства, заручился его содействием в распространении всех тех известий и сообщений, которые будут ему передаваться из Берлина. Во Фреде у меня было свидание с Бьернсоном и Бергером, и оба охотно пошли на предложенную им нашим министерством иностранных дел комбинацию. Эти публицисты устроят в Ев-

ропе и Америке такую рекламу для Германии, что в море сообщаемых ими сведений утонет правда!

Вольф замолчал, а посол, внимательно слушавший его, спросил:

— Вы уверены, что война неизбежна, полковник?

Вольф незаметно взглянул в сторону фон Луциуса и ответил:

— Это вопрос — бесповоротно решенный, ваше сиятельство!

Просидев у посла около часа, Вольф откланялся.

— Я прошу вас, граф, — произнес он на прощание, — принять мои лучшие пожелания благополучного и отвечающего достоинству нашей родины и императора последнего перед войной выступления германского посольства! Мы больше не увидимся, так как я, вероятно, сегодня успею уехать в Стокгольм.

Вольф пожал руки графу и советнику и, еще раз поклонившись у самого выхода, покинул кабинет посла. Проходя через малую приемную, полковник столкнулся лицом к лицу с Каттнером.

Оба они остановились, как вкопанные, и несколько мгновений молча смотрели друг другу в глаза. Наконец, Каттнер, поправив папку с бумагами и докладами, шепотом спросил:

— Вы здесь?

Вольф промолчал и пошел к лестнице, думая о том, выстрелил ли ему в спину Каттнер или не выстрелил? Но старый переводчик не трогался с места и лишь бросил вдогонку уходящему полковнику два слова:

— Ее казнили...

Полковник слышал сказанное, но даже не оглянулся и начал спускаться по лестнице.

Когда за ним закрылась дверь посольства, Каттнер побежал к окну и, притаившись за портьерой, смотрел, куда идет Вольф. Полковник, не скрываясь, перешел через площадь и пошел по Морской с видом праздного, совершающего обычную прогулку человека.

Каттнер поспешил вошел в комнату, где стояли пишу-

щие машины и, подойдя к окну, подозвал сидевшего вблизи молодого переписчика.

— Вы видите, Кюнцель, этого рослого господина в белой шляпе? — спросил переводчик.

— Вижу, господин Каттнер, — ответил клерк. — Он сейчас рассматривает дом страхового общества «Россия»?

— Отлично!.. Сейчас же ступайте за ним и проследите, где он живет. Об этом важно знать... посольству.

Клерк ушел, а Каттнер схватился за грудь и, тяжело дыша, беспомощно опустился на стул.

Однако, он скоро взял себя в руки и начал действовать. Достав из шкафа бумагу, Каттнер написал телеграмму Волтану:

«Наш общий враг здесь. Надо немедленно действовать. Он живет...»

Каттнер оставил место для адреса и, подписав свою фамилию, ждал. Но клерк не возвращался.

Каттнер успел сделать доклады послу и фон Луциусу и, снова придя в канцелярию, выпил стакан чая и терпеливо ждал. Наконец, Кюнцель возвратился.

— Ну? — спросил переводчик.

— Этот господин вошел в дом напротив...

При этих словах клерк указал рукой на гостиницу, окнами выходящую на цветник, раскинутый перед Исаакиевским собором.

Каттнер кивнул головой и, торопливо одевшись, вышел на улицу и почти бегом направился на телеграф.

XXV

Несмотря на заявление послу, Вольф не уехал из Петербурга. Что-то удерживало его в этом городе, но было ли это тайное предчувствие или простое любопытство, — полковник не знал.

Через два дня после встречи с Каттнером, Вольф зашел в контору представителя торгового дома «Артиг и Вейс».

Вильбранта не было и его замещал его помощник — молодой, нерасторопный немец Тейх. Войдя в кабинет Вильбранта, Вольф протянул удивленному Тейху маленькую карточку, украшенную германским орлом, и сказал:

— Я обезжаю Россию и проверяю некоторые дела. Мне надо знать, получили ли вы телеграмму от Вотана?

— А-а!.. — протянул Тейх. — Вы уже знаете? Господин Вотан прислал на имя господина Вильбранта телеграмму, предписывающую немедленно снестись с переводчиком посольства Каттнером и сделать заявление местным властям о пребывании в Петербурге некоего Вольфа, адрес которого в телеграмме указан.

— Это очень интересно! — оживился Вольф. — Я немнога знаю этого Вольфа и мне будет приятно оказать услугу господину Вотану, так как я связан с ним давнишней и тесной дружбой. Покажите мне телеграмму!

Вольф пробежал телеграмму Вотана и улыбнулся.

— Отлично! — сказал он. — Телеграфируйте Вотану, что все будет сделано сегодня же.

Поговорив еще немного с Тейхом, Вольф покинул контору торгового дома и отправился к себе. Теперь он понимал, что удерживало его в городе. Это была судьба, всегда покровительствовавшая ему во всех его опасных предприятиях.

На улице Вольф опять встретил многолюдную манифестацию. Пели гимны, кричали «ура», но среди этих кликов и пения раздавались угрозы и враждебные крики против Германии.

«Это — новое! — подумал Вольф. — Раньше угрожали лишь Австрии. Не случилось ли чего-нибудь?»

На его вопрос ответил газетчик. Протискиваясь в толпе, он звонким голосом выкрикивал:

— Объявление войны Германией! Первые столкновения!

Вольф понял, что началось великое дело, которому суждено изменить судьбы народов. Он купил газету и внимательно прочел ее, остановившись на углу Морской улицы.

Узнав подробности объявления войны, Вольф направился в сторону посольства. Он увидел нескольких полицей-

ских, охранявших здание, но в окнах не было видно ни света, ни движения людей. Там притаились, подобно тому, как таится в своей берлоге совершивший неудачное нападение зверь, ждущий возможности вновь броситься.

Из окна своей комнаты в гостинице Вольф видел, как к посольству на извозчике подъехал Каттнер, а вскоре подошел большой автомобиль; из него вышел советник посольства барон фон Луциус и быстро скрылся в подъезде.

На минуту вспыхнуло электричество на лестнице, а потом снова все потухло.

Вольф понял, что посольство готовится к каким-то важным событиям. Он немедленно вышел из гостиницы и, войдя в ворота посольства, по боковой лестнице поднялся в помещение посла. Секретарь графа тотчас же пропустил его, и Вольф вошел в кабинет престарелого дипломата.

— Я очень рад видеть вас еще раз, полковник! — сказал посол. — Сегодня мы уезжаем, так как мы получили паспорта, и нам нечего больше делать в столице России.

У посла был очень удрученный вид.

На дряхлом лице его легли темные тени, дрожали губы и нездоровий лихорадочный блеск был в старческих слезящихся глазах. Посол, подойдя к Вольфу, нагнулся к его уху и шепнул:

— У нас вышла большая неприятность! Пропали весьма важные бумаги, заключающие в себе всю переписку германского посольства с немецкими фирмами, помещиками и колонистами, состоящими на службе германского правительства и снабжающими военное и морское министерства важными и необходимыми сведениями.

— Это то, чего я всегда боялся! — воскликнул Вольф.

— Плохо то, — продолжал шепотом посол, — что бумаги эти безусловно выкрадены посторонним лицом. Я это утверждаю, потому что бумаги находились на попечении такого преданного и долголетнего служащего посольства, каким мы все считаем Каттнера.

— Каттнера? — переспросил Вольф и глубоко задумался.

— Вы его знаете? — шепнул посол.

— Да... немного... когда-то... — ответил о чем-то думав-

ший Вольф.

Из соседнего кабинета доносился раздраженный голос фон Луциуса, допрашивавшего Каттнера и других служащих канцелярии посольства. Наконец, в кабинет посла вошел фон Луциус, красный от волнения и так странно для него размахивающий руками.

— Все безуспешно! — воскликнул он. — Все молчат, ничего не знают. Я не могу даже установить, когда произошла кража этих бумаг! Они хранились в двух регистрационных папках, и похититель вынул их, не тронув папок, так что трудно было заметить исчезновение этих сильно компрометирующих наше посольство и многие немецкие фирмы и общества документов.

Вольф сидел до поздней ночи в посольстве. Он видел, как спешно укладывали служащие посольства бумаги и вещи германских дипломатов, как выносили их на поданные подводы. Вместе с послом и советником он поехал на вокзал. Однако, по дороге он по трубке телефона приказал шоферу остановиться и, быстро пожав руки обоим дипломатам, вышел из автомобиля и пошел обратно.

Всю ночь проходил Вольф около цветника, разбитого перед Исаакиевским собором, и внимательно следил за тем, что делалось в здании посольства. Он видел, как долго еще продолжали выносить ящики, грузить их на подводы, и как они одна за другой отъезжали от здания посольства и направлялись к вокзалу.

Когда все было вывезено, Вольф увидел, что из подъезда вышел Каттнер в сопровождении швейцара посольства. Они заперли подъезд и расстались.

Уволенный швейцар отправился куда-то, неся с собой небольшой клетчатый чемодан, а Каттнер поплелся в сторону Сената. Дойдя до Почтамтской улицы, он быстро свернул в нее, и дошедший до конца цветника Вольф увидел, что старик стоит за углом и чего-то ждет.

Полковник понял, что Каттнер пережидает, пока не уйдет швейцар.

Через некоторое время старый переводчик посольства вышел из-за угла и быстро пошел в сторону посольства. Он

открыл подъезд и, не запирая за собой двери, вбежал в дом.

Прыгая через клумбы, побежал за ним и Вольф. Он быстро вошел в посольство и услышал шаги Каттнера, шедшего через большой зал.

За ним последовал и полковник, тихо ступая и прислушиваясь, в какую сторону направляется старик. Но шаги Каттнера вдруг замолкли, и Вольф не знал, что ему делать. Вскоре, однако, он услышал, что Каттнер подымается вверх по железной лестнице. Вольф знал эту лестницу. Это была круглая витая лестница, проходящая снизу доверху здание посольства и выходящая на чердак, где хранился запас посуды и разного столового белья для больших приемов в посольстве.

Вольф понял, что старый Каттнер направился туда неспроста. Полковник снял сапоги и начал бесшумно подниматься по лестнице, стараясь даже не прикасаться руками к перилам.

На лестнице было темно, и Вольф шел медленно, останавливаясь на площадке каждого этажа и стараясь угадать, куда пошел Каттнер. Когда Вольф поднялся на самый чердак, он заметил отблеск света, бегающего по стропилам. Выставив голову так, чтобы не быть замеченным, полковник внимательно следил за Каттнером.

Старик работал спокойно, зная, что никто не может видеть его. Он сбросил с себя сюртук и жилет и начал перетаскивать наваленные в одном углу ящики, наполненные стружками и опилками, какие-то разбитые вазы, гипсовые украшения и целые кипы старых, никому не нужных газет. Под всем этим хламом была запрятана большая папка, туго перетянутая толстой веревкой. Каттнер принес пустой ящик, поставил на нем фонарь и, развязав папку, начал перелистывать бумаги, разыскивая что-то нужное ему. Он нашел, один за другим вынул из кипы бумаг несколько листов и принялся за работу.

Странную картину представлял в ту ночь чердак германского посольства.

Тусклый свет фонаря освещал седую голову и сгорбленную фигуру старого переводчика, который вынимал из папки все новые и новые бумаги, а затем зашивал отдельные листы в пальто, под подкладку сюртука и жилета; потом, подпоров пояс брюк, он запихивал в него свернутые в длинные полоски какие-то важные бумаги.

А другой человек, выставив сторожкую голову над последними ступеньками лестницы, смотрел на эту таинственную работу старого переводчика посольства зоркими, полными ненависти глазами.

Уже начало светать, когда Каттнер окончил свою странную работу.

Раздетый, в одном белье, он поднялся и потянулся. Потом он кому-то долго грозил кулаком и беззвучно шевелил бледными губами.

В это время послышался шорох на лестнице, и Каттнер обернулся.

На последней ступеньке стоял и смотрел на него в упор Вольф.

Старик пронзительно крикнул и бросился к слуховому окну, но Вольф одним прыжком догнал его и оттолкнул.

Каттнер упал. Голова его ударилась о пустой ящик, и торчащий из него гвоздь глубоко впился старику в шею.

Каттнер быстро освободился и встал. Кровь капала черными каплями на рубашку, но Каттнер уже успокоился.

Он бросился на Вольфа.

Между полковником и слабым тщедушным стариком завязалась борьба.

Вольф не хотел убивать Каттнера. Он лишь старался скрутить ему руки на спине, но старик оказывал сопротивление, громко хрипя, выкрикивая короткие, злобные проклятия.

— Убийца!.. предатель!.. негодяй!.. — шипел он, задыхаясь и стараясь вырвать свои руки из рук Вольфа, зашедшего ему сзади.

И вдруг Каттнер захрипел.

Он как-то дико крикнул, пошатнулся, потом снова выпрямился и вдруг, закатив глаза и корчась в судорогах, упал навзничь. Грудь его высоко вздымалась. В ней клокотало и хранило... Из раскрытого рта вырывалось шипящее дыхание. Оно слабело с каждой минутой и вскоре совсем затихло.

Каттнер шевельнул рукой, потом сделал последнее усилие подняться, но голова его запрокинулась, и все тело опустилось, словно растекаясь по пыльному полу, где валялись обрывки бумаг, опилки и солома из-под бутылок.

Вольф с отвращением и вместе с тем с оттенком страха смотрел на мертвого старика. Но длилось это всего лишь одно мгновение.

Полковник потушил фонарь, взял папку с бумагами и платье Каттнера и начал спускаться по лестнице.

В передней он распорол подкладку и вынул все бумаги, запрятанные стариком, а платье бросил в стенной шкаф.

Никем не замеченный, Вольф вышел из здания посольства и, заперев его на ключ, ушел.

XXVII

Через несколько дней в Стокгольме, в «Опера-кафе», за столом сидели двое людей, любуясь открывающимся видом на море. Они пили кофе, читали газеты и курили. И вдруг один из них вскрикнул и ударил ладонью по столу.

— Смотрите, профессор! — сказал он и указал пальцем на поразившую его газетную заметку.

Названный профессором — высокий, широкоплечий, рыжий, с сильной проседью человек — начал вслух читать:

«В Петрограде, на чердаке германского посольства найден убитым переводчик посольства Каттнер, 54 лет».

— Я вам рассказывал, профессор, о ночном приключении моем в последний день моего пребывания в Петербурге? Вот его отклики!..

Рыжий человек молча кивнул головой.

— Ну что ж? — сказал он наконец. — Вы тут ни при чем. Да кроме того, вы спасали дело Германии и каких бы жертв это ни стоило — исполнить это необходимо! Вот я, например. Я ведь тоже, как вам известно, долго жил в России. Эти наивные русские люди еще недавно гордились тем, что профессор Вильгельм Оствальд читал лекции в рижском политехникуме. Они не знали только того, что я делал и другое дело. По моему плану, основаны многочисленные немецкие школы, где поддерживалась любовь к нашему отечеству и к нашему императорству. Я воспитал целые поколения людей, мечтающих о том, чтобы отодвинуть германскую границу далеко на восток и открыть широкий путь в славянскую землю великой германской культуре. Теперь я здесь от «Культурбунда». Мне поручена тайная миссия содействовать сближению скандинавских государств с Германией. Я явился сюда с полномочием обещать Швеции земельные приобретения за счет движения ее на восток. Я считаю, что я, как немец, обязан делать все, что полезно Германии, не считаясь с моралью, чувствами и законом!

Вольф внимательно слушал профессора Оствальда, а когда тот умолк, сказал:

— Мне тоже приходилось много работать в Швеции. Я вел переговоры с Свеном Гедином и Бьернсоном. Я знаю Швецию. Однако, шведы едва ли пойдут на эту удочку, так как они подозревают, что, если сближение скандинавских государств с Германией состоится, то им угрожает полное слияние с нами и потеря как национальной, так и государственной независимости.

Долго беседовали об этом бывший русский профессор, знаменитый химик, Вильгельм Оствальд, и полковник морского штаба, Вольф.

Не стесняясь друг друга, они раскрывали всю низость и безнравственность немецкой политики в России и в других враждебных теперь Германии странах. Называли имена

шпионов и доносчиков, обсуждали разные системы наблюдения и подкупа и со смехом говорили о том, как плохие немецкие приказчики в русских и французских магазинах и ничем не отличающиеся техники, работающие в строительных конторах Бельгии и Англии, вдруг превращались в офицеров генерального штаба, военных летчиков и командиров эскадренных миноносцев. Вспоминали они, как германские дипломаты устраивали фермы в Америке и Австралии и как в хорошо скрытых подвалах накапливали они для будущих действий германского флота и десанта снаряды, бензин и порох. Упоминали они и имена различных инженеров, которые, принимая заказы на постройку вилл и водопроводов во Франции и Англии, незаметно строили глубокие фундаменты и покрывали их бетоном, подготовляя будущие батареи для тяжелых орудий. Вольф вынимал несколько раз свою записную книжку и разбирал таинственные знаки, которые лишь он умел читать, перечисляя отдельные пункты обширной и частой сети наблюдательных постов и германских радиотелеграфных станций.

— С кем бы ни начала воевать Россия, везде мы будем в состоянии наносить ей вред! — воскликнул полковник. — Она — наш первый враг и мы окружили ее цепью наших сторожевых постов. Они идут вдоль всей прусской и австрийской границ, раскинулись по Прибалтийскому краю и побережью Балтийского моря. Сверкающий, обласканный солнцем Крым, плодородные степи юга и «великая русская река» — повсюду, по всему лицу России, раскинуты отряды преданных нашей родине людей. Они все видят и все слышат. В их сердце нет ни благодарности, ни любви к стране, их приютившей, воспитавшей и взлелеявшей иногда целые поколения их предков. Они преданы лишь Германии, любят лишь нашу старую германскую родину, которой суждено владеть всем миром. Даже дальняя Сибирь и еще пустынные берега Тихого океана захвачены нами! Везде, где нужен глаз и необходимо ухо, — там Германия найдет своего верного и преданного сына и бодрствующего стража...

— В этом величие Германии и залог нашего будущего владычества над всеми народами! — сказал Вильгельм Ост-

вальд и поднялся.

— До свидания, полковник! — сказал он. — Теперь мы, вероятно, встретимся с вами лишь после войны... надеюсь, победоносной...

XXVIII

Спустя несколько недель там, где еще недавно бушевали кровавые вихри, а среди них ткали свою предательскую паутину немецкие агенты и шпионы, произошли события, которые внезапно сделали известным на всю Россию не только имя торгового дома «Артиг и Вейс», но и Вотана.

Многое изменилось с 1905 года в универсальном магазине. Кроме старого Вотана, в фирме с 1910 года появился новый хозяин. Молодой Альфред Вейс заменил своего отца, германского подданного, и действовал самостоятельно, принимая большое участие в делах своей фирмы и в жизни города, по-прежнему доверчиво относящегося к заправилам универсального магазина. Альфред Вейс в тот год, когда ему предстояло войти в дела немецкой фирмы на Дальнем Востоке, принял русское подданство.

Во главе этой фирмы, которую так хорошо знали в Берлине и в германских посольствах Петрограда, Токио и Пекина, стояли двое людей: Вотан — свой человек в прусском военном министерстве, и Альфред Вейс — сын германского матроса и германец по крови, рождению и мысли.

Когда вспыхнула великая война с жестоким врагом, когда всколыхнулось народное море, когда из фирмы «Артиг и Вейс» уехали германские офицеры и запасные солдаты, а прочие были высланы подальше от океана, где так много пришлось им поработать во вред России, — трудно было Вотану и Альфреду Вейсу оставаться только зрителями происходящих событий.

Они ждали приказаний из Берлина, но железным кольцом охватили Германию бьющиеся с нею народы, и не слышали голосов своих повелителей хозяева универсального

магазина.

Даже Гинце из Пекина не сумел прислать им вести.

Новостей у торгового дома было немало, но они не знали, куда и кому их сообщать. Обычай фирмы соблюдались, однако, не только в описываемом городе, но повсюду, где встречалась вывеска «Артиг и Вейс».

Так было и в Китае, недалеко от Циндао, где заперли германский гарнизон предпримчивые японцы, и в разных прибрежных китайских городах, где, случайно или по приказу, находились в это время приказчики и коммивояжеры торгового дома «Артиг и Вейс».

Здесь, однако, работать было опаснее и труднее. Японские генералы знали дальневосточную фирму со времени войны 1904 года и теперь зорко следили за ее служащими.

Один из них, Отто Мельц, попался.

Он делал какие-то знаки немецкому миноносцу, светя ему из окна своей комнаты горящей лампой.

После допроса и обыска у Мельца японский дипломат имел долгое совещание с русскими дипломатами.

Полетели телеграммы в разные стороны, и были они гибельны для Вотана.

Арест его был решен бесповоротно, и управляющему торгового дома «Артиг и Вейс», обладателю огромного состояния, переписанного на имя Альфреда Вейса, Вотану, пришлось совершить тяжелое и длительное путешествие в гибкие сибирские трущобы.

Но в большом городе на берегу Тихого океана и в городах и селах Уссурийского края по-прежнему оставался огромный паук, широко раскинувший сети от Берлина и Гамбурга до Японского моря и устья Амура.

Паук притаился и ждал новых событий и новых жертв...

XXIX

В то время, когда все тайные и явные служители германского правительства, так страстно ненавидящие Россию,

встретившую их величавой ласковостью и приютившую с широким, благородным радушием, обдумывали новые удары для России и ее союзников, — за Бзурой, Вислой и Неманом, там, где начиналась беспредельная равнина России, совершались великие, никогда не забываемые события.

Подхваченный одним могучим порывом народ слился в пылком молитвенном подъеме и в любви к отечеству. Исчезли все споры племен, и старые счеты были забыты.

Не было врагов. Были лишь товарищи, идущие плечом к плечу в жестокую сечу с вековым врагом. Не было колебаний и сомнений. Всякий понимал величие переживаемого времени и знал, что участвует в событиях, которым суждено оставить глубокий, неизгладимый след не только в их маленькой личной жизни, но в жизни родного народа и всего человечества.

Не было слез прощания, не было отчаяния при разлуке.

Люди уходили на войну с сознанием высокого, святого долга, а остающиеся с верой и молитвой провожали уходящего бойца, не думая о гибели его и о горестях и лишениях семьи.

Что-то могучее, как стихия, пронеслось над Россией и подхватило всех в своем мощном полете. В церквях торжественно звучали слова молитв, и люди уходили с просветленными лицами, молясь не за отцов, мужей и сыновей, но за отчество и за успех великого дела.

В народе ходили трогательные, воодушевляющие и ободряющие легенды.

Передавались слухи о кровавых столкновениях с германцами, о бегстве австрийцев при первых стычках, о славных делах родных бойцов. Потом настали страдные дни наступления по зыбунам Мазурских озер, где падали один за другим немецкие укрепленные окопы и проволочные заграждения, двадцать лет подготавливаемые и укрепляемые в ожидании роковой встречи.

Из-за болот и топей Мазурских озер, с Грюнвальдской равнины, вставал великий призрак славянского витязя.

Его видели солдаты при закате солнца и в те дни, когда

с моря ветер приносил стаи белогрудых облаков, мчащихся куда-то к югу, где они багровели и таяли в поднимающемся с земли кровавом тумане.

Витязь был необъятно велик и могуч. Конь его неудержимо мчался по верхушкам снежных гор. Слышался грохот его копыт и бряцание брони.

Порой, высоко на небе, гораздо выше дымков взрывающейся шрапNELи, витязь вступал в бой. Он сшибался с всадником, сидевшим на черном коне. Белый плащ и длинный двуручный меч сверкали в лучах заходящего солнца.

Долго длился бой. Порой оба бойца исчезали в набегающих тучах, но часто все видели, как поверженный с коня рыцарь в белом плаще лежал, раскинувши закованные в сталь руки, а конь витязя топтал его.

Тогда офицеры в окопах рассказывали своим солдатам старую быль, случившуюся полтысячи лет назад, когда, поклявшись на мечах, славянские братья и Литва на поле Грюнвальда дали великий бой германским насильникам.

Рассказывали офицеры, как смоленские дружины шли в помощь польским ратям, как вместе разбили они, сражаясь бок о бок, полки могущественного гроссмейстера Ульриха фон Юнгингена, и как падали под ударами палиц и широких топоров литовцев, одетых в звериные шкуры, лучшие из тевтонских воинов, прославившихся на рыцарских турнирах в чужеземных странах.

Рассказывали еще офицеры и о тех витязях, которые прославились в том бою, где могла навсегда погибнуть германская мощь.

Ночью, ожидая атаки прусских гвардейцев, какой-нибудь боевой ротный командир, побывавший уже на полях Манчжурии, тихим голосом рассказывал собравшимся вокруг солдатам и о князе смоленском Никите, и о витязе Прохоре Волке, и о короле Ягелле. Говорили потом солдаты и о гордом князе литовском Витовте, славных рыцарях Повале и Завише Черном и о всех тех, чья кровавая работа в великий Грюнвальдский день предвещала зарю новой жизни.

Слушали солдаты эти старые были и понимали, что впереди за Мазурскими озерами лежит это славное поле, где

и им суждено будет вступить в последний бой с лихим врагом. Понимали воины, что от стоящего перед ними врага страдали они, их отцы и деды повсюду в России: от границ Польши — до Черного моря и Великого океана. Знали они это и верили в победу правого дела.

Вера эта крепла, и ничто не могло поколебать ее.

Была то вера воинов, вышедших в поле для победы, не для корысти и шумной славы, но во имя счастья родины и долгого мира на земле, заливаемой слезами и кровью.

Петроград.
Февраль, 1915 год.

РАССКАЗЫ

ТЕНЬ ЗА ОКОПОМ

Илл. В. Сварога

Разсказъ
А. ОССЕНДОВСКАГО.

Рис. В. СВАРОГА.

ТЫНЬ за окопомъ

1

Прапорщик Дернов сидел в окопе и курил трубку, по временам ежась от холода, неприятно щекочущего спину. Тут же рядом стоял солдат и в щель между двумя камнями, защищавшими его голову, смотрел за окоп. Солдаты стреляли редко, лишь отвечая на утихающий огонь немцев. Бой шел жаркий и длился дней пять без перерыва. Днем и ночью окопы засыпались шрапнелью и ружейными пулями. Много ужасов, много тяжелых потерь пережил полк. Несколько раз ходил он в штыки, но возвращался, потому что приходилось брать пулеметы «в лоб». Много офицеров было убито, много ранено, и прапорщику Дернову пришлось командовать ротой.

Прапорщик совсем обстрелялся, и хотя он был всего три месяца в бою, не только не обращал никакого внимания на свистящие или, как говорили солдаты, «зудящие» пули, но не мог себя представить заведующим вексельным отделом одного крупного банка.

Вспомнив об этом, он поднялся и, отстранив солдатика, сам заглянул в щель окопа. Со свистом и жужжанием пронеслись две пули, почти задев камни, за которыми скрывалась голова прапорщика.

Дернов усмехнулся и подумал:

— Это тебе не банк, где выглядываешь из-за решетки и любезничашь с крупным клиентом! Этот «клиент» повни-

мательнее будет, да зато и с ним надо ухо держать востро!

Прапорщик отошел от щели, и его сейчас же сменил солдатик. Положив ружье на окоп, он, быстро прицеливаясь, послал противнику пять пуль и, присев на землю, начал заряжать винтовку.

— Красавец! — окликнул его Дернов. — Сбегай-ка, поищи мне фельдфебеля!

— Слушаюсь, ваше благородие! — ответил солдатик и, согнувшись, побежал вдоль окопа. В перерывах между выстрелами слышно было, как под его ногами чавкала грязь и плескалась вода.

Скоро пришел фельдфебель, старый, сверхсрочный служака. Он шел, прихрамывая, так как накануне прусская пуля пробила ему ногу. Рана была легкая и, перевязав ее, фельдфебель остался в строю.

— Ну как, Архипов? — спросил его Дернов, протягивая резиновый кисет с табаком и кремневую «зажигалку».

— Покорнейше благодарю, ваше благородие, так что заживет скоро! — ответил фельдфебель.

Прапорщик указал ему на вывороченный при углублении траншеи пень, и фельдфебель, усевшись, начал набивать трубку и с удовольствием затянулся дымом. Оба молчали, только изредка Архипов густым басом журил солдат:

— Чего ты, дурашка, торопишься, ровно на пожар? Знай, бери настоящий прицел и стреляй толком... Эй, ты, Храмков, что ли, там? ты чего зря голову суешь за окоп? Гляди у меня!

— Молодцом солдатики-то у нас! — заметил, чтобы сказать что-нибудь, фельдфебелю Дернов.

— Чего уж лучше, ваше благородие! — ответил Архипов, и глаза его засияли. — Ведь, почитай, пять дён не спят, сухарями питаются, чаю не видят; снизу — вода, сверху — вода... Герои они, ваше благородие! Откуда это в народе берется?!

— Как откуда? — удивился Дернов. — Ты должен знать, Архипов, ведь ты сам — герой. Ранен ты, а вот ходишь и службу исправляешь!

— Я-то чего герой?! — в свою очередь удивился фельдфебель. — Я свое ремесло исправляю и все тут. А они-то, кто из городов, кто от сохи оторваны, кто старый, кто совсем молодой еще, а ровно всю жизнь в бой ходили...

Архипов с восхищением повел взглядом вдоль извилистой линии окопа, и любовно заискрились его глаза. Однако, по привычке начальства, он тотчас же крикнул:

— Ты опять! Федотов, стукни, щелкни по дурьей башке Храмкова, чтобы за окоп не лез. Вот так. Молодчина!

Фельдфебель и Дернов расхочатались над усердием неуклюжего Федотова, щелкнувшего красной, широченной лапой по темени любопытного Храмкова.

Начинало смеркаться. Вдали уже сделались заметными вспыхивающие огоньки выстрелов. С севера ползла темная, мягкая туча.

— К снегу это, ваше благородие! — сказал Архипов и с трудом поднялся. — Покорно благодарим за табачок.

— Ты куда? — спросил Дернов.

— Обойти окоп надо и с того флангу покараулить. Кабы немцы, как снег пойдет, чего доброго и в атаку не пошли! — сказал фельдфебель и заковылял, ворча по дороге на солдат.

— Не в бабки играешь, не с девками шутки шутишь, а потому гляди в оба!..

Архипов угадал. Туча наползла, и вдруг, словно распоровшаяся перина, рассыпалась снегом. Не прошло и часа, а на окопы на пол-аршина нанесло снегу, и вся равнина между русскими и немецкими траншеями покрылась белой, пушистой пеленой.

А снег все падал и падал.

Архипов ковылял от солдата к солдату и всем говорил:

— Снег сгреби с гребня окопа, снег сгреби! А то понадеешься, что головы не видать, а пуля сквозь снег пролетит за милую душу, да и стрелять тебе же легче... Снег сгреби!..

Подходя к флангам, где свалены были камни, фельдфебель садился на них и сквозь щели между камней внимательно осматривал все поле, где легло уже так много

людей, и вглядывался в сгущающийся мрак. Он успокаивался, убеждаясь, что там клубится лишь снег и маячат в нем темные, чернее ночи провалы и расселины. Но они тотчас же исчезали и закрывались зыбкой завесой падающего снега.

Фельдфебель, однако, скоро опять начинал тревожиться и опять всматривался в темноту и мчащиеся в ней снежные призраки.

Он шел по траншее и говорил:

— Не зевай!.. Не зевай!.. Время опасное, кабы атаки не было... Гляди, не оплошай!...

Он пошел к прапорщику и рассказал ему о своей тревоге.

— Может быть, и попытаются! — согласился Дернов. — Ну что же, примем, погреемся...

Привычка следить за собой тотчас же подсказала Дернову, что в этих словах не было ни напускного молодечества, нинского веселья, и опять удивился прапорщик.

— Как перерождает людей война! — подумал он и вспомнил университет, разные служебные огорчения и жизненные неприятности и неудачи, казавшиеся раньше тяжелыми и важными, а теперь ничтожными, жалкими и смешными. Прапорщик обошел солдат, приказал на всякий случай взять полный запас патронов и сказал фельдфебелю, чтобы выставить за камнями оба пулемета.

Он медленно пошел к своему месту, где уже обзавелся целым хозяйством. В углублении окопа, словно на полке, лежала отлично пристрелянная кавалерийская винтовка, большой резиновый кисет с табаком, ящик с сотней патронов, карманный электрический фонарь, бинокль и розовая эмалированная кружка, в которой, вместо чая, лежало несколько кусков отсыревшего шоколада и солдатский су-

харь.

Не успел он набить трубку, как к нему, несмотря на рану, прибежал Архипов.

— Ваше благородие! Быть атаке: разведчики ползут, осматривают поле...

— Где? — спросил, сразу оживляясь, Дернов.

Они подползли к выходу из окопа. Снег слепил глаза, и сначала ничего нельзя было разглядеть, но потом глаза привыкли.

— Вот там, там, ваше благородие... — шепнул фельдфебель. — Вот... шевелятся...

Вдали, шагах в шестистах, от окопа медленно двигалась тень.

Она то поднималась и тогда казалась огромной на тусклом, беспокойном от снега небе, то припадала к земле и почти бесследно исчезала.

Было что-то таинственное и жуткое в этом движении черной тени, бесстрашно идущей между окопами по полю со свистящими над ним пулями. Какой-то вызов и насмешка чудились в этом беззвучном и быстром шествии человека или призрака по земле, давно пропитанной кровью убитых. Временами казалось, что тень отделялась от земли и плавно колебалась в белесых, мятущихся полосах снега. Тогда фельдфебель крестился, а Дернов в изумлении пожимал плечами.

— Дать залп? — спросил, наконец, Архипов.

— Постой! — шепнул прaporщик. — Ведь там один... человек?

— Один... — кивнул головой фельдфебель. — А других, может быть, не видно...

— Да... — протянул Дернов.

В это время на какой-то сопке вспыхнул прожектор. Юркий и любопытный луч пробежал, как лезвие ножа, по окопу и, скользнув по равнине, на одно короткое мгновение осветил одинокую фигуру, пробирающуюся по полю, между ведущими бой позициями.

Дернов и Архипов даже воскликнули от удивления и переглянулись.

2 ch. -

Это была, несомненно, женщина. Она шла, и платье ее и платок разевались по ветру. Ее заметили, однако, и в немецких окопах.

Окопы тотчас же расцветились красными и желтыми огнями выстрелов, и затараторил пулемет. Взвилась ракета и красным огнем осветила часть поля. На побагровевшем небе Дернов еще раз увидел загадочную тень неожиданно появившейся здесь, под огнем, женщины. Она пробежала несколько шагов и вдруг пошла спокойно.

Прожектор с наших позиций начал бегать по полю. Женщина была видна, как на ладони, но немцы не обстреливали ее. Она шла, скрытая небольшим косогором, и подвигалась в сторону немецких траншей.

Дернов и Архипов переглянулись.

— Сколько шагов, по-твоему, до нее? — спросил прапорщик.

— С 1500 будет!.. — ответил тот. — Что она, ведьма, что ли?

— А наш прицел какой? — перебил старика Дернов.

— Сами знаете, ваше благородие! — ответил Архипов и вдруг сразу понял и пытливо заглянул в глаза прапорщику.

— Значит, фланга немцы не берегут? — шепнул Дернов.

— И можно, пожалуй, оттуда незаметно подойти...

Чувствуя на себе взгляд Архипова, прапорщик взглянул на него в упор и спросил:

— Попытаем счастья?..

— Так точно, ваше благородие, надо попытаться!.. — обрадовался фельдфебель.

Дернов по телефону объяснил положение полковому командиру, и тот разрешил его роте ударить в штыки, в случае успеха обещав тотчас же пустить в атаку весь полк.

Дернов обрадовался.

Мешал прожектор. Он освещал всю равнину, нащупывал каждый камень, всякий куст. Надо было успокоить наблюдателей и заставить перевести луч в другую сторону.

Архипов побежал вдоль траншеи.

— Не стрелять! Не стрелять! — приказывал он, и его

приказание повторяли взводные:

— Не стрелять!.. отставить!

Русский окоп внезапно замолчал.

Стал утихать огонь и с немецких окопов. Вскоре редкие выстрелы и те умолкли. Там, видно, были рады отдохнуть.

Прожектор, словно удивляясь, пошарил, побегал по полю и, убедившись, что здесь все спокойно, ускользнул кудато.

Междю окопами залегла темнота, глухая и слепая.

И в этой темноте бесновались лишь мчавшиеся куда-то с легким шорохом снежные призраки. Поднялся ветер и погнал на русский окоп тучи снега, вздымая с поля легкие, пушистые сугробы.

3

— Готовься! — скомандовал Дернов и, увидав смотревшего на него Архипова, поднял кверху руку.

— Готовься! — зашептали солдаты, осматривая сумки с патронами и штыки и туже подтягивая пояса. — Господи благослови!..

Рядом с прапорщиком вырос, вынырнув из темноты, горнист. В руках у него тускло отсвечивал рожок.

— Сигнала не будет, — сказал ему Дернов. — Стройся!

Солдаты построились и медленно начали выходить из окопа.

Сам Дернов выводил их и велел перебегать, не шумя, к тому месту, где он видел тень женщины, бесстрашно шедшей под пулями.

Архипов оставил в окопе пятьдесят человек и велел им изредка по одному стрелять, как это делалось без перерыва пять дней.

Солдаты осторожно тянули за собой два пулемета.

Дернов понимал, что идет на отчаянное дело, какое не каждый день может случиться, но он смело вел людей, веря в успех. Ему казалось, что он — волк, и что крадется за

ним стая сильных злых и смелых волков, и ему становилось все веселее и как-то смешнее.

Вот начался косогор. Из немецкого окопа щелкнули два выстрела в ответ на одинокие пули, свистящие из русской траншеи. Но огней не было видно.

Отряд шел под прикрытием косогора.

— Ваше благородие, — зашептал подошедший к Дернову фельдфебель. — Шагов четыреста осталось, а то и меньше. Послать бы вперед разведчика Семенова с товарищами.

— Пошли, и я с ними пойду, — сказал Дернов.

Он знал Семенова. Это был худой, чернявый солдат из запасных. Загорелый и вихрастый, с черными, бегающими глазами, он до войны служил егерем у помещика и привык выуживать и «скрадывать» зверя. Свои способности он обнаружил с первых же боев и, подобрав себе пятерых товарищей, всегда ходил на разведку.

Косогор начал понижаться и вдруг сразу оборвался. Разведчики замерли; впереди, в сотне шагов, мелькнули редкие огни выстрелов, а потом снова все смолкло.

— Назад! — шепотом скомандовал Дернов, но едва успели они скрыться за косогор, из темноты вынырнули две черные тени и начали медленно приближаться к ним.

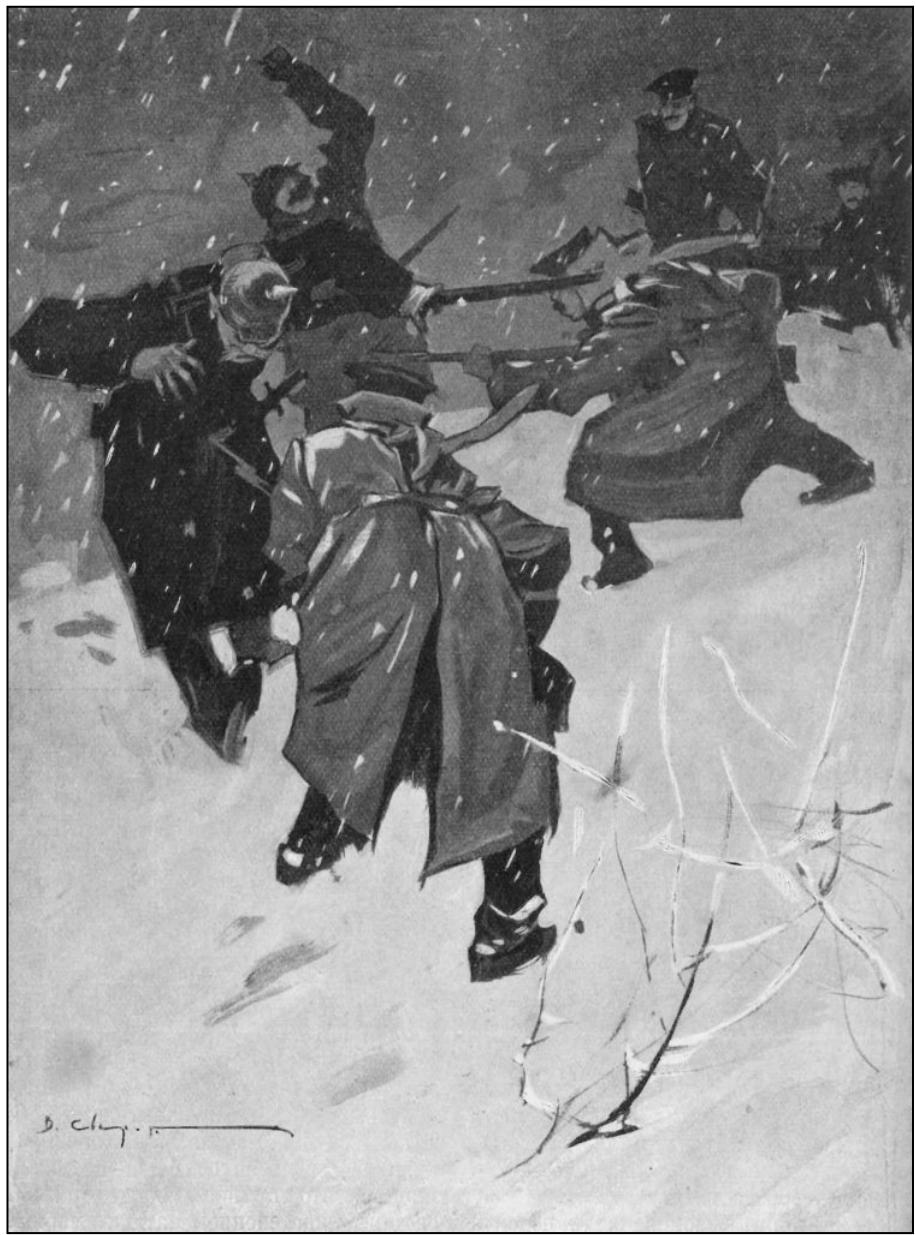
Дернов понял, что место это охранялось немецким патрулем. Разведчики притаились за камнями и кустами.

Когда два прусских солдата, запорошенных снегом, поправлялись с ними, Дернов шагнул вперед и негромко, но повелительно сказал:

— *Halt!*

Привыкшие к повиновению и удивленные, дозорные остановились, но в это время Семенов и другой разведчик ударили их штыками. Дернов даже услышал, как заскряжетал штык, скользнув по кости. Немцы рухнули на землю, а снег заглушил падение их тел.

Через несколько минут весь отряд был уже в ста шагах от первой немецкой траншеи. Солдаты, закусив губы и крепче сжимая в руках винтовки, смотрели, как вспыхивают огоньки прусских выстрелов по окопу, где они оста-

вили часть товарищей, поддерживающих «для виду» вялый огонь, и весь полк, готовый придти к ним на помощь.

Дернов и Архипов поставили на пригорке пулеметы и вернулись к отряду.

Пройдя около полусотни шагов, Дернов выхватил шашку и бросился вперед, крикнув:

— С Богом! Ура-а-а!

Тяжелым, громыхающим эхом покатилось сзади за ним «ура» и торопливый топот ног.

Черные фигуры кричащих солдат начали обгонять его, впереди раздались тревожные голоса и беспорядочная стрельба.

Солдаты ворвались в траншею. Шел рукопашный бой. Били штыками и прикладами... Дернов больше ничего не помнил. Он только знал, что свое дело он сделал. Дальше — Бог и судьба! Он догнал и рубнул по спине старавшегося перелезть через скользкий окоп офицера. Увидев убегавшего пруссака, выстрелил в него из нагана... Потом «ура» усилилось, заговорили пулеметы и Дернов понял, что полк бросился в атаку. А потом вдруг все смолкло — и «ура», и крики погони и страха, и торопливые, сухие выстрелы в упор.

Солдаты окружили Дернова и смотрели на него радостными, яркими глазами, с еще непогасшими огнями, загорающимися в бою.

— Ваше благородие, ваше благородие, взяли! — крикнул, протолкавшись сквозь толпу солдат, Архипов.

Дернов только теперь понял все. Он провел рукой по глазам, снял папаху и широко перекрестился.

— Спасибо, товарищи! — сказал он, не надевая папахи.

— Рады стараться! — гаркнули веселые голоса.

Но замолчали, так как Архипов уже ворчал.

— Занимай окоп! Не в избу, чай, пришли! Первый взвод, выставь дозорных! Петренко, возьми людей, да пока не рассветает, повыкидывай немцев. Не развешивай ушей, ровно лопухи, Дмитриев! Н-ну, живо у меня!

Дернов получил благодарность от полкового командира и ждал утра...

При первых его отблесках он увидел целые груды убитых немцев, сваленных за окопом. Лужи крови стояли еще в траншее, валялись ружья, опрокинутые в свалке пулеметы, штыки и каски.

Три ряда сильно укрепленных проволокой и кольями окопов были заняты полком.

Когда совсем рассвело, он увидел, что внизу, в глубокой долине, стоит деревня.

Черный, старый костел, видно, недавно сгорел и еще дымился.

Десятка три изб, крытых соломой, ютилось вокруг, а дальше чернелась стена леса и блестело незамерзшее озеро, окаймленное рамой белого снега.

На улице копошились три женщины, заходя во дворы покинутых и разграбленных изб.

Дернов улыбнулся и подумал:

— Одна из этих женщин привела нас в немецкие окопы...

Но его думы были прерваны взводным. Он бежал, размахивая руками, и еще издали кричал:

— Ваше благородие! Командир дивизии на машине едут!

Дернов бегом пустился к своей роте, но прибежал тогда, когда генерал уже выходил из автомобиля и принимал рапорт командира полка, указывавшего на козырявшего на бегу прaporщика.

— Лихое дело, прaporщик, лихое, настоящее дело!

— Спасибо, богатыри! — весело крикнул генерал.

И вдоль всего окопа пронеслось:

— Рады стараться, ваше превосходительство! Ура-а!

УСЛЫШАННЫЕ МОЛИТВЫ

Горячо молились в избе Акима Турин. Молились без слез, с крепкой, как камень, верой смотря на древние, до-никоновского письма, давно почерневшие иконы.

С темных, источенных червями кипарисовых досок сурою и пристально глядели лики святых. Много на своем веку видели эти суровые лики: и гонение ревнителей старой веры, и лихие времена, приходившие на Россию и уносившие людей, захваченных бурями и вихрями.

Молился старик Аким Турин и с ним молились две снохи его.

У всех было свое, особое и в то же время общее горе и глубокая, рождающая тревогу забота.

Два сына старика пошли на войну. Бог миловал их в бою и невредимыми были оба. Только два месяца уже прошло, а от обоих не было вестей.

Тревожились жены, тревожился и по ночам громко вздыхал Аким.

Но вздыхал он не по одним сыновьям, а еще больше по внучку Пете.

От младшего, покойного сына остался Петя. Матери мальчик не знал — умерла она при его рождении. Когда же вскоре преставился и отец, остался Петя на руках деда. Полюбили друг друга старый и малый и сделались неразлучными.

Подрос внук. Из сельской школы дед послал его в город, в гимназию. Понимал Аким Турин, что трудно темному, неученому в людской тесноте пробиваться.

А из гимназии Петя уж сам в университет пошел, да здесь его война застала.

Написал он деду письмо, что добровольцем записался, попросил благословения и скоро с полком ушел. Писал потом, что наградили его крестом за храбрость и в прапорщики произвести обещали.

Писал часто. Гордостью вспыхивало лицо деда, и большая, жесткая рука складывалась для крестного знамения.

Теперь замолчал и Петя.

А там, где лилась родная кровь, где вырастали братские могилы, шел жаркий бой с наступающим врагом. Пядь за пядью защищали русские войска свою землю, не щадили жизни, не жалели кровавого труда.

Горячо молились в избе Акима Турин в тот вечер, когда тревога сильнее сжала и истомила сердца.

II

Сделав три земных поклона, Аким выпрямился и сказал:

— Помолились за воинов. Бог им защитой! Ничего, спасутся, знаю я!

Было столько убеждения и непоколебимой веры в словах старика, что обе бабы сразу успокоились и принялись хлопотать около ужина.

Старик же сел к столу и, достав газету, начал медленно, водя пальцем и глядя поверх очков, читать.

Мысли его, однако, скоро побежали туда, где проклятый немец засыпал наши окопы «ураганным огнем», где он пускал на наших защитников ядовитые газы и предавал огню беззащитные деревни.

Вспомнил Аким Турин тот день, когда он впервые услыхал о выдумке немцев душить наших солдат каким-то ядом. Места тогда не мог найти себе старик. Ходил, как в чаду. Молитва на ум не шла. Аким ушел в лес и брел, не разбирая дороги, видя перед собою страшную картину, описанную в газете.

Вот глубокий окоп... На свежей зелени травы, как черная змея, как след огромного крота, вьется он и исчезает вдали. Это оплот России. Там, за этой грудой черной земли, засели грудью своею защищающие родину и народ солдаты. Там среди них сыновья Федор и Дмитрий и он — внучек Петя, нежный, со звонким голосом и яркими, смелыми глазами.

Старик видел его в студенческой тужурке и не может представить его в жесткой, негнущейся солдатской шинели.

Над окопом мелькают огоньки выстрелов, и вьется чуть заметный дымок.

Начался бой... И вдруг откуда-то издалека прилетело что-то грузное, заунывно воющее. Упало, вскинуло землю и камни, загрохотало, вновь разметало землю, дерн, песок и свистящие и жужжащие осколки. Красный дым, словно видение, вздыбился столбом и, медленно падая, полз по траве и наконец дополз до окопа. Здесь задержался, а потом начал переливаться вниз, туда, где были солдаты, сыновья Акима Турина и внук Петруша.

Что было потом, что увидел глазами своей души, он не хотел вспоминать и, вздрогнув, снял очки и взглянул испуганно и жалобно на черные лики святителей.

Вспомнил старик, что долго молился он потом и решил послать внучку дедовское благословение.

Туринский род — все от дальних прадедов были иконописцами старого склада. Сам Аким до пятидесяти лет занимался этим ремеслом и бросил его тогда, когда убедился, что фабрики и художники из ученых совсем забили иконописцев.

Аким Турин решил написать для внука икону — благословение.

На чердаке он разыскал маленькую икону. Была она написана, видно, очень давно, в каком-нибудь скиту, на дубовой доске. Время уничтожило изображение, и лишь кое-где виднелись еще следы сморщенной, отпадающей чешуйками масляной краски.

Отчистив старую доску, иконописец мелкими кистями написал иконку архистратига Михаила. Броню Аким сделал из куска красной меди и покрыл ее мелкою чеканкой.

Давно уже послал Аким иконку внучку Пете, но в это время внезапно прекратились письма.

III

Поужинав, долго еще сидели Турины, и свет в их избе виднелся далеко за полночь.

Уже пропели первые петухи, когда в Туринской избе обитатели заснули.

Разбудил их громкий стук в дверь. Зажгли свет и старик открыл дверь.

— Отец Яков! — воскликнул Аким, увидев священника.

— К тебе, Аким Никодимыч, с радостной вестью пришел! — заговорил священник, крестясь на образа. — Прости, что по ночи тревожу, да не хотел до утра откладывать.

Сев у стола и разглаживая редкую бородку, отец Яков продолжал:

— Брат ко мне приехал двоюродный. Священником служить он в полку, где внук-то твой находится. Сказывал мне, что Петруша-то твой уже офицер, и вся грудь в боевых наградах. В одном бою пуля ударила в иконку на груди, да там и осталась. Жестокий был бой, и чудом спасся тогда Петя. Кланяться просил, а писать недосуг, новые окопы делают и к новому бою готовятся. Сказывал внук твой, что после производства в офицеры довелось ему повидаться с сыновьями твоими, оба здравствуют, а не пишут потому, что в походе были и в разведках. Рад я душевно, что добрую весть тебе, привести Бог позволил. Теперь пойду. Вдове Анфисе Смелковой письмо от сына из лазарета надо отдать.

Когда отец Яков ушел, в избе тихо молился старик Аким Турин.

На глазах его были слезы восторга, и светилась в них радость за услышанные молитвы и вера, крепкая, как старая дубовая иконка, задержавшая пулю на груди внучка Пети.

HA 3APE

Плакала мать, плакал отец, поспешило смахивая со щетинистых усов набегавшие слезы. Не плакала только старая бабка Сусанна, да он сам — Стась Бжега.

Бабка-то, впрочем, ничего не понимала, потому что была стара, глуха и только шмыгала носом и бегала круглыми красными глазами по лицам людей, темным иконам в углу и стенам избы.

Стасю плакать хотелось, но он еще хорошенко не понимать, почему плачут отец и мать и что случилось страшного или горестного.

Когда пришел сосед Ружицкий, старый Бжега начал ему все подробно и внятно рассказывать.

Тогда только Стась понял, что его двоюродный брат Гжесь скоро придет к ним сюда и станет стрелять в людей, топтать рожь и поджигать хаты в деревне.

Гжесь очень хороший малый. Красивый, веселый и ловкий. Он показывал всегда Стасю и другим деревенским мальчишкам гимнастику и говорил:

— Вырастете — соколами будете, и все эти штуки сами сумеете проделать!

Понял Стась из рассказа отца, что Гжесю австрийские офицеры велели куда-то идти, а потом пошлют его сюда. Стась знал, что теперь война, что «наши» бьют немцев, но никак не мог понять, зачем же Гжесь пойдет против своих.

— Все поляки теперь будут вместе, русские нам — братья, мы — дети одной матери... А они там не знают, им этого не говорят... и польется наша польская кровь...

Стась тихонько заплакал, когда представил, что польется кровь Гжесся, такого веселого и доброго хлопца.

Никто на Стася не обратил внимания; все были заняты тяжелыми, невеселыми думами, и мальчик незаметно вышел из избы.

Стась пошел по меже среди ржи, а впереди его бежала «Лиска», желтая собачонка с пушистым хвостом, смешно мотающимся из стороны в сторону.

Когда мальчик заслышал шум речки и увидел дубовый лес, он остановился, немного подумал, а потом без оглядки пустился бежать к реке.

Стась решил сбегать в деревню Гжеся и сказать ему и всем там, что «русские — наши друзья» и «что теперь все поляки будут вместе», и что не надо стрелять, топтать ржи и поджигать хаты.

Деревня Гжеся была за рекой, верстах в пятнадцати от села, где жили Бжеги. Речку почему-то называли «границей», и никто не смел через нее переходить.

Стась сто раз переходил на другой берег и ловил там под камнями раков.

Вместе с «Лиской» перешел он по камням на австрийский берег и побежал по узкой лесной тропинке.

Когда уже стало смеркаться, «Лиска» вдруг залаяла и шарахнулась в кусты. Испуганный Стась тотчас же шмыгнул за ней в дубняк и, таясь, пробрался к невысокой холмистой гряде, видневшейся впереди.

Когда «Лиска», прыгая и визжа, вынеслась на холм, в лесу что-то несколько раз коротко и сухо щелкнуло.

Собачонка вдруг взвизгнула, захромала, потом присела, поджав под себя окровавленную переднюю лапу, и протяжно, грустно завыла.

Стась нагнулся над ней, но в это время из-за кустов выбежали солдаты и кружили мальчика.

— Кто ты? Откуда? Что несешь? — засыпали его вопросами солдаты.

Оторопевший сначала Стась начал рассказывать, что ищет он своего Гжеся и хочет передать ему важную весть.

И опять пошли вопросы. Стась рассказал, что русские — братья, что они хотят, чтобы все поляки были вместе, и что не надо стрелять в своих и поджигать хаты...

Солдаты внимательно слушали и думали о чем-то.

— А ты не брешешь? — спросил один.

— Отец говорил! — важно ответил мальчик и тряхнул головой.

— Отец не брешет?..

— Если мальчуган правду говорит... — начал было пожилой солдат, но сразу оборвал речь, заметив неслышно подошедшего вахмистра. Толстое лоснящееся лицо его было потно, и красные, узкие глаза злобно смотрели.

— По местам! — крикнул он.

Солдаты разбежались, а вахмистр дал мальчику подзатыльник и сказал:

— Ступай к тем сараям и жди меня!

Стась пошел, а вахмистр скоро догнал его на лошади и молча поехал рядом.

У сараев их встретил офицер. Поговорив с вахмистром, он спросил Стася, зачем пришел он на австрийский берег? Стась все повторил, что говорил солдатам и что слышал от отца. Не солгал и ничего не утаил.

Офицер втолкнул мальчика в сарай и запер дверь на запов. Стась долго плакал, стучал в дверь и просил выпустить его. Никто не откликнулся, и только громко фыркали стоящие за стеной лошади.

Стемнело. Появилась луна, и сквозь щели двери видел Стась, что плывет она по серебряному небу и смотрит прямо на него. Мальчик тихо заплакал. Он вспомнил, что эта же луна плывет теперь над его деревней, а там никто не знает, что его заперли и не пускают злые австрияки.

Долго плакать Стасю не пришлось. Где-то вдалеке затрещала перестрелка, донеслись крики людей и жалобное ржание лошадей. Проскакали на конях солдаты, потом что-то со звоном и грохотом пронеслось по косогору, и вслед за этим заревели, заухали орудия, и от их выстрелов заревом осветился дальний лес и стоявший у дороги высокий, пошатнувшийся крест.

Всю ночь шел бой, и мучился Стась сомнениями и тосковал, боясь, что Гжесь, который еще ничего не знает, будет биться с «нашими», а потом будет стрелять в отца и мать, в старую бабку Сусанну, и подожжет их новую липовую избу.

Когда на востоке загорелась заря, Стась увидел, что люди, подпираясь ружьями, тихо брели в гору, вдали летели во весь опор шестерки лошадей и тянули за собой какие-то ящики и пушки, а над лесом стоял серый дым. Все ближе и ближе трещали частые залпы.

Наконец, из-за косогора показались австрийские солдаты. Они шли быстро и вразброда, то рассыпаясь по полю, то

сбиваясь в толпу, откуда несся тихий, тревожный гул голосов.

К сараю подбежал вахмистр и два солдата с темными лицами и черными усами. Они вывели Стася, еле державшегося на ногах от усталости, и повели в ложбину, поросшую ивой.

Здесь они поставили мальчика у откоса и, вдруг, подняв ружья, прицелились в него.

Стась повернул к ним голову и с любопытством смотрел на солдат.

— *Feuer!* — скомандовал вахмистр, махнув рукой...

Где-то вдали веселее затрещали выстрелы, тревожно звенела труба, громко кричали люди, и в ложбине остался только Стась.

На косогор взлетали казаки, вставая на стременах и стреляя в убегающих австрийцев.

Но Стась этого уже не видел.

На бледном лице его играли розовые и золотые лучи солнца, и рядом сидела «Лиска» и, жалобно взвизгивая, зализывала простреленную лапу.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все произведения публикуются по первоизданиям, откуда взяты и иллюстрации. Орфография и пунктуация текстов приближены к современным нормам; безоговорочно исправлены несомненные опечатки. Имена, географические названия и термины, как правило, оставлены без изменений.

В биогр. очерке использованы материалы Д. Кеннана, В. Михаловского, А. Колгановой и А. Рейтблата, А. Посадского.

В оформлении обложки использован рисунок обложки первого русского издания книги А. Оссендовского *Звери, люди и боги* (Рига: изд. Г. Л. Биркган, 1925).

Мирные завоеватели

Впервые как отдельное изд.: Пг.: тип. «Якорь», 1915, под псевд. Марк Чертван.

С. 17. ...*большого русского города на Тихоокеанском побережье* — Далее Оссендовский открыто использует топонимы Владивостока: бухта Патрокл, Светланская, Гнилой Угол и т. п.

С. 27. ... «*Veritate ornarmur*» — «Правда украшает» (лат.).

С. 30. ... «*Артура Родпеля*», «*Хильманса*», «*Дангелидера*» и «*Витмана-Бауэрнамера*» — см. в предисловии.

С. 33. *Mais, mon cher...* — Но, мой дорогой... (фр.).

С. 54. ...«*Под Липами*» — т. е. Унтер-ден-Линден.

С. 78. ...*cloisonné* — перегородчатая эмаль (фр.).

С. 89. ...*народных рассказчик* ...из этих «*городов мужчин*» — см., соответственно, статью Оссендовского *Современное твор-*

чество китайцев (1911) и рассказ Город мужчин (1914) в тт. I и III настоящего издания.

С. 98. ...цзянь-цзюня — т. е. губернатора.

С. 113. Такие события случились. Было это тридцатого октября — Ниже описан действительный и весьма кровавый по-гром, произведенный во Владивостоке 30-31 окт. 1905 года воз-мущившимися солдатами и городской чернью.

С. 120. ...огромное здание, украшенное дорогой облицовкой и сверкающее зеркальными окнами — имеется в виду построенное в 1906-1907 гг. по проекту архитектора Г. Юнгхенделя здание универсального магазина торгового дома «Кунст и Альберс» на ул. Светланской во Владивостоке, ныне ГУМ.

С. 125. ...Свеном Гедином — Знаменитый шведский путеше-ственник С. Гедин (1865-1952) был пангерманистом и в период Первой мировой войны поддерживал Германию, как впоследст-вии нацистов. В 1925 г. Гедин выступил с критикой кн. Оссендов-ского Звери, люди, боги, однако едва ли знал об этом давнем вы-паде Оссендовского.

С. 134. ...Вильгельм Оствальд — В. Оствальд (1853-1932) — выдающийся химик из остзейских немцев, философ, лауреат Но-белевской премии по химии (1909). В предвоенные годы был близок к мирному движению, однако после начала Первой мировой войны выступил в поддержку позиции Германии.

С. 136. ...сын германского матроса — Отец А. Альберса Густав, сооснователь торгового дома «Кунст и Альберс», около 12 лет пла-вал на немецких торговых судах, сперва как юнга и матрос, позд-нее в качестве штурмана.

С. 139. ...великий призрак славянского витязя — Оссендов-ский, как свидетельствует следующее далее описание, быстро осознал возникший с началом войны спрос на мистическо-аги-ационную военную фантастику, примерами которой могут слу-жить опубликованные в данном томе рассказы *Тень за окопом* и *Услышанные молитвы*.

С. 139. ...поле Грюнвальда — речь идет о Грюнвальдской бит-

ве 15 июля 1410 г., в которой польско-литовские силы разгромили войска Тевтонского ордена.

Тень за окопом

Впервые: *Аргус. 1915*, № 1.

Услышанные молитвы

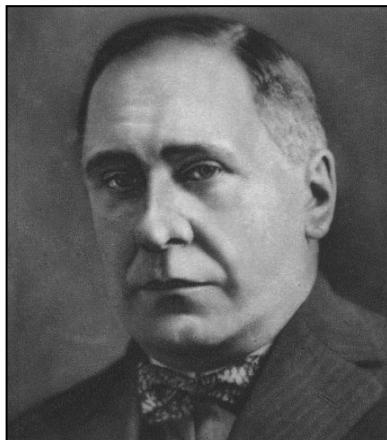
Впервые: *Лукоморье. 1915*, № 41, 10 октября.

На заре

Впервые: *Лукоморье. 1914*. № 26, 7 ноября.

А. ОССЕНДОВСКИЙ

Биографический очерк

Фердинанд Антоний (Антон Мартынович) Оссендовский родился 27 мая (8 июня) 1878 г. в Люцине Витебской губ. в семье польского врача Мартина Оссендовского и Виктории Борткевич; семья имела дворянские корни. С 1885 г. учился в гимназии Каменец-Подольска, куда переехала семья; завершил курс в петербургской 6-й гимназии. После смерти отца мать преподавала музыку, Оссендовский поддерживал семью, давая уроки; еще в гимназические годы редактировал ученический журнал.

По окончании гимназии Оссендовский поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, путешествовал по Сибири в качестве ассистента биохимика С. Залевского. В связи с преследованиями за участие в студенческих волнениях 1899 г. был вынужден уехать из России, учился в Сорбонне у выдающегося химика М. Бертло, там же познакомился с М. Склодовской-Кюри. По возвращении в Россию получил диплом Петербургского университета со степенью кандидата естественных и математических наук. В 1902-1903 гг. состоял старшим лаборантом в Томском технологическом институте, затем заведовал лабораторией Уссурийской железной дороги во Владивостоке и некоторое время являлся секретарем восточного отделения

Русского географического общества; состоял также в Обществе изучения Амурского края.

С 1904 г. Оссендовский заведовал химико-механической лабораторией Управления Китайско-Восточной железной дороги в Харбине и по поручению армейских властей изучал возможности использования местных минералов и растений в военных целях. В 1900-х гг. опубликовал ряд статей в российских и зарубежных научных журналах.

В октябре 1905 – январе 1906 г. Оссендовский возглавлял стачечный комитет КВЖД; был арестован в январе 1906 г. и приговорен к полутора годам тюремного заключения. Выйдя из тюрьмы осенью 1907 г., Оссендовский перебрался в Киев, где в 1908 г. несколько месяцев состоял техническим директором асфальтовой фабрики. В 1909 г. вернулся в Петербург и предложил журналу *Русское богатство* повесть *Людская пыль*, описывавшую быт и нравы тюрьмы. Однако редактор журнала В. Г. Короленко, признавая за автором «несомненные признаки литературного дарования», отклонил повесть на том основании, что она в основном содержала «известный уже всем тюремно-бытовой материал». Выпущенная отдельным изданием в 1909 г. повесть была изъята и уничтожена цензурой; один из уцелевших экземпляров дошел до Л. Толстого, который отнесся к книге с интересом. В 1911 г. Оссендовский переиздал повесть под названием *В людской пыли*.

В 1909 г. одноактная пьеса Оссендовского *Жертва тайги* была с успехом поставлена в Литейном театре В. А. Казанского. В 1910–1911 гг. Оссендовский редактировал польскую газету *Dziennik Petersburgski*, с 1910 г. активно печатал повести, рассказы и очерки в приложениях к *Ниве*, журн. *Новое слово* и *Новый журнал для всех*, *Мир приключений*, «тонких» иллюстрированных журналах *Аргус*, *Огонек*, *Синий журнал*, *Весь мир*, *Жизнь и суд* и др., публицистические статьи в газ. *Биржевые ведомости*; в 1911 г. две его публикации о китайской литературе появились в *Аполлоне*.

В произведениях Оссендовского этих лет выделяется серия рассказов о золотых приисках и дальневосточном быте; героями его часто становятся люди, противопоставляющие себя обществу. Наряду с некоторыми мистико-фантастическими и приключенческими рассказами, наибольший интерес для современного читателя представляют научно-фантастические повести 1913–14 гг. *Бриг «Ужас»*, *Женщины, восставшие и побежденные* и *Грядущая борьба*, позволившие исследователям (Л. Геллер, А. Колганова и А. Рейтблат, И. Халымбаджа) причислить Оссендовского

к заслуженным НФ в России и считать его произведения одними из первых в русской литературе антиутопий.

Литературой, однако, многочисленные занятия Оссендовского не исчерпывались. В книге *Историческая записка, изданная ко дню пятидесятилетия С.-Петербургской Шестой гимназии* (СПб, 1912), Оссендовский означен следующим образом: «Officier d'Academie. Управляющий делами Постоянной совещательной конторы золото- и платинопромышленников. Член Комитета совета съездов представителей промышленности и торговли. Консультант Морского министерства по вопросам товароведения. Редактор технического журнала “Золото и платина” и газеты “Биржевые ведомости”. Член Литературного фонда, Союза драматических и музыкальных писателей, Физико-химического общества, Общества народных университетов». Примерно те же сведения значатся в справочнике *Весь Петроград на 1917 г.*, где Оссендовский уже записан как член редакции суворинского *Вечернего времени*.

В годы Первой мировой войны Оссендовский напечатал несколько военных рассказов в журн. *Аргус и Лукоморье*, но в основном был занят написанием многочисленных патриотических и германофобских статей для *Вечернего времени* и др. газет. Многие из них (под псевд. А. Мзура) были направлены против дальневосточного торгового дома «Кунст и Альберс», который Оссендовский пытался шантажировать; кульминацией этой клеветнической кампании стала скандальная повесть *Мирные завоеватели* (1915), выпущенная Оссендовским под псевдонимом Марк Чертван.

После революции, при участии коллеги по *Вечернему времени* Е. Семенова, Оссендовский сфабриковал т. наз. «документы Сиссона», якобы доказывавшие связи большевистского руководства с немецким правительством.

В начале 1918 г. Оссендовский прибыл в Томск, где вошел в окружение Г. Н. Потанина, затем перебрался в Омск, где стал чиновником и членом совета Министерства финансов, промышленности и торговли и членом ученого совета Министерства сельского хозяйства колчаковского правительства, редактировал журн. *Вестник финансов, промышленности и торговли* и преподавал химию в политехническом и сельскохозяйственном институтах. С мая 1919 г. являлся сотрудником и заведующим подотделом печати Осведомительного управления при штабе Верховного Главнокомандующего (Осведверх).

В ноябре 1919 г. вместе с эшелоном Осведверха эвакуировался на восток, в начале января 1920 г. под угрозой ареста большевиками бежал из Красноярска через Хакасию и Урянхайский край в Монголию; в Урге познакомился с «кровавым бароном» Р. Ф. Унгерном фон Штернбергом. Из Монголии Оссендовский направился в Харбин и затем во Владивосток, откуда через Японию перебрался в США.

Беллетеrizированное изложение монгольской одиссеи *Beasts, Men and Gods* (Люди, звери и боги, Н.Й., 1922), написанное с помощью американского журналиста Л. С. Палена, принесло Оссендовскому всемирную известность. Менее чем за год на английском языке вышло девять изданий книги; вскоре появились переводы на многочисленные европейские языки (русский пер. вышел в Риге в 1925 г.).

Читателей завораживал не только образ полубезумного мистика и убийцы Унгерна, но и оккультные страницы сочинения Оссендовского, в частности легенды о подземном царстве Агарте (Агарти). Оссендовский, заимствовав их из книги французского оккультиста Ж. Сент-Ива д'Альвейдра *Миссия Индии в Европе* (1910), фактически первым познакомил с ними широкую публику и повлиял в этом плане на Н. Рериха и Р. Генона.

Однако у Оссендовского нашлись и влиятельные критики, в том числе знаменитый путешественник С. Гедин, обвинявшие писателя в вымыслах и географических и этнографических неточностях (в 1925 г. Гедин даже посвятил этому вопросу книгу *Ossendowski und die Wahrheit*). Оссендовский в ответ обвинял своих критиков в близости к большевикам.

Проведя около года в США, Оссендовский переехал в Польшу, где воссоединился — и вскоре развелся — со своей первой женой А. Н. Боголюбской, дочерью начальника Томского горного управления. Его новой женой стала вдовая скрипачка и преподавательница музыки З. Ивановская-Плошко, которой писатель увлекался еще в начале 1900-х гг. во время пребывания в Томске.

Польские годы Оссендовского — это история многочисленных (свыше семи десятков!) книг, выдвинувших его в первые ряды популярных польских прозаиков и переведенных на двадцать языков. Среди его произведений — мемуарные книги и очерки о России, кн. *Ленин* (1930), путевые записки, экзотические новеллы и повести, навеянные путешествиями по Африке, Ближнему Востоку и Азии, исторические повести о польской старине, произведения для юных читателей и очерки странствий по заповедным уголкам Польши.

В годы нацистской оккупации Оссендовский присоединился к движению сопротивления и подпольной Национальной партии, разрабатывая программы обучения молодежи в будущей освобожденной Польше.

Писатель скончался 3 января 1945 г. в госпитале Гродзиска-Мазовецкого и был похоронен на кладбище Милянувека близ Варшавы. Согласно польским источникам, могила Оссендовского была вскоре вскрыта советскими офицерами, желавшими убедиться, что писатель-«антисоветчик» действительно умер.

В последние десятилетия Оссендовский стал предметом многочисленных «сенсационных» публикаций, в которых фигурируют золотые клады барона Унгерна, таинственные предсказания монгольских провидцев, встреча, состоявшаяся у Оссендовского накануне смерти с загадочным нацистским офицером, оказавшимся по совместительству родственником Унгерна и т. п. Возможно, писатель, в чьей жизни всегда оставалось место для вымысла, этому был только порадовался.

Оглавление

Мирные завоеватели

М. Фоменко, А. Шерман. Мирные вымогатели (Необходимое предисловие) 8

Мирные завоеватели 17

Рассказы 25

Тень за окопом 142

Услышанные молитвы 155

На заре 160

П р и м е ч а н и я 165

А. Оссендовский: Биографический очерк 168

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.